

*Анастасия**Литвинова*

ЭКОИСТКА

Роман

Все меньше и меньше остается лесов:

Их истребляют,

Их убивают,

Их сортируют

И в дело пускают,

Их превращают

В бумажную массу,

Из которой получают миллиарды газетных листов,

Настойчиво обращающих внимание публики

На крайнюю опасность истребления лесов.

Жак Превер

ГЛАВА I

Кира долго готовилась к этому интервью, и все это время у нее было полное ощущение, что после него ее жизнь изменится. Но изменилось только настроение – такого прилива фатализма и бессилия она не испытывала очень давно.

Обычно бывало наоборот: в те редкие дни, когда Кире удавалось добиться у интересного ей человека ключевой темы номера, когда своеобразная охота на личность заканчивалась ее победой, она чувствовала, что день удался, даже если потом не пришлось больше палец о палец ударить, провалявшись весь день с книгой на диване.

Встречи с Давидом Гринбергом она добивалась почти год. Церберы-помощники отсеивали всех, у кого в кармане не было денег на миллионные инвестиции в его проекты. Но иногда по-детски наивное упрямство может сломить даже холодную блондинистую секретарскую стену. Кира не была очень настойчивым человеком, особенно в работе, – ей привычнее развернуться и уйти, даже услышав «нет» в первый раз. Но Гринберг был нужен ей не только по заданию редакции. Ей казалось, он сразу увидит в ней своего соратника, поразится тому, что смазливая журналистка может думать о чем-то более важном, чем деньги, шмотки и спа.

Главный редактор журнала «Luxury Menu», в котором работала Кира, где-то прочитала, что Давид финансирует исследования по продлению человеческой жизни. Выходец из России, живущий на широкую ногу в Лондоне, быстро разбо-

гатевающий, не скрывающий своего состояния – обычно таких недолюбливают, он умудрялся лавировать между интересами различных финансовых групп, дружить со старой английской аристократией и скромными профессорами из российской провинции. Чем не тема: миллионер резвится, занимаясь тем, чем остальные бросили заниматься еще в подростковом возрасте – мечтами о больших открытиях.

– Не наигрался, – так Оксана и сказала. – Не забудь, пусть пришлют фото, где он с Биллом Гейтсом, королевой или кем-нибудь в этом роде.

– Мадонна в этом роде?

– Нет, это слишком попово. Хотя... мы же ведем речь о старости... Можно комментарий свернуть, типа «Мадонна готова первой протестировать новое чудо-средство».

– Вот как раз это звучит попово.

– Ну и что, пусть. Иногда нужно спускаться с небес...

Помимо игр с бессмертием, Гринберг инвестировал миллионы фунтов в научные исследования экологического толка, щедро оплачивая труд лучшим умам планеты, лишь бы те нашли выход из тупика, в который загнало себя человечество. Пока, правда, никто ничего не нашел.

Кире было даже стыдно задавать Гринбергу вопросы, навязанные легким стилем журнала. Ей хотелось спросить о том, что делать людям, каждому человеку, что делать ей – девушке, живущей в большом городе, с хорошей квартирой, зарплатой, машиной, тусующимися друзьями и вечно мающимся сердцем. Она была уверена, что у него есть ответ, и оказалась права.

– Кира, – ответил Гринберг, открыто глядя ей в глаза. И Кира отчетливо прочитала в этом взгляде снисхождение, какое человек испытывает к несмышленным детям. – Ни вы, ни пара миллионов таких же, как вы, не смогут сделать ни-че-го.

– Ну как же ничего! – возмутилась она. – Я понимаю, что это звучит банально, но все же... ограничить потребление, экономить воду, не покупать бутилированную...

– Послушайте...

Наверное, это все-таки было не сочувствие, а банальная усталость. Видно, он уже десятки раз спорил на данную тему.

– Не тешь себя иллюзиями. Людям вообще свойственно создавать себе ложное чувство комфорта, и это нормально. Психологическая защитная реакция. И именно это вами руководит, а не здравый смысл.

– Ну тогда объясните мне, почему бесполезно?

Недоумение и разгоряченный тон Киры уже явно выходили за рамки нейтрального делового разговора.

– Потому что, во-первых, таких сознательных, как вы, слишком мало. Попробуйте смотивируйте китайцев, индийцев, африканцев что-то не покупать или думать о том, сколько диоксида выбрасывает их старенький автомобиль. Они выживают, им не до этого. А их, как вы знаете, очень и очень много. Так что совершенствовать старые технологии уже поздно. Нас может спасти только новое, совершенно новое технологическое чудо. Его я и ищу!

– Но их же можно тоже как-то направить...

– Нет, эта задача куда сложнее, чем технологии.

– Черт! – не сдержалась Кира. – А я мучилась из-за того, что не устояла и купила новый айфон, хотя предыдущий, наверное, еще лет пять мог бы исправно работать.

– Я вам больше скажу. Покупайте и восьмой, и девятый, и бог знает сколько еще... От этого ничего не изменится.

– Вы так легко об этом говорите, с таким непоколебимым оптимизмом, будто вас это никак не касается.

И действительно, глаза ее визави лучились каким-то любопытством. Словно даже после разговора, исполненного фатализма, ему все равно не терпелось заглянуть в будущее.

Внешне он был похож на состарившегося мальчика, пропустившего стадию мужчины. Большие светло-голубые, всегда будто удивленные, распахнутые глаза с множеством морщинок вокруг, круглое лицо, узкие губы и очень жесткие кучерявые волосы, немного отдающие рыжим. Была ли эта детскость в сорокапятилетнем бизнесмене обманчива, Кире не удалось узнать даже спустя много времени.

– А что нам остается делать... Плакать? – сказал он и широко улыбнулся.

Не найдя успокоения в его словах, Кира больше не пыталась увести это интервью в нужное ей русло. Формально распрощавшись спустя двадцать минут, она медленно брела по Кингс Роуд, отдаляясь от офиса Гринберга и от своей мечты. Склонность к преувеличению уже рисовала в ее воображении задыхающийся от смога и болезней Лондон, покореженное ураганами и гигантскими волнами лондонское Око и мамаш, вытаскивающих своих детей из грязевых потоков. Ну а пока Кингс Роуд сверкала тысячами заманчивых витрин. До самолета оставалось еще полдня, за которые Кирина сумка успела наполниться подарками и обновками. «По крайней мере, у меня теперь есть оправдание, могу с головой окунуться в беспредельный консюмеризм. Сам Давид разрешил!» – подумала она горько, не без удовольствия глядя при этом на нарядные пакеты.

Кира вспомнила, как попала в этот город почти пятнадцать лет назад. Она гуляла по Лондону с группой таких же закомплексованных подростков, каким была и сама, и, вместо того чтобы восхищаться впервые увиденной границей, испытывала жгучее чувство стыда. Причиной тому был огромный пуховик цвета хаки, в который ее нарядила мама. По Кириному мнению, не было на свете вещи более чужеродной в этом стильном городе и ничто так не уродовало ее тоненькую фигурку, как неказистое творение подпольной китайской фабрики, которое было уместно разве что на Северном полюсе. Тогда Кира придумала какую-то изощренную схему, чтобы поменяться куртками с другой девчонкой из группы. Силой своего прыщавого авторитета она буквально насильно нацепила на подружку свой пуховик и забрала кожаную куртку, которая была холодной, потасканной и ужасно тяжелой. К вечеру у продрогшей Киры болели плечи и спина, но она упрямо носила чужую куртку, ибо так, ей казалось, она в большей степени походила на цивилизованного человека. Вся группа посмеивалась над ней, но это она еще могла вынести. Мнение ближайшего окружения Киру смущало намного меньше, чем мнение лондонцев, хотя они даже и не подозревали о Кирином существовании. Ее каждый раз вводили в ступор беспричинные улыбки и дружелюбное «good morning» незнакомых людей на улицах Ипсвича, где Кира училась. Ответное дружелюбие они в ней тогда не вызывали – только замешательство и чувство полнейшего несоответствия. Поэтому каждая такая поездка была причиной чудовищной ломки. Кира сопротивлялась родителям, как могла.

Когда она решила поступать на журналистику, отец сразу же поставил на ней крест: «Какой из тебя журналист! Ты поздороваться с людьми нормально не можешь». Во многом выбор профессии был сделан вопреки его словам, чтобы доказать себе и ему, что она лучше и сильнее, чем о ней думают, а вовсе не из большой любви к писанине или общению. Особого таланта Кира в себе никогда не чувствовала, хотя иногда на нее нападало вдохновение. Правда, очень редко.

Спустя десять лет в профессии она наконец-то признала, что журналист из нее вышел весьма посредственный. И чтобы стать этой посредственностью, пришлось проделать над собой дьявольски сложную работу. Она вообще очень любила сражаться сама с собой. Кира преодолевала свою стеснительность с маниакальной упертостью альпиниста, карабкающегося на Эверест. В результате ее занесло в другую крайность: она перестала бояться вообще всего. Вернее, Кира загнала свои страхи очень глубоко, в какие-то неизвестные ей самой уголки души. Она чувствовала, что этот страх жив, что он бродит по лабиринту бессознательного в поисках выхода, но, как только он приближался к поверхности, она намеренно совершала какой-нибудь дерзкий поступок, и страх отступал перед лицом бравады и эйфории. В общем, Кира научилась кое-как ужиться с собой, а благодаря частым поездкам она везде чувствовала себя как рыба в воде. Мало того, нажила себе перманентную тягу к смене мест, которую называла «зудом путешественника».

* * *

Вялое течение неотфильтрованных мыслей настолько засосало Киру, что, погруженная в них, она, на автомате расплатившись в кафе и доехав на экспрессе до аэропорта, уже шла на посадку в самолет. Все три с половиной часа полета Кира просидела, прислонившись к иллюминатору лбом и вглядываясь в темноту. Голова гудела так же, как двигатели самолета. Все дальнейшее существование представлялось Кире сплошной борьбой за выживание. И стоит ли бороться, если будущее – череда лишений и катастроф. Ее чувства были далеки от паники, скорее, какое-то мерзкое ощущение любопытства и фатализма. Вероятно, то же самое испытывают неизлечимо больные люди, которые знают о своем диагнозе. Однако до конца воссоздать страшное будущее в своих фантазиях Кира не могла – воображение приводило ее на какой-нибудь маленький спасительный остров или оазис в горах, где укроются от беды самые подготовленные люди. «Как же оголливудились мои мозги», – подумала Кира. Любой ее сценарий проходил через катастрофу и заканчивался хэппи-эндом.

Она нарисовала себе уйму душещипательных сцен. В одной из них Макс в последний момент вытаскивает ее из грязного водоворота или укрывает от снега собственным телом. «Не хватает маленькой болонки или котенка для пушшего эффекта...»

Ко всей этой оргии мыслей отчетливо примешивалось чувство вины. За свой образ жизни, за привязанность к комфорту; вина за пластик и воду, вина перед оленями, львами, акулами, пчелами, кошками, норками и песцами, коровами и всем сущим. Не было вины только перед людьми. Вообще-то она любила каждого человека в отдельности, поражалась глубине некоторых личностей и восхищалась ими. Но ненавидела человечество в общем и его необъяснимую коллективную недальновидность и жестокость.

К концу полета душевное напряжение стало спадать. Моменты готовности к полному самоотречению и жертвенности часто и как-то естественно сменялись у Киры бесстыдным пофигизмом. Спустя полчаса после рушащих все жизненные устои мыслей она уже присматривала себе новые туфли на весну, представляя, какое впечатление произведет на совершенно не нужных ей людей.

* * *

Кира уже привыкла, что никто не встречает ее в аэропорту. Слишком уж часто она улепетывала из Москвы, поэтому радость встреч перестала искрить эмоциями, превратившись лишь в неудобство от пробок и просьб. Но сегодня ее встреча-

ла Женя – единственная Кирина подруга, которая вызывала у нее искреннее чувство восхищения. Кира сама не могла понять причину своего обожания, для нее подруга действительно была эталоном гармонии красоты, ума, юмора и доброты. Обычно чужое превосходство вызывает в большинстве женщин почти ощутимую физическую боль и впрыск яда в кровь. Но в случае с Женей Кирино яда не хватило бы, чтобы перекрыть всю боль от ее совершенства. Поэтому Кира просто покорно признала, что Женя слишком прекрасна, чтобы вызывать даже типичное чувство конкуренции. Она всегда удивлялась, как в таком циничном городе может жить настолько чистой души человек. Вернее, жить-то как раз проще, чем не впитать с годами весь смог его алчности, распушенности и пошлости.

Женя была красива какой-то нерусской красотой. Ее отец был дипломатом, поэтому она родилась в Дании и до пяти лет жила там. Женю часто спрашивали, нет ли у нее скандинавских корней, но что она отшучивалась, что всем своим видом доказывает теорию о влиянии места рождения на внешность. Белокурые волосы и ярко-голубые глаза, пухлые, наверно даже чересчур, губы заставляли окружающих подозревать пергидроль, линзы и силикон, хотя общий, достаточно скромный образ давал понять, что все это натуральное и не нуждается в коррекции. В общем, даже этого было бы достаточно, но, видно, природа решила сыграть над мужчинами злую шутку и наградила Женю высоким ростом, статью и покатыми бедрами. Лицо у нее было тонким, вытянутым, без типичной русской тяжеловесности и пухлых щек. Бархатистый певучий голос. И тут природа решила подшутить не только над мужчинами, но и над самой обладательницей всей этой роскоши и подмешала ей щедрую долю цепкого ума. Похоже, зря. Потому что лучше бы она тупо принимала захватнические набеги мужчин на свое тело, чем постоянно на эту тему рефлексировала. Женя окончила МГИМО, где действительно училась, а не строила глазки преподавателям, а позже сделала неплохую карьеру в международном консалтинге. Если бы она, как большинство одаренных природой девиц, бесстыдно пользовалась своей внешностью, темпы ее карьеры, вероятно, утроились бы. Но Женя, помимо всего прочего, была старомодна, за что Кира называла ее «последним из могикан».

Старомодность Жени проявлялась во всем: от одежды до убеждения в том, что девушка должна уходить из семьи и начинать совместный быт с мужчиной только после свадьбы. Она слушала классическую музыку, не ходила в клубы, не носила шпильки, чем вызывала у людей полное недоумение. Ее побаивались. Кира тоже, правда, побаивалась не на расстоянии, а в числе особо приближенных. Если бы Женя узнала, в каких дозах Кира иногда вливала в себя по пятницам виски, сколько у нее было «на один раз» и что она нет-нет да и покуривала травку... Кире хотелось быть для подруги лучше, чем есть, поэтому она, с одной стороны, была с ней предельно искренна, а с другой – строго дозировала информацию о себе.

– Ты меня удивляешь, – сказала Кира, просияв и чмокнув подругу в щеку. – Сидела бы дома со своим Персиком. Я представляю, сколько нервов тебе стоило пробиться через поток железяк на колесах, в которых заперты матерящиеся нервные ублюдки.

– Ублюдки, конечно, были, но все окупилось – мы встретились!

Кира засияла:

– Мы могли бы встретиться и завтра и от радости съесть огромный тирамису.

– Слушай, ну ладно тебе. Мне просто нечего было делать. Ехать от меня всего-то полчаса. Почему бы не сделать тебе приятное и не пообщаться.

– Ну, тогда давай срочно общаться! Рассказывай, кто там на горизонте активировался? Речь ведь об этом?

– Ха-ха, все-то ты знаешь!

– Ну не про работу же ты приехала рассказывать, – сгримасничала Кира.

Дальше последовали типичные девичьи подробности: «а он сказал, а я сказала, а он не взял трубку, а потом сказал – сказала – сказал – обиделась». Имя, внешность и все детали жизни собеседника были не так уж и важны, поскольку все у Жени всегда заканчивалось одним и тем же – разочарованием. Но она философски спокойно к этому относилась, не впадала в уныние и верила в лучшее.

– Как съездила?

Кира рассказала о своем дерьмовом самочувствии после разговора с Давидом.

– Знаешь, такое двоякое ощущение. С одной стороны – жажда деятельности. Хочется бить в набат, трубить на весь мир, мол, люди, просыпайтесь, опомнитесь! – Кира и в самом деле повысила голос и стала размахивать руками, как глашатай. – Люди, забудьте о своих мещанских прихотях!.. С другой стороны, он сумел меня убедить, что все тщетно. И поскольку все тщетно, – продолжила она, – я расслабилась – превратилась в прожорливую фанатичку шопинга и накупила в «Harrods» кучу всякой всячины.

– Я заметила. По весу твоего чемодана. – Женя покосилась на Киру с шутливым укором. – Девочки, даже самые сознательные в мире, неисправимы.

– Нет! Он тяжелый, потому что там есть кое-что для тебя! Должна же я как-то отблагодарить тебя за то, что ты меня встретила. И, между прочим, отблагодарить следует гораздо дороже, чем заплатить таксисту.

– Кира!

– Да шучу я! Хотя благодарность всегда стоит дороже, чем обычные товарно-денежные отношения.

– Это точно!

В какой-то момент Кира отключилась от разговора. Фары встречных машин расплылись в ее задумчивом оцепенении. Женин сосредоточенный профиль то проваливался в полумрак, то резко освещался по контуру, очерчивая идеально вылепленный лоб, нос, губы и кончики ресниц.

– Знаешь, Гринберг все никак не выходит у меня из головы. Было бы таких людей чуточку больше, мир был бы совсем другим, – сказала Кира, все еще наблюдая за игрой света и тени.

– Знаешь, недавно мой знакомый мне про него тоже рассказывал. Но не очень лестные вещи...

– Да?! Что за знакомый и что за вещи?

– Ну... что он, мягко говоря, непорядочный человек. Я в подробности не вдавалась, ибо не моя это тема.

– Так что за знакомый? – повторила Кира.

– Некий Марк Паклер, может быть, ты про него даже слышала – он уникальный! Из семьи потомственных изобретателей. Сейчас конструирует безэмиссионные двигатели для самолетов. А с Гринбергом они долго работали вместе, вели общий бизнес. Мой клиент, в общем.

– А насколько вы близко знакомы?

Вместо ответа, Женя глянула на Киру так хлестко, будто ужалила.

– Нет-нет, я не это имела в виду! В смысле, если вы хорошо общаетесь, может, я могла бы задать ему несколько вопросов. И вообще, если он настолько интересен, я хочу интервью!

– Хорошо, я с ним поговорю.

Кира опять посмотрела на Женин профиль. У нее было доброе лицо. Иногда, бывает, помотришь на человека и не поймешь, то ли бежать от него, то ли схватить и не отпускать. Насчет Жени таких сомнений просто не могло быть: такая «обложка» может хранить только драгоценную душу. И все же, пока Женя была поглощена дорогой, Кира продолжала вглядываться в ее черты, стараясь понять, может ли там скрываться что-то еще, помимо идеального воспитания и высокой культуры, может ли там быть двойное дно и в чем же ее неидеальность.

* * *

Кира открыла дверь и включила свет. В квартире стоял затхлый запах, какой бывает или в давно заброшенных помещениях, или в домах старых одиноких людей. Кире почему-то резко стало жалко себя, будто это она сама была чем-то давно заброшенным. К ногам кинулись три кошки, завопившие разноголосым хором. Девушки выпили по бокальчику давно открытой бутылки вина, которую Кира всегда припасала для гостей, но никогда не пила одна. Поэтому вино часто прокисло. Женя на свой страх и риск уехала за рулем.

Кира никогда не оставляла чемодан неразобранным. И в этот раз, хотя часы и пробили полвторого, она принялась рыться в вещах и надолго застыла, сжав в руках подарок для Максима – серебряные запонки, под сапфировое стекло которых можно было вставить любую фотографию или изображение. Она задумалась: подарить их так, как они есть, или вставить свой портрет либо их совместный снимок. Побросав вещи, Кира села к компьютеру и стала искать что-нибудь подходящее. Спустя полчаса обнаружила, что за последние пару лет у них не было ни одной общей фотографии. Вот она на отдыхе, вот он с друзьями на даче. Макс ее, конечно, звал, но разве поедет такая девушка, как она, с такими неподходящими личностями, как они... Вот она опять на отдыхе, а он за рабочим столом, за рулем, возле новогодней елки – тоже один. Она на острове с белым песком и фотошопного цвета водой, в баре, на интервью, на лыжах. Неизменно небрежно шикарная... Папка на рабочем столе компьютера под названием «Life», как оказалось, говорила об их отношениях намного больше слов.

В голову стали прокрадываться мысли вроде «как хорошо было раньше и как серо сейчас». И что по-настоящему яркими были лишь несколько их первых встреч, а все остальное оказалось только ожиданием их повторения. Кира давно поняла, что в таких размышлениях нет никакого смысла, только потеря времени, и поэтому отогнала их прочь и принялась за статью. Монотонная работа – прослушать кусок текста, набрать, прослушать, перепечатать – ей нравилась, хотя со стороны покажется самым нудным трудом из всех возможных. Для Кире же она была чем-то сродни медитации. К тому же так ее не мучила совесть за безделье, ведь она действительно работала. И в то же время ни о чем не думала. Это был один из редких моментов, когда Кира могла остановить рой мыслей, заполняющих ее мозг, словно пчелы улей. После расшифровки интервью она часто приходила к выводу, что интеллектуальный труд – это, в общем-то, противоестественно для человека. Ибо он никогда не делает его счастливым.

В этот раз работа не клеилась. Она постоянно спотыкалась о слова Гринберга. На фразе «...мы всё это заслужили» она отключила диктофон, разделась и легла в постель. Среди ночи в полудреме почувствовала, как Максим шмыгнул под одеяло, обнял, перекинув через ее талию свою тяжелую руку. Сразу стало жарко, неудобно и тяжело дышать, но Кира никогда не убирала его руку. Ночью Кира всегда любила Макса сильнее. Даже если накануне они поссорились и утром она намеревалась продолжать дуться на него. Ночью он просто становился ее род-

ным, гладким, могучим, вкусно пахнущим телом. Как будто обидчик, заключенный в этом теле, на ночь улетал по своим делам.

Кира прижалась к нему изо всех сил и быстро заснула.

ГЛАВА II

– С приездом, дорогая! – раздалось в трубке.

Звонок разбудил Киру. По яркому свету, пробивающемуся сквозь портьеры, она поняла, что утро, похоже, отнюдь не раннее, и оправдываться бесполезно. Звонила редактор. Максима уже не было. Не было ни одного свидетельства его присутствия, даже грязной чашки в раковине. На секунду Кира засомневалась, а приходил ли он вообще...

– Спасибо.

– Ты не собираешься нас сегодня навестить?

– Собираюсь.

– Собирайся быстрее, уже первый час. Я соскучилась.

Быстрее не получилось. Кира собиралась ровно два часа. Отточенные движения, одно за другим, наполняли ее дневное утро. Каждый божий день, в строгой последовательности, с одинаковой затратой времени – в этом ее беспокойное сознание тоже находило своего рода успокоение, поэтому чистить зубы одной и той же пастой, в одной и той же позе с одинаковым выражением лица ей никогда не надоедало. Наоборот, если какой-нибудь пустяк мешал ей сохранить последовательность утренних ритуалов, Кира нервничала и суеверно считала, что день с самого начала не задался. Этот пустяк становился для нее огромным форс-мажором.

В этот день все было даже слишком размеренно. Кира знала, что ее ждут в офисе, но также знала, что ее появление особо ничего не изменит, поэтому не торопилась.

Так же почти каждое утро Кира задумывалась на секунду, как ей добираться, но решение всегда было традиционно и предсказуемо – она ехала на метро. Кира была единственной из ее окружения, кто, имея выбор, пользовался общественным транспортом. Во-первых, она не любила даже чуть-чуть выходить из зоны своего покоя, а дорожное движение в будни раскачивало ее психику не хуже американских горок. Во-вторых, она полагала, что так больше соответствует своему «зеленому» имиджу, хотя окончательно избавиться от машины она не могла. Пороки большого города глубоко засели в ее голове. Несмотря на то что, казалось бы, именно она и ее коллеги – работники глянца отлично знают, как создать стойкую потребность в ненужных вещах и должны быть лишены свойственных всем остальным слабостей. Кире очень был нужен голубой джип, но получив его, она быстро потеряла к нему интерес. Машина была ей необходима только ради факта обладания и чтобы иногда эффектно пустить пыль в глаза.

Этим же пылепусканьем занималась и вся редакция журнала «Luxury Menu»: офис в модном бизнес-центре, современная скульптура на входе, стойка ресепшн из прозрачного пластика, напоминающая раскрытый ноутбук, суетящиеся сотрудники с озадаченными лицами – все это создавало картину пульсирующей жизни, бьющей фонтаном привилегий и денег. Что удивительно, даже большинство самих сотрудников были в этом свято уверены. Они думали, что делают большое важное дело и заставляют мир бизнеса крутиться вокруг них. И только усталые, полные раздражения и отчаяния разговоры, которые редактор вела с Женей наедине, выдавали истинную суть – медленное угасание журнала.

– Как ты съездила? – спросила Оксана, когда Кира вошла в ее светлый, но удивительно захламленный кабинет.

Кроме Киры, в редакции никто не знал, сколько Оксане лет. Ее лицо, конечно, выдавало возраст, но в ней сохранилась одна юношеская черта, которая сбивала всех с толку. Каким-то образом Оксане удалось сберечь девичий блеск в глазах, задор и открытость миру. Морщинки же вокруг глаз она убирала всеми возможными способами, складку меж бровей обезвредила ботоксом – и миру являлся человек без возраста.

– Нормально съездила. Подарочек тебе купила.

Кира достала любимые Оксанины духи от Issey Miake, потрясла ими, словно погремушкой перед младенцем, и, не дав возможности вставить даже пару слов благодарности, продолжила:

– Слушай, интервью получилось очень... М-м-м... Не совсем то, что хотела ты, но как раз то, что хотела я. Давай опубликуем в таком виде.

– В каком таком? Во-первых, ты мне еще ничего не показала, чтобы я могла хоть что-то ответить...

– Если ты мне сейчас разрешишь отступить от традиционно приторного тона, я и писать буду по-другому.

– Нет, отступать от приторного тона я тебе не разрешу, потому что у нас приторный журнал, и горечи добавлять туда нет смысла.

– Ну мама!

– Я тебя просила не называть меня здесь мамой!

– Ну Оксана Григорьевна! – процедила Кира, скорчив наипротивнейшую гримасу. – Можно подумать, никто не знает об этом.

Оксана лишь развела руками, надула щеки и театрально по-французски шлепнула губами «пфф», что, вероятно, означало: знают, не знают, но протокол нужно соблюдать.

– Давай ты не будешь вставлять мне палки в колеса, мам, она же Оксана Григорьевна.

– Неужели тебе нужно объяснять, что такое формат и неформат?

– Не надо мне объяснять. Если я опубликую это в каком-нибудь экоиздании или размещу на каком-нибудь захудалом сайтишке, все пройдет незамеченным. А людям, которым еще не опротивело читать про яхты-часы-самолеты, может, тоже иногда полезно о чем-то задумываться.

– Ладно, не хочу это обсуждать. Хочешь, договорюсь с Костей из «Business&Co», чтобы он взял материал себе? Без гонорара, естественно. – Оксана ехидно улыбнулась. – Но кусок про anti-age ты все же сделаешь отдельно – для меня. Договорились?

– Договорились!

Пробыв в офисе от силы часа полтора, Кира вернулась домой. Ее рабочие визиты редко длились дольше, разве что когда она ждала конца рабочего дня, чтобы отправиться с Оксаной на ужин в какой-нибудь «дружественный изданию» ресторан. У Киры было свое официальное рабочее место, которое со временем превратилось, за ее отсутствием, в нечто наподобие редакционного склада ненужных вещей. Новые работники успевали уволиться, так и не узнав ключевого редактора-корреспондента в лицо. Тем не менее Кира никогда не подводила Оксану. Она долго бездельничала, создавая видимость работы, убивала свою жизнь в Интернете, бывало, целыми днями занималась такой ерундой, что вечером не могла даже сформулировать, что же из этого всего было самым бесполезным.

Несмотря на деспотический и слегка отстраненный характер матери, Кира любила ее беззаветной, безусловной любовью, которая возможна, наверное, только в возрасте лет трех. Поэтому подводить ее она не могла и после очередного трансового бездействия, из которого выбраться труднее, чем мухе из липких паучьих лап, садилась за работу и обычно часам к трем ночи выдавала глубоко ненавидимый ею, но вполне сносный текст.

Слова «роскошный», «люксовый», «изысканный» и прочим она за три года хорошо научилась, но явно перестала получать от них удовольствие и не знала чем хотела бы заниматься в будущем.

Кира ничем особо не увлекалась. Не любила спорт, считала его чем-то вроде дополнительного наказания для тех, кого природа обидела хорошей фигурой. Музыка ей не далась в детстве. Остальное и перечислять не стоит. Единственное, что ей не давало покоя, – это экология, вымирающие животные всех возможных видов, словом, корчившаяся от боли Земля и ее обитатели. Она жадно глотала любую информацию на эту тему, раскладывала ее по полочкам, пыталась делать выводы, однако быстро их забывала. Экономила воду, ела, как это модно, органические продукты, старалась использовать меньше пластика и даже уже год не употребляла мясо. Однако от шуб, машин и перелетов отказаться не могла, за что иногда себя ненавидела. Но ненавидела очень тихо, почти незаметно, секундными вспышками, которые не так уж мешали ей жить.

Она долго смотрела на свое отражение. Прожив в этой физической оболочке уже почти двадцать шесть лет, она никак не могла к ней привыкнуть. Как будто эти широкие монголоидные скулы, большой рот и небольшие, но всегда словно насмехающиеся глаза были вовсе не ее. Кира всегда мечтала о более мягкой, женственной внешности, пухлых щечках, распахнутых кукольных глазах, волосах, как у Златовласки, а не об этой непослушной копне кудрявых волос с мелкими беспорядочными завитками. Она сознавала, что была красива, и постоянно получала этому подтверждение, но это была не та красота, которая бы ее устраивала. Работа тоже подходила ей не совсем. Любовник был хорош, но с некоторыми поправками. Образ жизни не тот, к которому она стремилась. Ей так хотелось копнуть в глубь себя и понять, откуда берется эта вечная неудовлетворенность. Но она не знала даже, с чего начать.

Однажды, читая книгу Анатолия Тосса, вместо того чтобы насладиться чтением, Кира пришла в ужас от собственной поверхностности. Образы у Тосса были глубокими, живыми, вибрирующими. Он мог описать запах такими нетипичными для этого словами, что Кира начинала чувствовать его в своей комнате. Тосс мог настолько разжечь желание, что она бросалась на Макса, чем вводила его в неопи-сываемый восторг. Он даже расстроился, когда Кира дочитала роман. А говорить полчас о луче света, пробивающемся сквозь окно? Была ли она на это способна?.. «Нет», – отвечала Кира сама себе. Она просто не замечала этих лучей. Жила, словно скользила по тихой морской воде в полный штиль. А если разыгрывались нешуточные волны, пугалась, пыталась разобрать, из чего состоит пена морская и откуда дует ветер, но что происходит внутри морских гребней, как красивы переливы воды во время бури, как многогранен звук надвигающейся стихии – этого всего она даже не замечала, продолжая скользить на своем непотопляемом равнодушном корабле.

Она ненавидела свою неспособность видеть суть и оттенки жизни, считая это чем-то вроде тяжелой инвалидности, и винила во всем свою профессию. Журналистика научила ее быстро выхватывать информацию, выдирает ее у других, как кусок мяса, оборачивать новость в красивую обертку и тут же забывать о ней, при-

ступая к другому куску. Думать короткими предложениями и быстро сворачивать повествование, ибо, как говорила Оксана, «журнал не резиновый». Кира слыла среди своего окружения большой интеллектуалкой, но, как и вся журналистская братия, она знала все и не знала ничего. Возможно, так ее сознание защищалось от перегрузок, но результатом такой самообороны была неспособность «набрать воздуха и нырнуть в глубину»...

За этими размышлениями ее и застал Макс.

– Иди сюда! – сказал он ей с порога, вытянув губы в трубочку.

Она поцеловала его так красиво, как только могла. Каждой мелочью, каждым жестом старалась заткнуть брешь в их взаимопонимании.

– Что делаешь?

– Ничего не делаю. Я думаю.

– Ну... это тоже занятие.

– Я вот думаю: Хемингуэй был отличным, первоклассным журналистом и писал вечные книги. Фицджеральд, Марк Твен... Журналистика не стала препятствием к их писательскому творчеству. Не помешала им видеть и чувствовать больше, чем видят и чувствуют другие.

– Это ты к чему?

– К тому, что у меня ничего не получается!!! – с чрезмерным отчаянием выпалила Кира.

– Уфф... Но ты же прекрасно знаешь, что ты суперпрофи. Классно пишешь. Что еще надо? А из тех, кого ты назвала, я читал только «Старик и море» да «Гэтсби», и то в школе. И, честно говоря, не впечатлен. Они тебе в подметки не годятся!

– Ну Макс, я серьезно.

– А еще – учись принимать комплименты, – сказал он, обнял сзади и начал шарить руками по ее телу. – Кушать есть что?

– Мда, я еще не самый запущенный случай, – процедила она так, чтобы он не услышал, и поплелась на кухню.

Ужин для Киры всегда был поводом еще раз встретиться с человеком, пусть даже с тем, кого она видела каждый день. Для девушки с определенными запросами она была удивительно непритязательна в еде. С одной стороны, ела, вернее, запихивала в себя еду быстро и бездумно и могла очнуться у пустой тарелки, так и не поняв вкус блюда. С другой – ела много и смачно, а благодаря тонкокостной конституции и мальчишечьей фигуре могла позволить себе все что угодно. Подруги с завистью шутили, что она приходит на ланч не «заморить червячка», а «успокоить дремлющего дракона».

В любом случае встречи за едой были для нее одним из самых любимых развлечений и поводом для болтовни, в то время как Макс, сев за стол, просто исчезал для общества. Наверное, думала Кира, глядя на его отсутствующий взгляд, он на это время жаждет стать невидимым, чтобы никто и ничто не могли его потревожить. Макс традиционно включал телик, неважно что, лишь бы мелькало. И умудрялся, ни разу не взглянув в тарелку, поглощать все, что на ней лежало. Кира попробовала однажды ради эксперимента есть так же – не глядя. В результате она, поднося вилку ко рту, попадала то в нос, то ниже и под конец изволилась, как неумелый младенец. Макс же закидывал в рот еду с меткостью снайпера. В особенно «вкусные» моменты он закрывал глаза и тихо, монотонно мычал. Еда для него была и удовольствием, и успокоением, и отдыхом от всех. От Киры в том числе. Если ей требовался от него какой-то ответ, вопрос приходилось задавать очень громко и резко или повторять несколько раз. Впрочем, она смирилась

Зато очень любила разглядывать его в такие моменты. По крайней мере, он ни разу не заметил ее взгляд на себе и был естественен. Глядя на его мужественное лицо, Кира не без тщеславия признавала, что ей достался по-настоящему красивый мужчина. Типаж у них был одинаковый, они вообще были похожи, поэтому многие принимали их за родственников. Высокие, поджарые, с немного смуглой кожей и карими, почти черными глазами. В последнее время Макс выглядел даже лучше, чем лет пять назад, он действительно красиво вырос.

Через полчаса Макс закончил медитацию над тарелкой, и глаза его затянулись пленкой надвигающегося сна; он мгновенно обмяк, ссутулился, под глазами нарисовались круги. У Киры мелькнула мысль о том, что ее предложение будет воспринято враждебно, но остановиться она уже не могла.

– Давай сходим куда-нибудь. Время только девять.

– Кирюш, я устал. Давай побудем дома.

– Окей, ты ж тогда не против, если я сама прошвырнусь?

– Я этого не говорил. Я предложил остаться дома вдвоем.

– А я предлагаю пойти куда-нибудь вдвоем. Как быть? Мне не нравится твое предложение, тебе не нравится мое... Следовательно, каждый занимается тем, чем хочет.

– Чем тебе не нравится мое предложение? – спросил Макс, стараясь выглядеть спокойным. Или на самом деле таковым себя чувствовал.

Кира никогда не могла его понять и от этого жутко бесилась. Даже расстройство, печаль, недовольство были у него чрезвычайно спокойными и выражались лишь в складочке между бровей. Он умел собою владеть, как никто, и иногда Кира нарочно пыталась довести его до предела – хотела понять, где же дно этого самоконтроля, или дело просто в бездушии? Она ни разу не видела его растерянности, смущения либо раздраженности. За все время их знакомства он ни разу ни на кого не повысил голос. Макс был тверд внутри, как титан, хотя на всех производил впечатление мягкого, податливого человека. Кира была единственной, кто понял это и уважал именно за эту маскулинную стойкость.

– Тем, что твое предложение убивает мою молодость.

Как только она произнесла эту фразу, Макс сразу стало неинтересно. Если бы она говорила простыми бабскими сентенциями типа «потому что мне нужно выгулять новое платье» или «я что, зря маникюр сделала», его бы это устроило, но Кира начинала свой, как он это называл, «высокохудожественный бред», который он предпочитал просто не слушать. Слишком сложно, он даже не стал переспрашивать, что Кира имела в виду. Знал, объяснение будет еще более пространным, обремененным в красивые слова. Много-много слов.

Они не заставили себя долго ждать.

– По-твоему, побыть вдвоем – это срубиться через пятнадцать минут? Я же вижу по глазам, что ты еле сидишь. А я не хочу сидеть рядом и слушать твой храп. Я не люблю спать, вообще я люблю что-нибудь делать. Хотя бы прошвырнуться по городу.

– Почему бы тебе просто не расслабиться?

– Ты пойми, я чуть ли не физически ощущаю, как идет время, как оно уходит. Как много я еще должна сделать, сказать, выучить, прочитать, понять. И пообщаться тоже. Понимаешь?

– Да, – коротко резанул он и больше за вечер не сказал ни слова. И судя по тому, как он быстро ответил, Макс ничего не понял и не захотел понимать.

Через пятнадцать минут он ушел в спальню, чмокнув Киру и тихо пожелав ей спокойной ночи. Она же прихорашивалась у зеркала. Не демонстративно, но

все же весьма бурно, и, к своему злорадству, выглядела она сногшибательно: в кожаных шортах, купленных в «Harrods» под общий рокерский стиль, с красной помадой на губах.

У Киры было много подруг, много друзей. Таких друзей, которых встречаешь раз в год и заново вспоминаешь, как их зовут. Родители обеспечили ей доступ чуть ли не к каждому узлу паутины связей, которыми была опутана Москва. На этот раз она пила в баре с Натальей, называвшей себя фотографом, и Петей, тоже называвшим себя фотографом. Оба фотографа были наименее приятными людьми спали до трех дня, нюхали так же часто, как чистили зубы, и никто еще не видел их фотографий, хотя стаж у них был уже приличный. Понятно, что Кира им нужна была как проводница в глянцевоый мир. Ей это было даже понятнее, чем всем остальным, поэтому она щедро раздавала обещания, но никогда их не выполняла – она быстро осознала правила игры.

Не сказать, что Кире это нравилось – как и всем неглупым и нечерствым людям, ей были больше по душе искренние и теплые дружеские отношения. Но громкая ритмичная музыка, веселье, красивые, ухоженные люди – этот успех по-московски никак не хотел ее отпускать, да она и не стремилась от него уйти. В какой-то степени она была человеком новой формации, универсальным индивидуумом «без лица». Кира быстро мимикрировала под любую компанию и место. У нее хорошо получалась глупенькая куколка, любительница розовых рюшечек, образ «своего парня» в дальних походах в горы, роль профи в разговорах с коллегами, хипстерши и светской львицы. Это не значит, что она была слабой и не могла оставаться собой в любой ситуации. Как какое-нибудь мифическое существо из диснеевской сказки, она меняла оболочки, оставаясь при этом собой. И каждая из ролей ей, в общем-то, нравилась.

Петя (или, как его за глаза называли, Петик) и Наташа всегда были всем довольны, не ныли по поводу уходящей молодости, в основном молчали или рассказывали одно и то же, поэтому можно было смело не слушать, не бояться пропустить что-то. Если им доставалась пара халявных дорожек, они вообще становились милейшими на свете людьми и даже резко умнели. Кире нечего было им предложить, поэтому Петя с Наташей беспокойно оглядывались по сторонам в поисках знакомых лиц и без опаски спрашивали, есть ли у кого то самое.

Опасаться и вправду было нечего. Такое ощущение, будто в Москве нюхали все, и простое «будешь?» воспринималось вполне буднично. Диджей Гром, вечный поклонник Киры, пошлый, неугомонный, нервно-веселый, предложил и ей, но она отказалась. Спокойно стояла у барной стойки, привычно попивая неженский виски с двумя кубиками льда, и не без удовольствия смотрела на все, что происходило вокруг. Нарядные девушки разной степени потасканности, весело и увлеченно щебечущие друг с другом, но не забывающие смотреть по сторонам, веселые компашки, иностранцы, чувствующие себя попавшими в рай. Как это все можно не любить, думала Кира, которая так привыкла защищать перед «правильными» людьми свой образ жизни.

Сколько романов, фильмов и разговоров посвящено лицемерности светского общества, и все они в корне неверны. Сюда, в ночную мглу, испуганную музыкой и прожекторами, люди несут свою красоту, хорошее настроение, игру, флирт и улыбки, оставляя проблемы и жалобы на потом. Здесь все улыбаются, бывает, и наигранно. Какая разница, можно подумать, на работе или дома мы всегда искренние. Здесь не говорят о политике, бедности, боли. Здесь вообще мало говорят, и это оказывается большим плюсом ночи. Кира в общем-то любила слушать людей – и по своему внутреннему устройству, и по долгу профессии. Когда-то она

с помощью подруги Ольги вывела собственный вариант формулы счастливых отношений. И главное в этой формуле – поменьше говорить.

Пару лет назад Ольга уехала жить во Францию к своему молодому человеку. Она не говорила по-французски, он не говорил по-русски. И оба еле-еле изъяснялись на английском. Может показаться, что это – огромное препятствие на пути к истинной любви, но на самом деле – единственное спасение. Ольга и Андре никогда не ругались, они просто не могли найти подходящих слов, чтобы посильнее ужалить друг друга. И никогда долго не обижались, потому что не могли объяснить причину своего недовольства. Прежде чем что-то высказать, Ольга тщательно подбирала слова, поэтому они доходили точно в цель. Им оставалось только заниматься любовью, для чего, как известно, знание языка необязательно. Прошло восемь лет, они по-прежнему вместе, это самая крепкая и счастливая пара из всех, кого знает Кира.

Кира стояла недалеко от входной двери и видела, как в клуб вошла знакомая девушка. Красивая до умопомрачения и надменная. Из тех, кто всегда при укладке, даже с утра, кто считает позором ненаманикюренные пальцы и страдает на вечных диетах. Мужчины на словах презирали «эту куклу», а на деле жаждали ее, провожая красноречивыми взглядами. Она шла по узкому проходу между баром и столиками, здороваясь по пути со знакомыми. К тому моменту Кира изрядно выпила, пребывала в игривом настроении и уже минут двадцать откровенно и зло стебалась над датчанином, пришедшим сюда за легкой добычей.

Девушка, которую звали то ли Катей, то ли Машей, продолжала пробираться по тесному проходу и, едва миновав Киру с компанией, вдруг пошатнулась на каблуках и задела плечом стоявшую рядом девицу. Красное вино, как в замедленной съемке, опрокинулось на ее шубу и медленными кровавыми каплями стало стекать вниз.

«Как символично! – во всеобщем переполохе подумала Кира. – Кровь на соболином меху». Сначала ей даже понравилась такая аллегория, но потом она неожиданно напомнила ей давнюю поездку на остров Борнео. Там один из домов в исторической аборигенской деревне был полностью «декорирован» человеческими костями, черепами и скальпами с запекшейся кровью.

– Чем мы лучше убогих аборигенов? – произнесла Кира вслух.

– Sorry? – подставил ухо датчанин.

– No, no, I'm talking to myself. Just to myself¹.

– Oh, I see. You should be tired².

– Yeah, I'm sick and tired...³ – буркнула она и сердито оглянулась по сторонам.

Ей не были свойственны резкие смены настроения, поэтому сейчас она сама удивилась своему поведению. Оправдываться Кира не любила, поэтому резко пошла к выходу, подав знак бармену, чтобы выпивку записали на ее счет. А датчанин, вероятно, сделал очередной вывод об этих «крэйзи рашнс».

Кира буквально выдернула свою шубу из рук гардеробщика и вышла на улицу. Такси в «Красном Октябре» ловить негде, поэтому она тихо попелелась в сторону моста, все еще держа шубу в руках. Было холодно.

Ее удивило, что она не слышит своих шагов. «Наверное, сегодня была слишком громкая музыка», – подумала она сначала, но, взглянув под ноги, увидела мягкий, искрящийся, никем не тронутый снег. За те три часа, пока Кира находилась в клубе, все успело измениться. «Похоже, и я успела», – подумала она. Но не это занимало ее сейчас. Кира смотрела на свою шикарную, достойную Голливуда

¹ – Нет-нет. Я говорю себе. Просто себе. (англ.)

² – О, я вижу. Должно быть, вы устали. (англ.)

³ – Да. Я утомилась и устала. (англ.)

шубу, на шелковую подкладку, переливающуюся от фиолетового к алому, и в ее голове прыгали, сменяя друг друга, страшные картинки. То те самые человеческие черепа – трофеи людоедов, то лица извергов-китайцев, обдирающих шкуры с живых кошек; потом образы стали еще ужаснее: в клетках вместо кошек сидели люди, от животного ужаса пожирающие сами себя – лишь бы умереть раньше, чем за ними придут. «Почему мы осудили и остановили тех, кто кичился людскими скальпами, а восхищаемся теми, кто носит на себе скальпы животных?» Она еще раз взглянула на свою шубу, швырнула ее в сторону и пошла дальше.

Таксист посмотрел на Киру с подозрением и на всякий случай спросил:

– А деньги есть?

– Есть, – успокоила Кира, и они покатили по тихой, как никогда, Москве.

За эти пятнадцать минут дороги Кира успела испытать настоящую боль. Она вообще глубже и острее ощущала боль, чем радость. Кира сидела на заднем сиденье и плакала. Все ее тело, всю кожу покалывало, она буквально пропиталась тем ужасом, который испытывает любое существо – неважно, животное или человек, когда знает, что сейчас придет тот, кто решил за него, что ему будет адски невыносимо, разрывающе больно и что просить о пощаде бесполезно, ведь вокруг тысячи таких же обреченных, и никто не заметит отсутствия на этой земле еще одной души.

Да, подобные фатальные образы ей являлись значительно ярче, живее, реальнее. Она чувствовала чужую боль в полном объеме, а вот радость касалась ее лишь вскользь. Боль проникала внутрь как внутривенная инъекция, счастье было для нее только туманом, который быстро рассеивался.

Наутро, как ни странно, Кира встала во вполне хорошем настроении. С ощущением, будто нырнула в прорубь и очистилась. Жутко болело горло, шубу было жалко, даже хотела поехать поискать, но быстро оставила эту мысль. Она сидела в своей светлой кухне в бело-зеленых тонах, смотрела на чистое небо – после вчерашнего снегопада оно было очень высоким – и думала о своей вчерашней выходке. На лбу застыли складочки удивления. Кира взяла телефон, коротко написала в Notes «купить успокоительное» и набрала Женин телефон.

– Ты не представляешь, что я вытворила! – собиралась протараторить она, но вышло тихое, хриплое рычание.

– Я и так знаю, – сказала Женя. – Ты хотела погулять до трех, но пришла в восемь утра, познакомилась с парочкой фриковых мужиков или с принцем на белом коне.

– Хуже.

– Ты пришла в девять?

– Да ладно тебе язвить. Я сама, собственными руками, будучи почти в здравом уме, выкинула свою шубу... Похоже, меня нужно лечить. Не знаю, что на меня нашло.

По возникшей паузе стало понятно, что Женя растерялась.

– Короче, стою в баре, – продолжила Кира, – все отлично, и вдруг вижу, что идет эта... Ну, в общем, одна знакомая в шубе. Я представила себя норкой, которую обдирают живьем, и выбросила свою шубу прямо на улице.

– Ооо!.. – только и смогла выдохнуть Женя.

– А если не короче, то мне было ужасно хреново. Но сейчас все окей, пришла в себя.

– Ты много выпила?

– Вообще почти не пила.

– Да ты всегда была повернута на этой теме. Видать, повернутость прогрессирует. Не относись к мелочам так серьезно.

– Иногда мне кажется, что, кроме мелочей, у меня больше ничего нет. К чему же тогда относиться серьезно?

– Не знаю.

– И я не знаю.

– Слушай, ну от того, что ты лишилась своей шубы, ничего не изменится. Лучше бы мне отдала. Даже если закроется какая-нибудь фабрика, тоже ничего не изменится... Смотри не выкини все остальные свои шубы. И туфли. И то кожаное платье! Особенно кожаное платье!

– Хорошо. Целую, увидимся.

– Пока-пока. Давай выше нос! И в самом деле, без шуток – ничего не изменится. Даже Билл Гейтс с его миллиардами безуспешно бьется с нефтезависимой энергетикой, что уж говорить о таких микробах, как я или ты...

Подобные мысли в разных вариациях всегда кружились в Кириной голове, как снежинки вчерашнего снегопада. Кира вспомнила притчу о мальчишке, который выбрасывал назад в море морские звезды, вынесенные волною на берег. И ответ мальчишки на вопрос случайного прохожего: его мир не изменится, но для одной из этих звезд мир изменится навсегда.

Кира понимала всю бессмысленность и глупую демонстративность своего жеста, и ей хотелось сделать что-то по-настоящему значимое. «Надо было хотя бы заснять это и выложить в “Ютуб”», – после двух чашек крепчайшего эспрессо в ней опять заговорил человек media, и она села дописывать незаконченную статью.

Писалось легко. Эмоциональный всплеск и статьи делал намного более сочными. В результате к вечеру было готово два варианта: для «Luxury Menu» и для «Business&Co». Она даже позавидовала самой себе, всегда бы так – чтобы четкие, лаконичные и глубокие мысли рождались легко и превратились в ежедневную рутину.

Кира перечитала статьи еще раз. Будь она сторонним читателем, могла бы подумать, что речь идет не о Давиде, а о двух разных людях: один из них – расчетливый инвестор, второй – вымирающего вида романтик-филантроп.

К вечеру позвонила Оксана и похвалила Киру, что делала крайне редко.

ГЛАВА III

Главный редактор «Business&Co» Константин Владимирович Чураков сам никому никогда не звонил, но, тем не менее, его почти всегда можно было найти с телефонной трубкой, прижатой плечом к уху. Подчиненные подшучивали, что если отобрать у него телефон, он все равно останется в этой позе: плечо поднято, голова наклонена вбок. Обе руки беспрерывно стучали по клавишам клавиатуры, рядом лежал еще один телефон – вторая линия. Как только он заканчивал разговор, обе трубки опять начинали нервно трезвонить наипротивнейшими мелодиями, ненавистными для всей огромной редакции журнала. По сравнению с уютным и почти домашним «Luxury Menu» это был гигантский медиамонстр, постоянно требующий молодой журналистской крови. Под управлением Константина Владимировича был еще и журнал «Коммерция» со всеми своими международными франшизами, а еще издательский дом «Noble» и куча мелких проектов-однодневок, поэтому немужественная бледность и сутулость Константина не удивляли: такой груз ответственности не мог не испортить осанку и жизнь в общем. Чураков вообще был похож на японскую нэцкэ – маленький, бледный, пухлый и, кажется,

навечно застывший в одной позе на своем рабочем месте. Двигались только его пальцы, бесперебойно стучавшие по клавиатуре, и какие-то болезненно живые глаза, которые никогда не были в расслабленном состоянии и всегда с прищуром – не из-за плохого зрения, а из-за природной хитрости. Похожий прищур раньше рисовали в детских книжках у лис. И за спиной Константина как раз висел такой шарж – с прищуром и в рыжем лисьем костюме. А если Костенька (как называла его Кирина мама) слушал собеседника, его зрачки бегали по произвольной траектории, будто шестеренки, помогающие ему усвоить информацию.

Кира помнила его еще с детства. Он частенько приходил на мамины «приемы», которые она любила устраивать. Они вместе учились, и Константин в те времена был верным воздыхателем Оксаны. Вероятнее всего, между ними даже что-то было. Чураков был хорош собой, занимался греблей, носил редкие по тем временам кожаное пальто и джинсы, был наглым и амбициозным – этого оказалось достаточно, чтобы прослыть великим сердцеедом. Оксанины приемы продолжают и сегодня, но Константин перестал на них появляться. По словам Оксаны, прирос к своему стулу и стал слишком унылым. Однако их отношения переросли во взрослую нежную дружбу, которой Оксана иногда пользовалась в своих интересах. Чураков, пожалуй, был единственным российским журналистом, которого знали и уважали за рубежом. Он умел балансировать между властью, деньгами и правдой, не играл в поддавки, но с уважением относился к любому мнению. Сдвинуть его с места было не под силу ни новому владельцу холдинга, ни, тем более, молодым и нахрапистым коллегам.

Кира никогда не пыталась заговорить с ним лично, хотя в детстве часто носилась между гостями, а в подростковом возрасте сидела вместе со всеми за общим столом. Для нее Константин был недостижимой величиной – слишком взрослым тогда и даже сейчас. Рядом с ним Кира чувствовала себя неопытным желторотиком. Когда она отправляла ему свой нынешний опус, все ее восемь лет в журналистике словно испарились, ей казалось, что хуже может написать только деревенский абитуриент, возомнивший себя звездой. Кира даже стала казнить себя за то, что вообще за это взялась. Тем удивительнее для нее был звонок Чуракова, который, вопреки заведенному порядку, позвонил лично.

– Кирюша, здравствуй! Это Константин Владимирович.

В глубине души Кира всегда верила, что рано или поздно этот разговор состоится. И поэтому среагировала на уставший голос таким же спокойным и даже нарочито приглушенным тоном.

– Здравствуйте, Константин Владимирович! Очень рада вас слышать.

– Весьма недурной материал, Кира. Но немного занудный и чересчур пафосный. Зачем было нагонять столько жути? Хотя... жуть у нас пользуется особой популярностью. Скажи, пожалуйста, он согласован с Гринбергом? Ты там называешь такие фамилии... Я не хочу брать на себя ответственность.

– Нет, Константин Владимирович, согласован только тот, что идет в мамин журнал. Я никогда не писала для политических и деловых изданий, поэтому...

– Ну и что, что не писала. Ты же знаешь, что, если даже про выставку болонок напишешь и не согласишься, можешь стать врагом номер один.

– Я свяжусь с ним. Сколько у меня времени?

– В понедельник дедлайн, не успеешь – через месяц.

– Постараюсь.

– А вообще, я бы разбил материал на два. Один – о глобальных вызовах и последствиях. Другой – про энергетику, финансирование и фонды. Сделаешь грамотно – возьму и в «Business&Co», и в «Commerce».

– В «Commerce»?! – радостно и громко воскликнула Кира.

– В «Commerce».

В голосе Константина слышалась улыбка.

– Спасибо, Константин Владимирович.

– Не за что, детка. Маме – пламенный привет!

– Хорошо. До свидания. Спасибо большое!

После разговора с Константином Кира колебалась несколько минут: написать или позвонить Гринбергу. Во время интервью она ощущала себя с ним вполне свободно. Он делал свою работу, она – свою. Но сейчас вдруг почувствовала, что, вполне возможно, он все-таки сыграет какую-то роль в ее жизни. Это мимолетное ощущение почему-то заставило ее волноваться и подбирать слова. В итоге за эти пять минут борьбы с собой она так устала, что набрала не лично его, а секретаря, быстро и по-деловому изложив суть дела. Еще через пару часов Кира уже отправляла в Лондон два текста. Всегда бы так: одно интервью – и три материала в трех изданиях. Довольная собой, она захлопнула крышку ноутбука, быстро оделась и вышла из квартиры, скорым шагом направившись в Печатники.

* * *

К Наталье она ездила при любых обстоятельствах и в любом настроении. Даже смеялась, мол, в метель и в жару, в печали и в радости – почти как в браке. Отличие в том, что в браке – это лишь обещание, а еженедельное чаепитие у Натальи Алексеевны – ритуал, который мог быть нарушен только очень серьезным форс-мажором. Кира называла ее скромную однушку на окраине Москвы «мое убежище». Наталья Алексеевна, пожилая дама лет шестидесяти, раньше обучала Киру итальянскому языку. Когда программа была освоена, они договорились встречаться раз в неделю для поддержания языкового уровня, и постепенно барьер, разделявший ученицу и преподавателя, исчез. Ей начала открываться интереснейшая натура Натальи и судьба, достойная описания в нескольких книгах. Поэтому Кира, приходившая сюда говорить и отрабатывать навыки общения на итальянском, часто наоборот два часа слушала собеседницу – с упоением, изумлением, а иногда даже с завистью, ведь ее жизнь была куда менее насыщенной, в ней не было пульса непредсказуемости. Да, она много путешествовала, часто веселилась, кутила с друзьями, заводила романы. Но ей всегда казалось, будто это лишь суррогат того, что переживают артисты, проводящие жизнь в гастролях, – люди-кочевники, пропитанные духом свободы.

Когда-то и Наталья Алексеевна была именно такой. Ее сущность, похоже, пришла к нам из прошлого, слишком далекого, чтобы ей было комфортно в сегодняшнем мире. Она вполне могла быть номадом, бороздившим Великий Шелковый путь, Васко да Гамой или Колумбом, Жанной д'Арк или Галилеем. Наталья была слишком принципиальной, слишком честной, до занудства, и благородной, как бы архаично ни звучало это слово. Она так остро переносила чужие несовершенства, что страдала от этого физически: столкновение с любой несправедливостью или враньем отнимало у нее сон и выбивало из привычного образа жизни.

Как жаль, что эта редкая натура сейчас была заключена в больном, разрушающемся теле. Наталья была танцовщицей, объехала со своей труппой полсвета, долго жила в Италии, где начала преподавать хореографию детям. Она слишком выкладывалась, и теперь тело мстило ей за нечеловеческие нагрузки.

От Италии ей остался единственный дар – энергичный, певучий язык, который она теперь преподавала желающим.

– Бонджорно, Наталья Алексеевна!

– Bongiorno. Come va? Caffee? ⁴

– Sì, volentieri. ⁵

Этот неизменный диалог-вступление стал своеобразным ритуалом. Кира была единственной ученицей, достигшей практически свободного владения языком, и потому Наталья воспринимала ее почти как равную, гордилась ею, к тому же девушка ей искренне нравилась. Наталья потешалась над ее вечной манерой всюду спешить. Ни разу за шесть лет их знакомства Кира не воспользовалась лифтом – всегда взлетала наверх по лестнице. Так ей казалось быстрее. На ходу снимала верхнюю одежду, хватала свой неизменный кофе. Наталья видела в этой энергии отражение своей молодости, у Киры же, как только она входила и за ней закрывалась дверь, все заботы, напряжение, непрерывный бег мыслей оставались там, за дверью, и начиналось волшебство общения – такого всеобъемлющего, поглощавшего обеих с головой. Каждый раз их диалог рождал новую маленькую истину, неожиданный поворот темы или даже открытие. Слова и остроты текли непрерывным потоком. Ни с кем Кира не чувствовала себя в разговоре так легко, как с Натальей. Она искренне любила свою собеседницу, которая стала для нее второй семьей. Кира и с матерью была очень близка, но Наталья Алексеевна доступна всегда, а Оксана слишком светская, чтобы чувствовать малейшие изменения ее настроения. Кроме того, Кира говорила на итальянском с таким удовольствием, будто само произношение вслух этих рокошующих слов заряжало ее, как глоток эспрессо. Вдвоем они выдвинули гипотезу, что у каждого языка, помимо звучания, есть и собственная энергетика: итальянский звучал солнечно даже в самый промозглый ноябрьский день и наделял говорящего дополнительной силой. По радовавшись этому нехитрому выводу, они продолжали свое щебетание, и Кира завела речь о своих рабочих успехах и ночной выходке.

– Это на вас совсем не похоже, – сказала Наталья Алексеевна – она ко всем без исключения обращалась на «вы».

– Да, я знаю. Все, кому я рассказала, удивляются. Знаете, это проклятое интервью меня не только напугало и ввергло в какой-то ужасный фатализм. Оно еще и разозлило по-настоящему. Хотя, вы же знаете, чтобы меня разозлить, нужно очень постараться.

– Что он такого сказал, этот твой Давид?

– Да я просто никак понять не могу... Ведь человек – это же хомо, блин, сапиенс. И этот самый сапиенс достиг такого невиданного прогресса! Человек как явление природы велик и потрясает своим развитием, своими изобретениями. Все, что нас окружает, создано уникальным мозгом. Человеческим мозгом! Мы так до многого додумались, создали столько шедевральных произведений искусства, психологи проникли в тайну личности, даже вывели формулу счастья. И как мы, такие все из себя умные, не можем понять, что засрали планету и с этим надо срочно что-то делать, иначе все эти шедевры и андронные коллайдеры никому на фиг не нужны будут!!!

– Да понять-то все понимают. Видимо, дело в том, что сиюминутное оказывается важнее глобального.

– Но как же, подождите! А полет человека в космос? Или на Марс, который состоится в 2025 году? Разве это сиюминутное?

– Тогда это вопрос расстановки приоритетов.

– Вот именно!!!

⁴ – Добрый день. Как дела? Кофе? (итал.)

⁵ – Да, охотно (итал.).

При Наталье Кира позволяла себе быть эмоциональной и даже жестикулировала по-итальянски.

– На тот же дурацкий коллаيدر затратили безобразно огромную сумму, но даже это, мне кажется, не столь актуально, как, скажем, изменение климата, исчезновение лесов или загрязнение воды, горы пластика повсюду... И все об этом знают, да, но закрывают глаза. Почему? Это же все равно что знать о своей серьезной болезни, которая может привести к летальному исходу, но заниматься не лечением, а прической и маникюром. Черти что!

– Ну вот и расскажите всем об этом.

– Ох, Наталья Алексеевна, рассказываю. И до меня сколько таких же озадаченных людей рассказывало. Давид пытается трубить об этом на каждом углу, выступает на всех конференциях. Но серьезная пресса, как правило, не принимает подобные статьи. Слишком, считают, скучно. Люди с большим интересом прочтут о падении курса доллара или о новом фильме, нежели нудятину об изменении климата... Да, кстати, вся пресса строится на новостях, а наше похабное отношение к планете и друг к другу – это не новость, а вялотекущий процесс. Что о нем говорить-то – ничего нового! Подумаешь, еще пара сантиметров ледников на Северном полюсе безвозвратно исчезли, что с того? Неинтересно это, и баста!

Повисла пауза. На минуту обе ушли в свои размышления.

– Ну а если вы говорите, что сделать ничего нельзя, какой вообще смысл говорить об этом? – нарушила молчание Наталья Алексеевна. – Может, просто готовиться к чему-то такому?

– Боюсь, люди слишком недалновидны даже для того, чтобы готовиться. А тех, кто начнет готовиться, назовут параноиками.

Кира опять замолчала.

– Вот думаю, что можно сделать... Еще не поздно все повернуть вспять. И знаете, кто это может? Не мы. Богачи. Сверхбогатые люди. Те, кто негласно правит миром. Те же нефтяники...

Кира прикидывала, как бы лучше сформулировать свою мысль и шарила глазами по комнате. Слово «богатство» звучало в этой скромной обстановке как издевка. Минимум дешевой мебели, старый дисковый телефон, шкаф с видеокассетами, видеомагнитофон к ним и телевизор «пузатик». Ей стало неудобно развивать тему дальше, как будто ее небольшое сближение с кастой состоятельных людей ставило на ней клеймо непригодности к нормальной жизни. Хотя, казалось, Наталью Алексеевну это вообще не волновало, для нее важнее было добыть раритетную видеокассету.

– Разве нефтяники способны поддержать отказ от нефти?

– Неспособны, конечно, – согласилась Кира. – Глупость это все. Однако... Знаете, когда я впервые попала в Дубай, лет семь назад, я была восхищена. Наконец-то увидела общество, приближенное к идеалу. Они заработали баснословные, немислимые для нас деньги на нефти, но, действуя на опережение, построили такую экономику, что доходы от туризма и финансового сектора теперь превышают доходы от нефти. Арабы живут в комфорте и роскоши. А как строят! Когда они насыпали свои искусственные острова, тут же насаждали колонии кораллов и разводили рыбу, и вода оставалась прозрачной, несмотря на стройку.

– Ну вот. А ты говоришь... Есть же с кого брать пример. Если они смогли...

– Подождите, я еще самое главное не сказала. Мало того, они еще строят Масдар, так называемый «город будущего» с нулевыми отходами и выбросами. Об этом трубил весь мир, вся пресса, в том числе и я. Писала и восхищалась, надеялась, даже нашла в этом какое-то успокоение. Но недавно узнала официальную статистику: Эмираты по уровню негативного воздействия на экобаланс в мире

чуть ли не на первом месте! Масдар и пара сотен выпущенных в море рыбок – это полная фигня по сравнению с загрязнением воды и воздуха, миллионами тонн мусора. И мне так гадливо и стыдно за свой восторг, за свои сопли умиления, за свою оду Масдару в журнале.

«А самое ужасное, что, если потребуется, я напишу еще», – подумала вдогонку своим словам Кира, но озвучивать это не стала.

– Мне теперь кажется, что за каждым благим делом стоит какое-то завуалированное зло. Я становлюсь параноиком.

– Нет, Киричка, просто вы слишком порядочная и вдумчивая.

– Возможно. Мне тоже нравится так думать. Я в растерянности и противоречу сама себе. Надеюсь на разум сильных мира сего, и сама же привожу пример того, что и их благие намерения всего лишь фикция.

– Ох... Ладно, давайте свое последнее слово, и закроем эту тему.

Кира и Наталья Алексеевна в очередной раз опомнились, что почти вся их нынешняя встреча прошла за болтовней.

– Мое последнее слово таково: что делать, я не знаю.

Они еще выучили пару новых фраз на итальянском и немного поупражнялись. Наталья Алексеевна спросила было про отношения с Максимом, но Кира коротко отрезала, что это не такая уж интересная тема.

– А может, наоборот – настолько интересная, что страшно даже начинать?

– Вы, как всегда, правы, Наталья Алексеевна, – улынулась Кира и, договорившись прийти в следующий вторник, помчалась на ужин с подружками.

* * *

К ее приезду Женя с Мариной уже выпили по бокалу просекко и в унисон ржали над какой-то глупостью. Кире так захотелось поймать эту их легкость, что она осушила свой бокал залпом и сразу же растеклась на деревянном стуле, словно на кушетке психоаналитика, – ей стало хорошо и спокойно. А через пару минут – шкодливо.

– Отлично выглядишь, – сказала Женя, подзывая официанта и жестом показывая, что игристое в бокалах закончилось.

– Спасибо, моя хорошая. Я недавно прочитала, что внешность напрямую зависит от работы мозга, а не от питания и образа жизни, как мы привыкли думать. Именно от того, какие сигналы телу, коже посылает наш мозг. Логично же?

Девушки в унисон кивнули.

– А поскольку мой мозг работает двадцать четыре часа в сутки, – продолжила Кира, – и иногда достает меня своим непрерывным занудством, уродство мне явно не грозит. И по вашим облагороженным интеллектом лицам видно, что прекрасными принцессками мы будем вечно!

К концу вечера девушки окончательно сконцентрировались на теме ниже пояса и бурно хохотали, углубляясь в нее, а затем как-то резко свернули в политику.

Через полчаса усердного обсуждения ситуации в Египте Кира наконец сказала:

– Боже, кто бы нас послушал! Сидят три роскошные красотки и, наклюкавшись шампусика, обсуждают политику. Нам что, не о чем больше поговорить?

– Да-а-а, что-то здесь не то, – протянула Женя. – Мы слишком глупы, чтобы разговаривать о политике, и слишком умны, чтобы разговаривать о шмотках.

– Осталось о работе, но это уж совсем не к месту, – поддержала Марина. – Только ты, Кириш, можешь говорить о работе интересно.

– Это почему еще?

– Потому что она у тебя нерутинная.

– Зато очень бьющая по нервам.

– Ой, да ладно, сидишь себе дома, пишешь, когда хочешь. Офис – факультативен. В перерыве можно сбегать в спа или на фитнес... Что я, не знаю, что ли, как расслабленно ты живешь?

– Да, так и есть...

Кире почему-то стало неловко.

– Но вот недавно у меня было интервью с Давидом Гринбергом. Я вам рассказывала, как его ждала и радовалась. А теперь уже неделю хожу словно в воду опущенная.

– Почему?

– Потому что он рассказал больше, чем мне лично следовало бы знать.

– Например?

– Представь себе человека, который изучил все существующие в мире альтернативные источники энергии, допросил с пристрастием все светлые умы человечества, поговорил со всеми серыми кардиналами мира и сделал вывод, что нас ничего хорошего не ждет, ни одного позитивного сценария... Это если кратко.

– Ой, таких фаталистов пруд пруди.

– Да, но он сам ничего не выдумывает. Просто рыщет по миру в надежде что-то найти.

– А зачем ему это? Хочет срубить еще больше бабла?

– И это тоже, но разве плохо, если человек срубит бабла на чем-то полезном для людей, а не просто лишь бы заработать, не думая о будущем, как делает большинство.

– Кирюш, это пахнет пиаром, – как бы оправдываясь за противоположную точку зрения, сказала Женья.

– Почему, когда один человек из многих миллионов начинает хоть что-то делать, он обязательно будет заклеймен? Я знаю, такова сущность человеческая – во всем хорошем видеть подвох, но вы-то вроде не просто биороботы, вы же умные, неравнодушные... – Кира начинала накаляться.

– Оу, что ж ты близко к сердцу все воспринимаешь. Ну, если даже он и тащит на себе непосильный груз благих дел, тебе-то что?

– Мне? Мне страшновато. Знаете, мои родители родом из Алма-Аты – из города яблок. Помню, мама мне рассказывала, как возвращалась домой из командировок... Если поездка выпадала на весну, то, спускаясь по трапу, она чувствовала запах яблоневого цвета. Весь город благоухал. А осенью уже прям-прямо на взлетно-посадочной полосе пахло спелыми яблоками. Серьезно! Так и было!.. И вот прошло каких-то тридцать лет. Прилетаю я на свою историческую родину, выхожу из аэропорта, и мне в нос бьет запах гари. Заселяюсь в гостиницу, открываю окно – еще хуже. Такое ощущение, что к носу приставили паровозную трубу. Вы можете представить себе воздух, который видно?! Он мерзкого серого цвета. Потом я взяла такси, поехала на Медеу – это такое урочище в горах – и увидела сверху, что небо разделено, будто линейкой, на две части. Вверху классическое небо над городом – голубое, а внизу – эта серая мерзость. И сквозь нее ничего не видно, даже очертаний домов. И это не временное явление, не уникальное – то же самое в Дели, Шанхае... В таких городах люди мрут от рака, как мухи. Я еще миллион таких фактов могу привести, например, что в Индии уже реально очень остро ощущается дефицит пресной воды. Просто сейчас я говорю о том, что сама лично видела. Мне кажется, человек, однажды глубоко копнув эту проблему, уже никогда не сможет спокойно жить, – заключила Кира. – Вот и во мне этот червяк беспокойства поселился.

По лицам Жени и Марины она поняла, что девушки не сильно впечатлились ее рассказом. Не то чтобы им было скучно, нет, они слушали с интересом. Но все это по-прежнему слишком далеко для них. Все равно что беспокоиться о вспышках на Солнце.

– Вот вы почему-то возмущаетесь по поводу Сирии, Египта, американцев хае-те... А это же все сиюминутное и второстепенно по сравнению с тем, о чем я говорю! – прозвучал ее последний аргумент.

Легкость куда-то улетучилась. Кира ждалась как пружина, это было заметно даже невооруженным взглядом. На ее широких скулах ходили желваки, и все лицо как-то заострилось, хотя она и продолжала улыбаться. По привычке, наверное.

– Кирюш, да кто спорит. Мы не о глобальных потеплениях говорим, а о конкретном человеке, который слишком хорош, чтобы быть правдой. Извини, но я не верю, что никто ничего не может придумать. И если какой-то спасительной технологии нет, значит, ее появление невыгодно.

Кире захотелось завершить этот разговор и вообще забыть о нем. В нем не прозвучало ничего особенно неприятного, и ей самой было странно от своих чувств – хотелось броситься на защиту совершенно незнакомого ей человека даже ценой ссоры с ближайшими подругами.

– Не настолько уж он хорош, по крайней мере, внешне. Да и зануда наверняка. Если уж он настолько въедлив в работе, то, скорее всего, будет взвешивать до грамма ингредиенты, из которых ты будешь варить ему борщ.

– А я не буду варить ему борщ.

– И я не буду.

– И я.

На том и сошлись.

Закончив с ужином и шампанским, девушки совсем разомлели и погрузились в вечный гул «Пропаганды». Диджей Мак уже орудовал за своим пультом. Чем позднее становилось, тем громче играла музыка. Но даже она не заглушала ровный гул голосов с частыми всполохами смеха. «Пропаганда» засасывала даже тех, кто забежал сюда ненадолго – перекусить. Кира тоже хотела просто поужинать с подругами, но всеобщее постепенно нарастающее радостное возбуждение захватило ее и уходить не хотелось, однако Макс уже захал за ней и ждал в машине. Она быстро настроила ему в «ватсапе» предложение «тряхнуть стариной», на что получила ответ: «Моя “старина” трястись не хочет, потому что очень устала. Поехали домой». Распрощавшись с подругами, Кира пошла к машине.

Опять шел снег – редкий, большими хлопьями. Они падали плавно, как в замедленной съемке, и оседали на свежих прическах девиц, уже толпившихся у входа с недовольными, сморщенными лицами. Все старались быстрее прорваться внутрь, чтобы спасти с таким трудом закрученные кудри. А снег вокруг был слишком живописным, даже каким-то постановочным. Кире вдруг вспомнилась фраза: «Кто-то чувствует дождь, а кто-то просто мокнет», – и ей захотелось прогуляться. Издалека было видно, что Максим дремал, откинув голову на спинку сиденья. «Наверное, и вправду устал», – подумала Кира. Ей никогда не знакома была такая усталость – когда работаешь на износ, и больше ничего не хочется, кроме как спать.

– Хотела предложить тебе прогуляться, – она старалась говорить как можно более мягко и приветливо, – но вижу, ты устал... На улице так красиво!

– Давай, – неожиданно согласился он.

Они вышли из машины и побрели по Маросейке, свернули на Бульварное. В центре Москвы атмосфера была как за городом, и невозможно было поверить, что скоро весна.

Кира шла и пинала снег, стараясь создать как можно большее снежное облачко. Максим молчал, смотрел на это, улыбался.

– Когда ты вот так ребячишься, мне особенно сильно хочется от тебя детей.

– Особенно сильно?

– Ну да. Иногда хочется сделать ребенка, даже не ставя тебя в известность.

– Только не вздумай! – вскинула она брови.

– Да ладно, я же знаю, что с тобой лучше не связываться.

– Если тебе так уж сильно захотелось ребенка именно сейчас, то в снежки

ты можешь поиграть со мной. Я только «за». Не думаю, что он нужен тебе для чего-то еще. Наверяд ли ты мечтаешь хронически недосыпать и возиться с его кашками.

– Почему бы и нет..

– Потому что тебе не хватает времени на потенциальную мать этого ребенка, а уж на двоих и подавно.

– Слушай, любая нормальная женщина хотя бы восприняла это как комплимент – мужик хочет от нее ребенка. А ты тут же выискала проблему.

– Потому что мы уже говорили на эту тему, и я тебе сказала, что детей рожать я боюсь. А ты опять начинаешь.

– Что бояться-то, другие же рожают.

– Другие рожают, не думая о том, что их ребенок, возможно, никогда не сможет вырасти и нарожать им внуков. Он умрет от засухи, наводнения или в вооруженном конфликте за последние плодородные территории. Я не хочу смотреть, как мой ребенок выживает, а не наслаждается жизнью.

– Тебе лечиться надо, – сказал Макс со всей злостью, на какую был способен.

Для Киры его тон стал настоящим сюрпризом.

– Ты, оказывается, и так умеешь разговаривать?! Сколько меня еще сюрпризов ждет..

– Не много, если будешь продолжать в том же духе.

– В каком еще духе?! – возмутилась она. – Я не хочу рожать детей в той обстановке и в тех условиях, в каких находится мир, потому что интересуюсь его реальной картиной, а не просто живу жизнью офисного планктона. Я хочу детей теоретически, но... И вообще, почему я перед тобой оправдываюсь? – и добавила уже тихо: – Не хочу ссориться.

Макс ничего не ответил, просто молчал. Как и все мужчины, в конфликтах он был немногословен.

Несмотря на общительность, на самом деле у Киры не было большого опыта отношений с мужчинами. Вернее, не было опыта долгого и глубокого, проникновенного общения. В какой-то степени каждый из нас является для другого чем-то вроде опытного образца. На Максе отрабатывались самые изощренные приемы. Кира сама не могла объяснить себе, зачем она его испытывает, иногда очень неосторожно пробуя, где же предел у этого человека. Предел ревности, усталости, покорности. В то же время она была по-настоящему заботлива и ласкова и в некоторые моменты податлива. Эта двойственность заставляла Макса чувствовать себя потеряннным и делала его абсолютно зависимым.

Назад к машине они шли очень быстрым шагом, и, конечно же, не потому, что замерзли. Когда тронулись с места, Кира предложила Максиму проехать круг по Садовому. Она часто просто каталась, чтобы успокоиться.

– Зачем?

А ведь не объяснишь, зачем. Вернее, Кира могла бы объяснить кому угодно, только не ему. Странно, что ее понимали все, кроме человека, который по опреде-

лению должен бы понимать ее лучше кого бы то ни было. Как, оказывается, хорошо, когда у тебя есть не пресловутая каменная стена, а напарник, соратник, с кем ты движешься широкими шагами по жизни. Когда вы вдвоем противостоите миру. У Киры же в напарниках был весь мир, с которым она вместе, хоть и мягко, хоть и любя, но противостояла Максусу.

ГЛАВА IV

Через два дня позвонила секретарь Гринберга и сказала, что ее босс скоро будет в Москве и хотел бы встретиться с Кирой лично. Кира слушала ее и пыталась понять, как можно говорить и надменно, и приветливо одновременно. За этими размышлениями стали проявляться нарастающий восторг и волнение.

– То есть не просто журналы ему передать, а встретиться с ним?

– Да, он попросил договориться о личной встрече.

Следующие две недели не были какими-то особенными, но внутреннее беспокойство, которое, впрочем, никогда полностью не покидало Киру, усиливалось. Она несколько раз перечитала все тексты интервью с Гринбергом, опять погрузилась в «Гугл», просмотрев десятки его фотографий и биографий. Но он не стал для нее более понятным. Наоборот, Кира начала благоговеть перед ним, как бандерлог перед удавом, хотя отдавала себе отчет, что, по сути, в нем нет ничего особенного. Да, удачливый бизнесмен, который отличается разве что своими намерениями. Однако его энергия оказывала на нее магнетический эффект.

В назначенный день Кира проснулась раньше обычного, выпила двойную порцию успокоительных капель и потому неестественно спокойная пошла пешком на встречу. Благо, Давид назначил ее не в офисе, а в «Кофемании» на Большой Никитской. Кира пришла вовремя и в полной уверенности, что Гринберг опоздает. Такие люди всегда опаздывают. К своему удивлению, она обнаружила его уже сидящим за столиком. Чертыхнулась про себя, потому что хотела сбегать в туалет к зеркалу до того, как появится перед ним. Вместо этого плюхнулась на стул, розовощекая и растрепанная, засуетилась, заказывая неизменный латте «Сингапур», а под конец еще и запуталась в шарфе. Давид молча смотрел на нее с застывшей полуулыбкой на лице.

Когда активные телодвижения Киры закончились и она уставилась на него просительным взглядом, Гринберг наконец заговорил. Несмотря на утренний час, голос его звучал устало.

– Во-первых, я хотел поблагодарить вас за интервью. Читал и удивлялся, как же я хорошо и складно умею говорить.

– Вообще-то, это не вы... Вернее, вы, но в моей обработке, скажем так.

– Естественно, редакция должна присутствовать. – И после паузы: – Но, надеюсь, меня не сильно пришлось править?

– Вас – не сильно, – засмеялась Кира. – Но иногда приходится буквально заново переписывать интервью, даже выдумывать реплики за человека. Самое интересное, что никто этого ни разу не заметил. Никто еще не сказал: «Ой, а этого я не говорил». Наоборот, все благодарят меня и хвалят себя.

– Как я это сделал только что.

Кира забежала глазами, поняв, что, возможно, сказала что-то бестактное.

– Я имела в виду...

– Нет-нет, не оправдывайтесь, Кира! Напротив, вы позволяете людям думать о себе лучше, чем они есть.

– Возможно.

– Я решил с вами встретиться, во-первых, повторюсь, чтобы поблагодарить. Мои сотрудники никак не могли договориться с «Bussiness&Co». Точнее, могли, но на платной основе, а я принципиально не хочу платить за то, что, на мой взгляд, несет в себе некоммерческую нагрузку, даже какую-то миссию. А во-вторых, сейчас мы открываем фонд – наверное, самый важный проект за всю мою жизнь, который ежемесячно будет собирать в нашей штаб-квартире в Лондоне самых сведущих и перспективных ученых, экологических активистов, инженеров и так далее. Мы будем искать и, я уверен, найдем то, что по крайней мере уравновесит все те глупости, которые совершают люди на планете. Может, это будет новый вид энергии. Хотя об этом так много говорят, что даже становится противно.

– И так мало делают.

– Именно. Скорее, не делают ничего. Возможно, это будет какой-то механизм безопасного уничтожения пластика. Не знаю, но я хочу искать этот, назовем, «продукт» сообща, поскольку все, что касается экологии, очень раздроблено. Единичные здравые мысли перебивает гул нефтеперерабатывающих заводов...

– Звучит очень здорово! Я, честно говоря, даже тронута. И очень рада, что вы воплощаете свои идеи. Даже как-то менее тревожно становится.

– Вы можете мне помочь с воплощением.

Немой вопрос повис в воздухе, и поэтому Давид продолжил:

– Кира, вы хорошо пишете – без лишних фраз, все четко и по делу, но как-то лирично. У вас, судя по всему, много связей, вы легко располагаете к себе людей. Больше хорошему пиарщику и пожелать нечего. Мне нужен человек, который возьмет на себя все связи с общественностью не только нового фонда, но и всего моего холдинга. Ну и самое, пожалуй, главное, я впервые встречаю человека в этой сфере, который делает что-то не за деньги. Вернее, не только за деньги. Я привык работать с единомышленниками.

– Сказать, что я удивлена, – ничего не сказать. Я польщена. Мне весьма приятно, но у меня нет опыта. Мне же придется кем-то руководить!

– Не кем-то, а большим коллективом.

На лице Гринберга появилась снисходительная улыбка, собравшая все морщины в уголках глаз, и он впервые показался Кире старше, чем выглядел ранее.

– Тем более! Я, помню, в прошлый раз сказала, что мечтала бы сделать что-то полезное, отличное от того, чем занимаюсь сейчас. Но теперь... Я даже не знаю, я в растерянности.

– Если вам нужно время на размышление, то у вас его немного – пара дней. Потом я начну искать специалиста через агентства.

– Мне нужно будет переехать в Лондон?

– Да. Подробности, оклад, сфера ответственности – все это вам уже должны были выслать на почту.

– Знаете, я не настолько бескорытна, как вы думаете. Какую зарплату предлагаете?

– Я думаю, пять тысяч фунтов вас должны удовлетворить.

– Вполне.

– Тогда мне остается поблагодарить вас за встречу и откланяться. Если вы примете мое предложение, встретимся для обсуждения деталей уже в Лондоне.

– У вас все так быстро решается?

– Да, вам придется привыкнуть к чуть более быстрому темпу жизни, чем обычно. Иначе мы можем не успеть! Всего доброго, Кира.

– До свидания. Спасибо!

Минут десять после его ухода Кира сидела в каком-то адреналиновом оцепенении. Крепкий кофе и предложение Давида гнали ее кровь по венам с бешеной скоростью. «Надо пройтись», – решила она и буквально вылетела из непривычно полупустой «Кофемании».

На улице было холодно, но Кира любила гулять в любую погоду. По Бронной Кира дошла до «Аиста» и сразу за ним свернула в свой двор. Обычный двор, какой может быть и в двух кварталах от Кремля, и в пригороде Владивостока Кира снимала эту квартиру уже почти шесть лет и даже гордилась ею. Этот двор и эта квартира как бы говорили: «посмотрите, мы такие непафосные, мы дышим простотой, плюем на московский блеск». В то же время вокруг этого дома сосредоточилось все, что представляет собою Москва: магазин белья, где микроскопические трусики стоят больше, чем средняя зарплата по стране; модные барбершопы, как нынче шутят, «для дровосеков»; рестораны, возле которых всегда были припаркованы самые «кричащие» авто. Кира была такой же, как и ее квартира, – в центре светской жизни, с громким манифестом «я не такая».

Распластавшись на диване, Кира взяла в руки телефон. Ей срочно требовалось выговориться, и она стала листать список контактов. Последним из выбранных был Максим. Кира вздрогнула, ее зрачки сузились. Закусив губу, уставилась в потолок невидящими глазами. Воображая жизнь в Лондоне, она даже не подумала, как Макс будет жить здесь, без нее, а она без него. Как ему сказать? Ведь в глубине души она уже приняла решение.

Нажав первую строчку в «избранных», она набрала номер матери и с ходу принялась тараторить. Оксана произнесла свою любимую фразу, которая ей очень не шла:

- Давай поговорим об этом после работы, я сейчас даже не знаю, что сказать.
- Ну давай.
- Заходи за мной после семи. Пройдемся и поговорим. Все, целую, моя кутя. Я тобой горжусь.

Весь день до вечера Кира была больше похожа на рукотворное изваяние, нежели на человека из плоти и крови. Она наливала себе чай и замирала рядом с кружкой, забывая его выпить. Садилась у компьютера и смотрела поверх монитора, пока он сам не выключался. Ее мысли текли плавно, словно полноводная река. Но мысли эти были совершенно новыми, ей не свойственными. Она как будто впервые осознала, что ей предложили взять на себя большую ответственность, что она уже давно стала взрослой и только сама ответственна за свою жизнь.

В ее речи до сих пор, в двадцать шесть лет, иногда проскальзывала фраза «вот когда я вырасту...». Кира, конечно, замечала это за собой, залиvisto смеялась, когда собеседник указывал ей на это, и поправлялась: «Ну да, я и забыла, что уже взрослая девочка. Может быть, даже чересчур взрослая». На самом деле она жила в диссонансе со своим возрастом. Интеллект ее, возможно, даже обгонял двадцать шесть, но вот душа застряла в тех временах, когда любимым ее занятием было мечтать о том, как она вырастет и станет самой счастливой, самой красивой и самой богатой.

ГЛАВА V

По густой насыщенности неба, по множеству сумрачных оттенков Лондон был прямой копией Москвы. Только воспринималось это здесь по-другому. Да, разговоры о погоде остались такими же актуальными, как и во времена Шерлока Холм-

са, но тут казалось, что сумрак создан специально для того, чтобы подчеркнуть уют гостиных и глубокую зелень парков. Он никак не влиял на настроение англичан, они не жаловались хором на ненастье и не переставали улыбаться. Вскоре Кире представилась возможность заметить, что атмосферные причуды совершенно не влияют и на работоспособность сотрудников. Она одна выделялась в их офисе в лондонском Сент-Джеймсе (по иронии судьбы, соседнее здание занимал нефтяной гигант BP) тем, что глушила один за другим шоты эспрессо и кляла на чем свет стоит «эти чертовы тучи». Значило ли это, что русские более чувствительны, или они просто всегда ищут повод для недовольства?..

Всю субботу Кира проспала, очнувшись только под вечер. Заказав себе еды, она осмотрела свое новое пристанище. Минимум мебели, максимум удобств. В каждом углу паразитировали икеевская мебель, посуда, текстиль, растения. К этой квартире подойдет только «икеевский человек», подумала Кира, и мысль эта ей очень понравилась. Она стала смаковать ее со всех сторон, как пес сахарную косточку, и в конце концов решила, что она и есть этот самый икеевский человек: в меру модный, современный усредненный космополит, быстро выходящий в тираж. Хлипкое, некачественное дитя масс-маркета с претензией на новое видение. С этой точки зрения, к квартире не придражаться.

На следующее утро она чувствовала себя намного лучше, но выходить из дома не хотелось. Снова заказала еды и принялась подсчитывать, сколько могла бы продержаться вот так автономно, не выходя из квартиры. Оказалось, вечно! Так незаметно и быстро подкрались времена, когда человеческий индивид может добровольно заточить себя в четырех стенах и при этом вести активную социальную жизнь. Заработать, купить, поесть как в ресторане, заняться сексом, в конце концов. Можно даже не передвигаться по квартире. Сидеть на одном месте. Можно быть активным борцом с несправедливостью, митинговать и даже сажать деревья! Не отрываясь от повседневных дел. Кликнул пару раз мышкой, перевел нужную сумму – и тут же в выбранном районе земли специальная бригада посадит за вас дерево. Все онлайн, все можно проверить и проследить в прямом эфире и с чувством выполненного долга пойти купить очередной женский журнал, на производство которого было потрачено в десять раз больше деревьев. Или купить новую икеевскую фиговую. Экологически чистую, потому что из натуральной древесины. В общем, вы кликаете – лесничий сажает. Но большинству и это обременительно. Ведь столько дел! Еду заказать, например.

Тут Кира вспомнила историю одного жителя Центральной Африки, который без всяких внешних стимулов взял и посадил целый лес. Никто об этом не знал, никто его не пиарил. Пресса раструбила эту «новость», когда деревья в его лесу уже давали тень и прохладу даже под палящим африканским солнцем. Откуда в необразованном и, если уж честно, примитивном аборигене столько мудрости, воли, самоотверженности? Откуда у него эта активная жизненная позиция – не суррогатная, не компьютерная, а настоящая? Кира всегда считала работников физического труда какими-то неполноценными, ущербными. Во-первых, жалела их, потому что им выпала такая судьба или родители недодали. Водители, грузчики, рабочие на заводах, садовники, уборщики – это все, конечно, не люди второго сорта, но те, у кого отобрали возможность анализировать и делать глубокие выводы. Во-вторых, она считала их ленивыми и безвольными, ибо интеллектуальный труд требовал, по ее мнению, намного больших усилий и напряжения. И вот целое поколение с хорошим образованием ленится оторвать жопу от дивана, чтобы отсортировать свой мусор или помахать лопатой. Легче, конечно, заплатить. Это ли активная жизненная позиция – читать каждый день

ленты новостей об экопроектах, утрамбовывать в голове сведения о пестицидах, радиации, браконьерах и знать все о CO₂ и солнечных батареях? Это ли труд – уметь поддержать разговор на заданную тему? Ведь она так мучается и страдает при виде вымирающих белых мишек, иногда даже всплакнет и придет в ужас от жестокости людей, а в это время чужеземец без слез и лишних слов каждый день сажает, сажает, сажает деревья... От чувства собственной никчемности Кира нахмурилась, как лондонское небо.

Несколько раз она порывалась выйти на прогулку, но застревала где-то между своими размышлениями, едой и телевизором. Ей было хорошо и плохо одновременно: она предвкушала что-то новое, но боялась. Надеялась на то, что сможет быть по-настоящему полезной, но рисовала себе в воображении разочаровывающий исход. Понимала, что живет более осознанной жизнью, чем остальное большинство, чувствовала себя особенной, избранной, но страдала от своей обычнойности.

На следующее утро Кира надеялась встать как можно раньше. Благо, встречу с основным руководством фонда и исследовательского центра назначили на двенадцать дня. Но сон был тревожен и неглубок, так что провалиться в забытие получилось только под утро. Проснувшись в десять, она начала судорожно хвататься за все сразу – зубную щетку, чайник, утюг... Приехать вовремя стоило стольких усилий и концентрации, что к полудню она порядком устала. Поэтому знакомство получилось скомканным, полным неловких пауз.

Трое из присутствовавших на встрече в переговорной были похожи на типичных работников лабораторий. Еще трое – на мальчишек, осуществляющих свои детские мечты. Плюс два седовласых господина, как потом оказалось, чиновники из правительства, и Давид во главе стола. Некрупный, даже худощавый, он почему-то, как вожак стаи, будто возвышался над всеми остальными. Магия авторитета действовала безошибочно.

Давид представил присутствующих. Как и ожидала Кира, «лаборанты» оказались научными руководителями продукта «Вечная жизнь», «мальчишки» – инвесторами из разных областей, поверившие и поддерживающие Гринберга. Один из профессоров, бельгиец Жак Мерме – легендарный сооснователь Мадридского клуба. Кира его сразу узнала, приятно удивившись такой значимой фигуре. Она знала его биографию от и до и много раз смотрела его лекции в «Ютубе», мечтая попасть на одну из них. Больше пятидесяти лет назад молодой ученый Мерме прославился на весь научный мир масштабной работой, в которой проанализировал сотни вариантов развития цивилизованного мира. Неутешительные результаты этой работы шокировали его самого – при нынешних темпах роста населения планеты и потребления углеводов ни один из прогнозов не был положительным. Труд Жака стал самым серьезным предупреждением человечеству, которое всех насторожило, но не смогло ничего изменить. Через тридцать лет он выпустил вторую книгу, еще более пугающую. Но она тем более не была способна остановить несущийся локомотив консьюмеризма, набравшего к тому времени полный ход. Мерме заработал безусловный авторитет, двери лучших университетов мира открыты перед ним, молодая научная поросль преданно и заискивающе ловит каждое его слово, но в глазах Жака – грусть, даже когда он улыбается. Да и улыбается он в последнее время крайне редко.

Киру представили в последнюю очередь.

– А это, собственно, человек, способный сделать сенсацию даже из самого заурядного события. А из сенсационного материала – новостную бомбу. Я правильно говорю, Кира? – радушно улыбнулся Давид. – Знакомьтесь, Кира Куприна.

– Очень приятно, – послышалось со всех сторон.

И по глазам было видно, что приятно на самом деле. Все присутствующие мужчины обладали какой-то схожей мягкостью черт и светящимся взглядом. «Вот что значит единомышленники», – подумала Кира.

У Киры резко пропало желание обороняться, быть настороже, как с ней обычно случалось в новой обстановке. Она расслабилась, даже ее поза изменилась, словно ей приказали «вольно!», и она позволила себе окунуться в легкую, дружественную атмосферу. Кира заметила, что Гринберг одет совсем не по-офисному – в джинсы, конверсы и фиолетовый джемпер поверх поло. Ему шла такая раскованность. Остальные тоже не были при галстуках, кроме профессоров. А вскоре Кира обнаружила, что все сотрудники компании были весьма вольны в выборе одежды и времени появления в офисе. Ее это очень удивило и порадовало, ибо до приезда она представляла на новом месте жесткую дисциплину и обязательный дресс-код. Так что привыкнуть ко всему оказалось легче, чем предполагалось.

Сразу после встречи с руководством Давид повел Киру знакомиться с ее подчиненными. Они шли вдвоем по длинному коридору, одна стена которого была полностью увита вертикальным садом – дизайнерский намек на эконаправленность компании. От этого зеленого, цветущего «намека» веяло прохладой и свежестью даже в этом здании из стекла и металла.

– Как здорово! – восхитилась Кира. – Вот бы все здания в городе засадить растениями! Внутри и снаружи.

– Да уж. Тогда профессия садовника станет самой востребованной в мире. Обслуживание этой штуки влетает мне в копеечку. Вы готовы навсегда закрыть крышку ноутбука и весь день возиться с растениями? Может, переформируем все, пока не поздно?

Кире нравились непринужденная манера общения Гринберга со своими подчиненными и его чувство юмора, но чтобы так совпало с ее настроением в последние месяцы, она никак не ожидала. Изумленно уставилась на него и замедлила шаг.

– Господин Гринберг, вы буквально прочитали мои мысли! – воскликнула она так громко, что Давид резко повернулся и тоже озадаченно уставился на нее. Уже дошли до нужного кабинета, Давид даже схватился за дверную ручку, но они так и стояли в безлюдном коридоре, удивленно глядя друг на друга.

– Честно, я вчера весь день провела в раздумьях на эту тему. Стоит ли вся моя писанина чего-то в этом мире, когда нужнее руки – активность другого типа... Нет, вру, я размышляла не только вчера, я постоянно об этом думаю... И...

Она почему-то не могла подобрать слов, хотя они были ее привычным инструментом.

– Кира, здесь вы точно на своем месте. Мы делаем большое дело. И если вы донесете до мира правильный посыл, это будет намного результативнее, чем в одиночку махать лопатой.

– Боже, и про лопату, чтоб посадить дерево, я тоже думала!

– Значит, я не ошибся, и мы единомышленники, Кира.

Сделав акцент на имени, Давид дал понять, что хватит стоять в коридоре, и открыл дверь.

Пространство с панорамными окнами и мебелью фисташкового цвета было разделено на пять секторов. Четыре – для сотрудников в open space ⁶, и один, отгороженный матовым стеклом, – кабинетик Киры. Сотрудники, тоже только принятые на работу, ждали начальство, поэтому сразу соскочили с мест и сбились в стайку.

⁶ Офис открытого типа.

Тут же прибежала начальница эйчар-отдела. Знать всех в лицо и по именам могла только она.

– Добрый день всем!

Ее гордая осанка и слишком официальный тон больше соответствовали сцене какого-нибудь консервативного театра. Обращаясь к сотрудникам, она сказала:

– Разрешите представить вам господина Гринберга, хотя он в представлении не нуждается, и Киру Куприну – руководителя вашего пиар-отдела.

Затем она представила сотрудников. Кира, к своему неудовольствию, отметила, что двое из подчиненных были женщинами старше ее. Еще молодая девушка и парень. Киру опять охватил страх неуверенности – справиться с ними представлялось неосуществимой миссией.

Видно было, что Давид торопится. Он поспешил распрощаться со всеми и перед уходом велел Кире, чтобы утром следующего дня она зашла к нему с конкретным планом работ. Эйчарщица выпорхнула следом, и пять незнакомых человек разбрелись по своим углам. Кира села за стол и резво принялась набрасывать свои мысли по поводу дальнейшей деятельности отдела.

* * *

Приближалось первое заседание клуба, и Кира начала чувствовать на себе давление. Давид каждый день вызывал ее к себе и задавал один и тот же вопрос: «Ну, как там у нас дела?» В течение полумесяца Кира умудрилась выдавать разные ответы, но скоро источник фантазии начал пересыхать.

Босс ничего не упустил из виду и как-то выдал:

– Этот ответ я уже слышал вчера.

В его тоне не было упрека, но Кира моментально надулась, как рыба фугу в момент обороны. Собравшись, она ответила:

– Может быть, потому, что я уже слышала этот вопрос, – и замерла.

Давид тоже. Очень плавно, как в замедленной съемке, его брови и уголки губ стали не спеша приподниматься. Он обдумывал ответ, хотел было его озвучить, но что-то его остановило.

– Хорошо, Кира Дмитриевна, можете идти.

Кира выдавила лишь неуместное «спасибо», развернулась, как солдат на плацу, и зашагала вон, при этом не забыв еще более женственно, чем обычно, повилять бедрами, и тут же поругала себя за неуместное кокетство.

В коридоре она встретила Жака Мерме. Он был ей весьма симпатичен и по внешнему облику и мифологизированности личности приближался для нее к образу Санта-Клауса. Кира поздоровалась с ним очень тепло, расплывшись в широкой улыбке. Жак, как оказалось, тоже умел улыбаться искренне.

– Как ваши дела, мисс Кира?

– Да вот, отругали! – вдруг манерно пожаловалась она и кивнула головой в сторону кабинета Гринберга. Сегодня Кира явно вышла из-под собственного контроля и офисной сдержанности, будто проглотив таблетку правды.

– Ой, не переживайте. Иногда он бывает жестким даже со мной. Радует, что это случается очень редко, – вздохнул Жак и от вздоха как бы приподнялся в воздухе. – Не хотите выпить со мной чашечку кофе?

Кира восторженно приняла приглашение. Внимание человека такого масштаба ей очень льстило. Жак и Кира сели в холле и взяли себе по эспрессо в пластиковых стаканчиках из автомата. Давно у Киры не было такого жгучего желания общения. Обычно она встречалась с новыми людьми из вежливости или необходимости. Сейчас же ей хотелось расспросить его обо всем на свете. Рядом с Жа-

ком она казалась себе такой дурочкой, такой школьницей, но в данном случае эта недалекость не смущала ее. Наоборот, ей почему-то хотелось выглядеть еще более восторженной простушкой, чем было на самом деле. Стать табула расой, стереть налет ненужных, бесполезных мыслей и записать на чистовик только его мудрость.

В профессорской среде Жак Мерме был известен как циничный и холодный лектор, который если и допускал шутки, то только вроде «я, надеюсь, до этого момента не доживу, но вам хватит». Тем приятнее для Киры была та мягкость, с какой он с ней разговаривал. Его волосы, усы и борода были совершенно белыми, и на этом санта-кlausном лице центром притяжения выделялись абсолютно черные брови. Пиджак, казалось, был ему немного великоват. Лоб всегда в гармошку, глубокая складка меж бровей – даже слишком классический. Любой, кто рисовал себе в воображении утрированный образ типичного профессора, был близок к нему настоящему.

Кира опять стала самой откровенностью:

– Знаете, рядом с вами не страшно выглядеть некомпетентной. Потому что в сравнении с вами некомпетентным является весь мир.

– Мисс Кира, вы мне льстите.

– Ни капельки! Вот что интересно. Когда мы начинаем язвить, все принимают это за правду чистой воды. Но стоит только проявить искреннее восхищение или вообще сказать то, что думаешь на самом деле, люди подозревают ложь, лесть, выгоду, стратегию – все что угодно, кроме правды.

– Вы очень пронзительная леди, Кира! Видно, что стараетесь анализировать жизнь – это редкость. И вы правы насчет искренности – она настолько редка, что пугает. Ее трудно распознать.

– Действительно. Даже сейчас. «Пронзительная» – это лесть, или вы на самом деле так думаете?

Увидев, что Жак понял шутку, Кира расхохоталась. Он тоже прыснул, но более сдержанно.

– Я хотел вам сказать, что мы, конечно, все были удивлены, когда Дэвид (все англоговорящие коллеги произносили его имя на привычный себе манер) удивил нас решением взять на эту должность вас.

Кира сразу открыла рот, чтобы высказаться, но Жак тут же продолжил, не дав ей возможности вставить слово.

– Нет, не из-за того, что мы в вас сомневались, нет. Прежде всего, потому, что мы вас не знали вообще и никогда о вас не слышали. Во-вторых, потому, что ваша должность – ключевая во всей этой затее с клубом. Да, не надо так удивленно смотреть на меня. Вы самая главная фигура в нашем, так сказать, начинании.

Кира лишь озадаченно покосилась на него. Жак продолжил:

– Честно говоря, я не верю, что сообща даже такие светлые головы смогут найти что-то революционное, сделать такое открытие, какое обесценит все предыдущие. И уж тем более, мы не сможем предотвратить грядущие катастрофы. По ряду причин, не буду сейчас вдаваться в подробности. Я знаю, Дэвид не верит в ответственность каждого из нас. К слову, я отказался от автомобиля – меня вполне устраивают велосипед и метро. Он же, в свою очередь, рассекает на «мерседесе», или что там сейчас модно, и считает, будто вклад каждого из нас настолько мизерный, что не стоит ограничивать себя в потреблении. Я сейчас поясню, к чему веду... Конечно, каждый имеет право на свою точку зрения и образ жизни...

Кира слушала очень внимательно и понимала, что самое важное впереди.

– Мне не нужно вам объяснять, что мы живем в век информации. Она правит миром и, на мой взгляд, бывает двух типов: бесполезное развлечение и академическое занудство. Все, что касается экологии и ответственности, как правило, скучно вдвойне. Но! Как только вы сможете объединить развлечение и ответственность, вы откроете путь к сердцам людей. Это практически невозможно, я знаю. Но мне кажется, именно вы сможете. Я наблюдал за вами и понял, почему Дэвид сделал ставку на вас. Вы не карьеристка, вы умны и равнодушны. Сделайте то что я вам сказал. Почувствуйте себя Жанной д'Арк, героиней, спасителем Вселенной, если хотите. Мы, заумные старики, можем тут собираться сколько угодно и изобретать, изобретать, изобретать... Но пока эти инновации не будут преподнесены людям инновационно, все будет бесполезно. Вы должны зажечь сердца миллионов, преподнести все, что касается экологии, заманчиво. Вы поняли, что я имею в виду, мисс Кира?

– Да-а, я поняла-а, – Кира растягивала слова, словно вдогонку решая, поняла все же или нет. – Даже не знаю, что сказать. Получается, главным инноватором должна стать я, а не вы. Я должна пройти путь, по которому еще никто не ходил. Но это слишком для меня. Я не рассчитывала... Я не знала...

– Кира, все, что я вам здесь сказал, сугубо мое мнение. Вы можете его проигнорировать со спокойной душой и выполнять свою работу просто хорошо и профессионально. А можете сделать прорыв. Хотя бы попробовать.

– Не знаю, – вновь повторила Кира.

– Подумайте. Торопиться не стоит.

– Спасибо, что поговорили со мной, господин Жак. Можно я буду обращаться к вам, если у меня возникнут какие-то вопросы?

– Конечно! Я с удовольствием начинаю их ждать.

Он по-пацански похлопал Киру по плечу, вручил свою визитку, вежливо попрощался и не торопяся зашагал к выходу.

* * *

Казалось, где-то поблизости скопили целое поле весенней травы. Кира медленно побрела к себе и намеренно выбрала не самый короткий путь. В наушниках Мина Мадзини извергала из себя голос нечеловеческой тональности. Она не пела, а именно отпускала звуки, как птицелов, открывающий дверцу клетки, набитой птицами. И они, обезумевшие от глотка свободы, стремглав вырывались и летели что есть силы в разные стороны, лишь бы подальше, повыше. Но вскоре Кира устала от этой перегруженности надрывной итальянской романтикой. Наверное, потому, что романтики в ее жизни сейчас не было и в помине. Она вновь погрузилась в звуки города: шум транспорта, обрывки разговоров – естественно, про давнее отсутствие дождя весной. С одной стороны, это сильно отвлекало от размышлений, с другой – она погрузилась в своеобразный транс, где сплелись амбиции, альтруизм и страх, и ни одно из трех никак не хотело ограничивать свое присутствие. Альтруизм был самой понятной движущей силой. Его не требовалось объяснять или оправдывать. Но он был и самым блеклым, проигрывающим по силе остальным. Кира подумала, что именно в этом крылась не только ее неудовлетворенность, но и беды всего мира. Получалось, ключ к вселенскому счастью – это всего лишь понизить градус личных амбиций в пользу альтруизма.

Кира ускорила шаг. Ей стало казаться, что она приближается к разгадке какого-то секрета и нужно поторопиться. Как археолог, который годами коптит над небольшим клочком земли, счищая по песчинке культурные слои в поисках древностей, так и Кира, казалось, отметаёт пыль ненужных мыслей, прибли-

жаясь к разгадке. В первую очередь, разгадки себя. Она практически бежала, маневрируя между прохожими, как гоночный болид в компьютерной игре, – в конце партии ее ждал волшебный кубок, горящий в воздухе и переливающийся яркими искрами.

Понизить в людях градус личных амбиций и комфорта. Это уже пробовали и успешно проделывали множество правителей – сверхамбициозных, кстати, составляющих целые армии проделывать долгий путь в нечеловеческих условиях. Или амбициозные страны, равняющие всех в своей верности ради таких же не существующих целей. Но когда цель очевидна, когда она пугающе быстро приближается, неужели нет противодействия, какого-нибудь антиснотворного, магического стимулятора, способного пробудить от дурного сна семь миллиардов человек. «Я должна найти его! Всего-то навсего – изобрести способ достучаться до людей! Это первично, потом уже в ход пойдут зеленые технологии, сбор мусора, электрокары. Все это ничего не значит, если личные амбиции остаются на первом месте у большинства из нас!» – Кира не успевала цепляться за собственные мысли, улыбалась, заводилась, возбужденно дыша, от своих идей.

К тому моменту, как подошла к дому, она очень устала. Выжала из себя все, что было возможно, и поникла, поняв, что в очередной раз просто размечталась, ибо, ясное дело, лекарства от амбиций не существовало. Завалившись на диван, она начала бездумно переключать каналы, в итоге задержавшись на трансляции декольте и открытых спин с какой-то очередной красной дорожки. Большинство из этих, безусловно, красивых лиц Кира не знала. Они купались в своей славе, эти звезды, и рассказывали о «потрясающем опыте» съемок в новых фильмах. И тут мысли Киры, словно получив новое ускорение, понеслись, как усталая, но жестко прищипленная лошадь. Кино! Вот что сейчас владеет умами и деньгами человечества. Голливуд, Болливуд и какая-нибудь Шанхайская киностудия – это и есть мировой диктат. Если выпустить сразу несколько первоклассных блокбастеров, где герои будут сражаться не с пришельцами или демонами, а с собственной недалекновидностью, где катастрофа будущего выглядит не как нашествие роботов, а как последствия бездумной жизнедеятельности человечества, где тихо и незаметно уйдут под воду Венеция и Амстердам, где о Мальдивах останутся одни воспоминания. Это должен быть не один фильм, а целый кинодесант, который методично и спецэффектно будет внушать нам нашу ответственность, чтобы чувствительные дамы выходили из кинотеатров с потекшей от слез тушью, а мужчины – в молчаливой задумчивости. Вот на что должны тратить свои миллиарды Билл Гейтс, Ди Каприо, Гринберг, а не на убогие фотопроекты, не воевать против системы в жанре одинокого героя...

Впервые за долгое время Кира пошла спать довольная собой. Единственное, чего она хотела, чтобы быстрее настал следующий день, – ей не терпелось поделиться мыслями с Давидом и Жаком.

Начальство вызвало к себе, как всегда, перед обедом. Когда она вошла в кабинет, Давид не сразу задал свой традиционный вопрос, а просто в упор с любопытством и задором разглядывал Киру, будто ожидал от нее первого шага или слова.

Кира не выдержала:

– Если вы хотите спросить «какие у вас новости», то у нас есть новости.

– Да?! Как интересно! Я весь внимание! – и он откинулся на спинку кресла.

– Не то чтобы это касается непосредственно фонда, но мне пришла идея, как можно быстро и, так сказать, безболезненно повлиять на большое количество людей. Сделать их нашими союзниками, заставить заду...

– Ну и как же?

– С помощью кино. Конечно, для этого нужны огромные средства, необходимо составить программу финансирования на несколько лет вперед, но...

– Кира, пожалуйста, ближе к делу.

Кира покраснела от раздражения. Она не привыкла, чтобы ее так нагло перебивали.

Гринберг заметил выражение ее лица.

– Кира, не злитесь. Я вас прошу зайти ко мне в 6:30, к концу рабочего дня. Я и впрямую сейчас должен подумать над другими вещами. Кино к ним уж никак не отнесится. Хорошо?

– Конечно.

– Договорились. До встречи.

Кира вышла и снова начала прокручивать в голове стройные диалоги, которые никогда не претворяются в жизнь. В фонде она отпахала уже полтора месяца, и работа стала терять эффект новизны. Круг общения на службе достиг своего максимума, новички строго отсеивались на подходе сотрудниками низшего ранга. Кира уже знала все сплетни в офисе: кто с кем «тайно» спит и кто против кого дружит. Филипп преданно доносил ей все самое пикантное. У кофемашины Кира перезнакомилась со всеми работниками. Ей становилось скучно. Рутину, вместо того чтобы оставить ей время для своих мыслей, блокировала их поток, как вирус. К концу рабочего дня она стала уставать, хотя усилий предпринимала меньше.

Вот и сегодня к вечеру Кира была уже выжата как лимон и рассказывать про кино ей точно не хотелось. Посему в кабинет к Давиду она зашла ссутуленная, без малейшего энтузиазма, лишь с надеждой, что он забыл недавний разговор.

Но босс, наоборот, был по-прежнему резок в движениях, даже ходил слегка подпрыгивая. Кира тут же вспомнила, как Филипп, столкнувшись с ним в коридоре, спросил у нее: «А что он ест?» – намекая на неестественное происхождение его энергии. Она редко видела его сидящим. Гринберг живо ходил взад-вперед либо стоял, опершись на стол, при этом тихонько отбарабанивая ногой одному ему известный ритм. Именно в такой позе Кира и обнаружила его, войдя в кабинет, и тут же вся надежда увильнуть от разговора растворилась в стенах небольшого помещения. Она обреченно вздохнула – придется рассказывать все.

– Садитесь, Кира Дмитриевна. Мне кажется, вы сегодня устали.

Кира села и не могла поднять на него глаза. В ней боролись восхищение и возмущение. Она сама по своему отражению в зеркале не могла определить, что происходит у нее внутри. А этот малознакомый человек видит больше, намного больше, чем ей хотелось бы. Она поехала, ей стало не по себе. Если бы Кира сидела перед ним совершенно нагая, ей и то было бы уютнее, чем сейчас, когда он нагло и методично рассматривал ее душу под микроскопом.

Невероятным усилием воли она вернулась в здесь и сейчас. «В конце концов, – промелькнуло в голове, – не такой уж у меня страшный скелет в шкафу, чтобы можно было переживать за его сохранность». Она все еще смотрела вниз – на журнальный столик, краем глаза отметив, что Гринберг продолжает барабанить свою мелодию носком конверсов. В отполированной поверхности стола отражались оба, и смотрели они в одну точку. Их взгляды встретились, и Кире показалось это забавным, она улыбнулась. Как можно медленнее, сдерживая свою порывистую натуру, подняла на него глаза. Этот трюк кинодив из черно-белого кино всегда безотказно действовал на мужчин – неважно, какие у Киры были планы насчет них.

Давид, казалось, ждал этого взгляда.

– Вы всегда так проницательны, – учтиво сказала Кира. – Может, я в таком случае просто помолчу, вы же и так все про меня знаете. Вернее, знаете, что я намеревалась сказать.

– Нет, я же обычный человек, не телепат, и даже не психолог.

– Значит, вы просто не хотите слушать?

– Точнее было бы сказать, не могу слушать, – улыбнулся он.

Эта улыбка разительным образом отличалась от всего, что она видела на этом лице ранее. Он смотрел на нее исподлобья, его глаза были влажными и зовущими.

Кира моментально считала его посыл и сразу обмякла. Этот человек мог с ней делать все, что захочет, и у нее не было права на отказ. Нет, конечно, формально она сейчас могла перевести все в шутку и тут же уйти, и Кира была уверена, что после этого он больше никогда не посмел бы так на нее смотреть. Но она осталась, сама не понимая, почему. Она не хотела его, не думала о нем, но продолжала впитывать этот взгляд. Чувство юмора и уверенность в себе стали ей недоступны, как будто их отключили за неуплату.

– Почему? – тихо и испуганно спросила она.

– А вы думаете, почему я задаю вам все время один и тот же вопрос? Потому что не нахожу других... Смотрю на ваши губы и ничего не могу с собой поделать.

Давид подошел к дивану, сел рядом с ней и положил свою руку поверх Кириной. Она смотрела на все это, как зритель во время кульминации спектакля: внимательно, с замиранием сердца. Впервые рассматривала его пальцы, отгоняя от себя поднимающуюся из глубины похоть. Ладонь была горячая и тяжелая.

Кира неожиданно для себя поняла, что сейчас, в эти несколько секунд, ей предстоит принять одно из самых важных решений в своей жизни. Давид сдерживал свой порыв, выжидая, выдернет ли Кира руку из-под его руки, или нет. Было очень тихо, лишь часы на стене медленно отстукивали секунды. Точно так же секунды бились внутри Кириной груди. Она нервно прислушивалась. Еще пару ударов – и будет поздно. И правда, прозвучало два тик-така. Кира так и не убрала руки.

Давид подался к ней и буквально вдавил ее в спинку дивана своим поцелуем, сначала аккуратным, потом неистовым. Он играл с ней, как океанские волны с морским берегом, то обрушивая всю свою мощь, то отступая – но лишь для того, чтобы усилить контраст. Кира и в самом деле ощущала себя безвольной песчинкой, которая могла думать только о том, чтобы не утонуть, остаться на поверхности, лишь бы хватило воздуха. Никогда в жизни она не была так близко с человеком, который буквально искрился энергией, затягивая в свое поле, заставляя подчиняться. Он был не просто мужчиной, он был явлением природы – не как цунами или смерч, что возникают из ниоткуда с дьявольской силой и быстро теряют потенциал. Он был как Гольфстрим, как приливы – воплощением спокойной, но не терпящей возражений энергии.

Через пятнадцать минут Кире уже начало казаться, что так было всегда, что его порыв не неожиданность для нее, что так и надо и нет ничего более естественного.

Когда они все же оторвались друг от друга, Давид засмеялся:

– Пожалуй, на сегодня хватит обсуждений. Вам еще есть что мне доложить, Кира?

– Пожалуй, нет, я все сказала. – Кира хихикнула, подхватив его тон. – Отпускаете?

– Отпускаю.

– Тогда до завтра.

– До завтра. Завтра, кстати, тоже можете ко мне зайти не перед обедом, а позже. Как сегодня.

Кира улыбнулась и вышла, предпочтя ничего не отвечать. Она тихо закрыла за собой дверь, спокойно вышла на улицу и протянула руку, увидев приближающуюся такси.

– Куда едем, мисс? – спросил седовласый господин из той редкой породы людей, которым сразу хочется выложить все свои секреты.

– Я, пожалуй, пройдусь пешком, – вдруг выпалила Кира.

Таксист повернулся к ней в удивлении, но, вместо того чтобы разозлиться, сказал:

– Да, действительно, погода располагает. Удачной прогулки!

– Спасибо.

Кире показалось, что он понимает ее, что она вызвала в нем ностальгию по молодости.

– И вам удачи!

Наушники, как всегда, были наготове, Эрик Клэптон и его «Old Love» только и ждали момента, чтобы удесятерить мощностъ Кириных эмоций. Включив музыку с заранее отрегулированной громкостью и подстроившись под ритм знакомых аккордов, Кира двинулась по улице, едва касаясь земли. «There's too much confusion, going around through my head...» – пел Клэптон, старый добрый сообщник по эмоциям.

В проходной своего дома Кира, как обычно, поздоровалась с милой консьержкой, которая, как ей показалось, посмотрела на нее пристальнее, чем обычно. Уже дома она поняла, почему. Нижняя губа слева была заметно припухшей, на ней уже стал проступать типичный подростковый синяк.

– Fuck, fuck, fuck! – выругалась Кира.

И опять, еще более грубо, когда подумала, что у Давида может быть то же самое. Схватила было телефон, чтобы позвонить ему. Написать или все же позвонить? В итоге оставила все на русское «авось», которое не в состоянии истребить даже годы экспатства.

В эту ночь Кира спала на удивление хорошо. Во сне в очередной раз спасала планету, маму, животных и детей. В последней перед пробуждением сцене ночного блокбастера она вытягивала руку из улетающего космического корабля, чтобы схватить оставшегося щенка. Зверек бежал к ней, а футуристического вида тарелка уже оторвалась от земли и начала набирать высоту. Кира свесилась из люка, чтобы подхватить щенка и начала вываливаться сама, как вдруг кто-то схватил ее за талию и потащил назад. Она обернулась и увидела нечеткий силуэт мужчины. Контровой свет мешал ей разглядеть его, она шурилась, прижимая к себе благодарного песика, который вертелся и облизывал ей руки, шею, норовя достать до лица. Совладав с щенком, Кира двинулась в глубь корабля, глаза наконец привыкли к свету, и она смогла разглядеть своего спутника. Это был Давид.

Будильник вовремя прервал сон, словно написанный по голливудскому сценарию.

* * *

Следующий день начинался с большого совещания. До первого заседания клуба оставалось две недели. Кира пришла одной из первых. В большой переговорной был только помощник босса Стивен и офис-менеджер. Сам Гринберг рас-

хаживал между окном и столом. Они поздоровались. Убедившись, что никто на нее не смотрит, Кира бросила на него красноречивый взгляд-упрек, «виновник» беззвучно, одними губами произнес «сорри» и тут же отвернулся к окну. По едва сотрясающимся плечам Кира поняла, что он смеется, и тоже едва сдержалась. История начинала ей нравиться.

Постепенно вокруг стола расселись участники дискуссии. Все серьезные, деловые, но галдящие и хохочущие, как дети. Увидев, что Мерме сел напротив Кира быстро перебежала к нему. Он сдержанно улыбнулся, и она подумала, как же было бы хорошо, если б он был каким-то близким ее родственником.

Впервые Кира сидела за общим столом, на равных с пятнадцатью мужчинами, а не просто отчитывалась о проделанной работе. Чувство, что она большая шишка, очень ей льстило.

* * *

За несколько дней до форума Кире все же удалось прийти домой до наступления темноты. Мама с Максом словно сговорились – обрушили на нее всю энергию своего негодования с разницей в полчаса. Поэтому «скайп» в этот вечер обязан был быть включен «безотлагательно», как потребовала мама.

Только когда Кира увидела ее усталое лицо, она поняла, как же соскучилась и как ей, оказывается, нужно выговориться. Московские подружки и так уже все знали: про Давида, про остывающие угли чувств с Максом, про лондонский быт; смеялись над ее новым акцентом и тем, что она забывала русские слова. Иногда с мамой она была даже менее откровенна, чем с подругами, но никогда не испытывала облегчения после разговоров с ними. Мама же была немым психоаналитиком – достаточно было лишь ее присутствия, чтобы Кира почувствовала себя понятой, а вернее, принятой. Этот эффект сохранялся даже тогда, когда на словах они спорили, или же Оксана начинала злиться. Но в ее глазах, несмотря на резкие слова, неизменно светилось «принятие», действовавшее на Киру как отмычка к самым потаенным уголкам ее души. Именно отмычка, ибо добровольно отдавать ключи она никому не хотела.

Вот и сейчас, услышав «здравствуй, мое солнышко», Кира просто расплакалась. Оксана не спрашивала, в чем дело, а терпеливо ждала, когда дочь выплеснет все накопившееся – радость или горе.

– Извини, мама! Надо нам все же чаще разговаривать, чтобы такое больше не повторялось.

Кира пыталась улыбнуться сквозь слезы.

– Ну что ты. Для чего же еще нужна мама. Что случилось?

– Да в том-то и дело, что ничего не случилось и, похоже, ничего не случится.

Кира рассказала маме про разговор с Мерме.

– Кутя, но ведь это всего лишь его частное мнение. Он может быть разочарованным только потому, что стар. Возраст редко приносит ощущение, что ты все сделал правильно. Всегда кажется, что можно было поступить лучше, выложиться больше, не упустить какую-то возможность. Но это не так. Человек обычно выкладывается по максимуму, но у каждого он свой. Кто-то может построить космический корабль, а кто-то трусы сшить – и обоим будет казаться, что усилий затрачено одинаковое количество. Мир несправедлив, и мы рождаемся с разными потенциалами. Так что, если у него что-то не получилось, может получиться у тебя.

– Ты права.

– Вот видишь... – Оксана уже собиралась перейти к другой теме.

– Но и он прав. Я даже объяснить этого не могу. Интуиция, чутье – называй, как хочешь. Но я вижу во всем этом некую неполноценность... Не знаю, мама, не знаю...

В момент психологического напряжения Кире опять стало не хватать слов. Она смотрела на экран. Но не на мать, а на саму себя. На размазанную по лицу косметику, опухшее лицо. В комнате был полумрак, только настольная лампа резко высвечивала Кирины черты, первые морщинки, мешки под глазами и сумрак одиночества позади.

– Я похожа на престарелого мишку-панду... – будто в никуда произнесла она.

– Похожа. Но их все любят, – отшутилась Оксана. – Доченька, перестань себе...

Кира опять перебила. Сегодня она явно не была настроена слушать.

– Их все любят, и поэтому их осталось по пальцам пересчитать. Так, что ли? А скоро вообще не останется.

– Ну, давай еще поревем о несчастной судьбе панд. Кира! Работа тебе нравится? Лондон нравится? Зарплата? Перспективы?.. Поменьше слушай, что тебе говорят!

– Да, вроде все нравится. Работы много, это реально хорошая школа и, кажется, то, что я хотела. Ладно, мам, нечего паниковать раньше времени, ты права. Надо провести форум, а потом делать выводы.

Кире моментально стало легче.

– Знаешь, как я себя сейчас чувствую? Как чистый унитаз! – Мама скривила презрительную гримасу, а Кира засмеялась: – Фу, мне самой не понравилась аналогия, но она очень точная. А ты просто нажала кнопку, и сейчас все дерьмо из меня слилось в трубу. Просто накопилось. Спасибо. Люблю тебя!

Они еще долго болтали обо всем – о еде, мужчинах, погоде; посплетничали и, по их старой традиции, на счет раз-два-три одновременно нажали кнопки отключения «скайпа».

Умиротворение легко и незаметно опустилось и заволочло Киру и, кажется, все пространство вокруг.

Теперь нужно было позвонить Максу. Не потому что хотелось, а потому что обещала. Но прежде чем наврать ему, Кира пошла в ванную слегка привести себя в порядок, потом прилегла на диван – немного подумать и окончательно переключиться, да так и заснула.

Утром спокойствие рассеялось, на его место снова вернулась нервозность. Это Кира поняла по напряжению в мышцах. Ее как будто всю сковало – за ночь она не расслабилась, а наоборот, спала, будто готовясь к атаке: плечи и шея скованы, все мышцы лица – лоб, скулы, даже нос и глаза – застыли каменной маской. «После форума поеду отдохнуть», – решила Кира.

Подумала она и о Максе, которому не позвонила накануне. Потянулась было к телефону, чтобы набрать, объяснить, но в последний момент отложила. Заметил ли он, что она не выполнила обещания? Ждал ли звонка? Кира с сожалением и некоторой долей облегчения сама ответила себе: не заметил, не ждал.

ГЛАВА VI

За три дня до форума в Лондон начали слетаться участники: изобретатели, ученые, паникеры, демагоги, журналисты – около ста человек. Кира проводила с ними все время – с семи утра до полуночи. Она как будто даже перестала нуждаться во

сне и шутила с Филиппом, что их отдел превратился в сверхлюдей, которые могут обходиться без еды и отдыха. В эти дни даже усталость доставляла ей удовольствие. В компании этих людей она чувствовала себя попавшей в какой-то энергетический кокон, черпающий мудрость напрямую из ноосферы. Каждый из прибывших был для нее проводником в параллельный мир, где живут только умнейшие, неравнодушные люди. Наверное, так чувствуют себя простые смертные, оказавшись среди буддийских монахов, отчасти наивных, беззащитных перед современным миром но обладающих каким-то скрытым от нас высшим знанием.

Сколько их, этих людей? Несколько тысяч? Несколько тысяч на весь мир?! А остальные миллиарды ждут, когда эта могучая кучка решит их проблемы. Но, наблюдая за Жаком Мерме, за создателем самого эффективного электродвигателя господином Масконе, за человеком, предлагающим «защитить» лазерным лучом озоновые дыры, за авторами других идей, безумных и не очень, Кира поняла, что на самом деле они даже не думают никого спасать. Ну или по крайней мере эта мысль витает где-то на задворках их сознания. Они изобретают, конструируют, чертят и вычисляют ночами напролет, потому что их идеи требуют выхода. Им нужно выплеснуть накопленные знания, иначе они начинают гнить, отравлять себя изнутри.

Кира не была ученым, создать она могла разве что хороший текст пресс-релиза или собрать конструктор «Лего», и то строго по инструкции. Но запах гниения собственных знаний она ощущала все четче и четче. Слишком глубоко погрузилась в океан информации, чтобы всплыть на поверхность без интоксикации. Слишком много читала о загрязнении окружающей среды, проглотила разом слишком много прогнозов и историй о жизни людей в тяжелых условиях. Она читала, узнавала, ужасалась, делала выводы, но сама не знала, ради чего. Кира знала слишком много, чтобы можно было это оправдать отговоркой «просто интересно». Такой информационный багаж требовал применения. Если глубина знаний значительно превышает их применение на практике, человек начинает источать запах неудовлетворенности, как спортсмен – запах пота.

Мужчины в дорогих костюмах идеальной посадки, в тончайших кашемировых водолазках и их противоположности – наплевательски относящиеся к себе типичные «безумные» ученые собирались на завтрак в зале справа от лобби. Они сидели за столами с белоснежными скатертями и букетами пионов посередине. Было солнечно. Лучи утреннего светила отражались в огромной хрустальной лампе посреди зала, разбрызгивая вокруг сотни солнечных зайчиков. Все были приветливы, веселы, полны любопытства, искренне радовались встрече, обнимались, улыбались, дружески похлопывали друг друга по плечу. Пахло кофе, выпечкой. Радужная утренняя картина, больше походившая на курортную, когда все выпались и полны энергией. Однако ни красота убранства, ни лохматые розовые букеты – ничто не могло перебить запаха невоплощенных знаний.

Кира поделилась своими наблюдениями с Давидом и Жаком. Они сидели за общим столом на шестерых. Остальные места занимали лучший друг шефа из Техаса Стивен Фольц, известный тем, что построил самый экологичный дом в мире, наполнив его кучей собственных технических изобретений; господин Кингсвилль – председатель британской партии зеленых, и Филипп, который был так возбужден от всего происходящего и одновременно так истощен Кириными поручениями, что походил на невыспавшуюся сову: глаза его округлились, а покрасневшие белки были испещрены сеточкой сосудов. Он сидел ссутулившись, уткнувшись в свой макбук, и то и дело соскакивал улаживать какую-то ситуацию, так же неожиданно возвращаясь.

Гринберг был спокоен и дружелюбен. В его не в меру расслабленной позе и нарочито упрощенных манерах чувствовался хозяин, который хотел казаться радужным. Кира несколько раз перехватывала его взгляд, смутно надеясь найти в нем лишь им двоим понятный намек, но он не выражал ничего, кроме вежливого внимания. Это разочаровывало, но Кира не смела себе в этом признаться, предпочитая думать, что хорошо было бы, чтобы он забыл о том страстном порыве и воспринимал ее только как коллегу. Впрочем, это и правда было сейчас не перво-степенно. Кира внимательно следила за всеми, кто находился в зале. Люди приходили и уходили, но все неизменно рано или поздно оказывались у их столика, чтобы поздороваться с Давидом.

Улучив паузу, Кира сказала:

– Вам не кажется, что среди этих потрясающих людей нет ни одного по-настоящему удовлетворенного своей работой?

Дальше она выложила свою теорию о знаниях, гниющих без применения.

Собеседники слушали ее очень внимательно. В особенности, как ей показалось, Мерме. Когда она закончила, он первый отозвался:

– Мисс Кира, вы очень наблюдательны, браво!

– Да, так и есть, – заговорил Стив, которого Кира прозвала про себя «злой гений эколог». Он, конечно же, не был злым, скорее, агрессивным, и не считал нужным подбирать слова. Давид предупредил ее об этом свойстве друга и призвал не обращать внимания на его колкости. – Но мы все работаем в этой неблагодарной сфере, удовлетворен здесь может быть только идиот.

– Значит, я, по-твоему, идиот? – громко, во весь голос рассмеялся Давид и развел вопросительно руками. – Я вполне доволен тем, что делаю.

– Ай, Дэйв, – отмахнулся Стив, – я же не о тебе. Ты бизнесмен в первую очередь. Я говорю об ученых-романтиках, о стартаперах. Они сознательно выбрали для себя самую неблагодарную сферу. Что жаловаться-то теперь.

– Почему неблагодарную?

– Потому что они решили пойти против огромной безжалостной махины, имя которой мировая экономика. Она перемалывает всех, кто возомнил, что может ее остановить. Если бы здесь было собрание разработчиков чего-то типа новых приложений для телефонов, то, уверяю вас, атмосфера искрилась бы от счастья. А все, кто приехал сегодня сюда, понимают, что мы, как остатки разбитого войска, сражаемся, чтобы сохранить свою честь, но победы нам не видать. Это же очевидно, нет?

– Нет!

– Нет!

– Нет! – послышалось со всех сторон. Послышалось громко, рьяно, болезненно.

К их столу со всех сторон устремились встревоженные и любопытные взгляды. Воцарилась тишина. Было неуютно осознавать, что заостренное внимание нескольких дюжин важных людей обращено к ним.

– А что нет-то? Нет аргументов, вот чего нет! Вы сидите тут, все такие восторженные, а где-нибудь по соседству располагаются сытые и довольные члены ОПЕК. И обсуждают, как еще больше поднять уровень добычи. Ну, и кто кого, а?

– Можно я скажу? – осторожно вступила в разговор Кира, покосясь на шефа.

Он едва заметно ей кивнул. Не хотелось ей говорить, не подготовившись, не хотелось, чтобы все эти люди ее слушали, но она понимала, что лучшего момента рассказать о своей задумке не будет. И все так же осторожно заявила:

– Дело в том, что, мне кажется, вы выбрали не того врага. Не нужно ни с кем воевать. Надо просвещать людей.

– А кто вам это позволит? Мы, собственно, этим и занимаемся, но в рамках, определенных для нас теми же нефтедобытчиками.

– Но никто же нам не запретит распространять информацию. Сейчас это невозможно сделать в силу глобальности Интернета. Правильной информации и сейчас полно, ее много в Сети. Она просто не систематизирована. Нет координирующего центра с хорошим финансированием.

– И не будет!

– Но почему же. У меня возникла...

– Кира, дорогая, давайте вы не будете спорить о том, чего не знаете.

– Но я знаю достаточно, чтобы предпринимать какие-то шаги, – жестко сказала Кира.

Упрямое желание, чтобы ее следующая реплика была сильнее, хлестче, уже пульсировало в ее разгоряченном разуме. Она была готова вскочить из-за стола, налететь коршуном, однако Стивен вдруг отступил. Его голос, полный злой иронии, сменился усталым и равнодушным, будто роботизированным. Он перестал смотреть Кире в глаза, принявшись доедать свой остывший омлет.

– Нисколько в этом не сомневаюсь, – вздохнул он. – Ваши идеи когда-нибудь обязательно пригодятся миру. В ваших, безусловно, обширных знаниях не хватает самого главного: все, что вы начитались, для вас пока действительно мертвый груз. Как только вы найдете последний кусочек этого пазла, вы увидите всю картину. Но, поверьте, единственное чувство, какое вы испытаете, – это горькое разочарование.

– Вы говорите, как гадалка на вокзале. Простите, – тут же извинилась она. – Так дайте мне этот недостающий пазл, раз он у вас есть. Или не стройте из себя мистификатора.

Кира уже не слышала никого и ничего. Ее сердце билось со скоростью крыльев колибри. Ей было стыдно перед окружающими, но и их реакция ей была неважна.

– Зачем же я буду ввергать в уныние такую прекрасную особу?

Казалось, Стив наслаждался ее яростью, а она готова была взвыть от своей беспомощности. Кира понимала, что ею манипулируют, но с какой целью – это было для нее непостижимо. Она вся сжалась, понимая, что показала себя не в лучшем свете. Особенно стыдно было перед Давидом, но, к ее удивлению, он упрекнул не ее, а своего друга, сказав что-то нарочито непринужденное, вроде «Стив, не порть нервы моим работникам, иначе мне не с кого будет спрашивать», и, уже обращаясь к Кире, произнес:

– Кира, успокойтесь, нет никакого недостающего пазла. Правда, Стив?

Все это время он смотрел на Стива исподлобья, явно транслируя что-то, известное только им двоим.

Стив неохотно ответил набитым ртом:

– Конечно же, правда!

При этом так многозначительно усмехнулся, что Кире стало еще противнее.

Филипп, который следил за происходящим еле дыша, набрал на экране ноутбука: «Это неправда, но я сделаю вид, что правда, однако всем своим видом продемонстрирую, что это все-таки неправда, чтобы вам потом правда плохо спалось».

Кира заговорщически шепнула ему:

– Гениально, Фил!

– А между тем до открытия осталось всего сорок минут. Не время для жарких дискуссий. За работу, друзья! – призвал Гринберг.

Все поднялись из-за стола и молча разошлись.

* * *

Следующие четыре дня были, пожалуй, самыми сложными за всю рабочую практику Киры, даже по сравнению с периодом работы в Думе. Там она трудилась на автомате, никогда не выжимая из себя все силы. Бывало, злилась, уставала, впадала в отчаяние, но какое-то неэмоциональное. Она выходила из Думы, шагала по Моховой, сворачивала на Тверскую, по привычке обгоняя всех пешеходов или, если за рулем, лихо подрезая машины. Ей становилось хорошо, она мгновенно переключалась, почти не говорила о своих служебных проблемах с близкими. Работе никогда не удавалось пробиться к ее эмоциональному центру, вовлечь его в переживания, раскачать равновесие душевных сил. На вопрос друзей «ну как там сильные мира сего?» она отвечала забавной гримасой, означавшей, что лучше их игрища за власть не воспринимать всерьез, ведь «все и так про них уже давно известно».

Но на этот раз она не успела заколотить дверь в свой тайный душевный сад, и беспокойство бурной волной ворвалось в него. Первый раз в жизни она стала мучиться бессонницей. Отрывки фраз, выражения лиц, картинки будущего, схемы, возгласы – все это роилось в голове, не давая уснуть до четырех часов утра. Но в восемь она соскакивала с болезненной энергией и чуть ли не бежала на конференцию, жадно впитывая все, что там обсуждалось. Помимо открытия, двенадцати интервью и пресс-конференций, она присутствовала на двадцати круглых столах – больше никто из офиса не выдержал столько умного занудства.

Каждое из таких обсуждений длилось от двух до пяти часов и было построено по типу собраний короля Артура. Эксперты и инвесторы сидели вокруг большого круглого стола. Чуть поодаль, тоже вокруг – зрители из числа студентов, просто любопытных и групп поддержки. Одно место за столом занимал куратор, еще одно, свободное, по очереди предоставлялось выступающему – докладчику с новыми данными или изобретателю какой-то инновационной технологии. После доклада или презентации эксперты обсуждали тему и выносили вердикт, какая из технологий наиболее жизнеспособна, требует внимания, дальнейшего финансирования и разработки. Найти средства или сторонних инвесторов брался фонд во главе с Давидом Гринбергом. Некоторые дискуссии были настолько горячими, что приходилось припугивать разгоряченную интеллигенцию выводом из зала.

Жак Мерме был заявлен в экспертных комиссиях пяти сессий, но явился только на одну – по водородному топливу, и то сидел понуро, почти не высказываясь. Кира разочарованно следила за ним из своего обычного наблюдательного пункта в проеме двери. Жак отвечал на реплики неохотно, без всякого энтузиазма вступал в полемику. Казалось, большую часть обсуждений он даже не слушал, уставившись на костяшки своих угловатых пальцев, сложенных в замок на столе. Он даже не был погружен в свои мысли, просто терпеливо ждал окончания. Когда на завершающем обсуждении закипел, заискрился ярким пламенем спор, Жак лишь поднял глаза и опять просто дожидался его финала.

Жак даже не вертел головой, как все остальные за столом, переключая внимание с одного собеседника на другого. Он был похож на манекен – такой же пустой взгляд, неестественно прямая поза. Кира решила поговорить с ним на следующей сессии, но он так и не пришел.

Зато Кира втискивала новые знания в свою переполненную память, как книги на уже и так забитую полку. Бывало, даже конспектировала для себя, словно ей

предстоял экзамен. Правда, не перед комиссией, а перед самой собой. У нее было предчувствие, что по окончании этих четырех дней что-то глобально изменится вокруг и в ней самой. Она видела горящие взгляды людей, болеющих своими идеями, жадные глаза инвесторов, бросающихся на потенциально прибыльные вещи, ироничные взоры стариков, и во всех сразу – проснувшийся наконец-то азарт. Все вокруг шептало: мы это сделаем, мы это воплотим. Еще чуть-чуть, еще пара громких «очнись» – и люди поймут.

Большую часть из выступлений она не понимала: катионовые электролиты какие-то трубки, фазы переработки, гидроразрывы, таблицы, таблицы, таблицы... Кира даже не умела работать в Excel, что, однако, ей удавалось мастерски скрывать уже больше десяти лет. Но по взглядам мэтров, тону их голосов, по шатающейся от перенапряжения походке докладчика она понимала, стоящая была идея или нет.

Из-за того что Кира почти не покидала свой наблюдательный пункт в проеме или у приоткрытой двери, у нее жутко ныли ноги. Зайти она не могла – ее постоянно дергали звонки, Филипп и Диана. Дискуссии шли параллельно в двух-трех аудиториях, еще приходилось периодически переключаться на интервью. «Я настоящий коридорный», – называла себя Кира. С Давидом она тоже сталкивалась между залами, и эти столкновения, не несущие в себе никакой смысловой нагрузки, кроме рабочей, заставили ее думать, что вечер в кабинете ей приснился или был придуман большим воображением.

* * *

Фуршет по случаю окончания форума пригласили оформлять какого-то важного человека из Парижа, который обычно организует показы мод. В офисе посмеивались над этим решением, выдавая в день с дюжину версий, на что же это будет похоже. Мужская часть коллектива ратовала за то, что раз уж человек из этой сферы, пусть запустит побольше моделей в купальниках. Мол, дальше мы сами сообразим, что с ними делать. В общем, на обеденных перерывах было нескучно – есть над чем посмеяться. Но когда гости вошли в специально арендованный для фуршета огромный зал, мужчины тут же забыли о моделях, а женщины – об ориентации парижского гея.

Потолок был покрыт густой травой и цветами. В центре зала вверх ногами «рос» дуб, похожий на тот, под которым недавно отдыхала Кира. Пол выстелен 3D-покрытием, изображающим небо с парящими облаками. В нескольких точках зала установлены замаскированные голографические проекторы, создающие изображение облаков, величаво плывущих по залу на высоте около метра. Через некоторое время они превращались в тучи, стреляющие молниями. То и дело пролетали стаи птиц, прямо сквозь гостей, как привидения; листва дерева то желтела, начиная опадать вверх, то по-весеннему разрасталась яркой зеленью. Ошалелые люди, попавшие в эту сюрреальность, сначала даже пугались, толпясь у входа, а потом, превознося современные технологии, углублялись в этот перевернутый мир, с детскими улыбками оглядываясь по сторонам, трогая воздух, куда проецировались облака, и уклоняясь от несуществующих на самом деле пернатых. Все это символизировало глобальный переворот в мире, который должен был совершить форум.

У Киры даже голова закружилась. Она была посреди облака-голограммы и, зачерпнув ладошкой воздух, ожидала почувствовать прохладу.

Издали увидела, как сквозь толпу к ней протискивается Гринберг. Приблизившись, он скрестил на груди руки, склонил голову набок и откровенно оценива-

юще стал разглядывать ее. Кира надела строгое платье-фрак длиной до середины лодыжки. Открытой спины и декольте такой фасон не предполагал.

– Вы не вняли моим мольбам?

– Я расценила это как совет, но ведь мое дело, следовать ему или нет. Я посчитала, что здесь присутствует слишком много людей, которых излишняя сексуальность только оттолкнет.

– Эх, Кира, Кира! Разве это важно... – и не дав времени ответить, он улыбнулся ничего не значащей улыбкой, развернулся и пошел назад.

Кира заметила, что, когда Давид подходил к ней, разговоры за соседним столиком стихли. Двое мужчин и женщина лет пятидесяти переглянулись, жестами дав понять друг другу, что лучше сейчас помолчать. Кира узнала ее, это была одна из докладчиц. Когда Давид ушел, они вновь оживленно защебетали. Кира прислушалась.

– ...ты даже... – слова тонули в музыке блюз-бэнда, игравшего на сцене. – ...сколько он денег во все это вбухал.

– Миллион...

– Больше! Лучше бы на благотворительность отдал!

Реплика принадлежала женщине (на такой ядовитый тон не способен ни один мужчина).

– И такой весь лощеный, блестящий, ну точно майский жук.

Эти люди не верили Гринбергу. Не верили, как и подруги Киры, спорившие с ней в Москве. Как журналисты, ищущие в нем и в его делах малейший изъян, чтобы за него зацепиться. «А я-то ведь... – усомнилась Кира в очередной раз. – Он слишком успешен и богат, слишком любит широкие жесты, чтобы прослыть добрым. Он слишком нескромный, и зависть к нему перевешивает, причем перевешивает всегда, какое бы количество этого мерзкого чувства ни находилось на чаше весов – пусть даже грамм. Время жертвенности давно прошло. Наша эпоха не может породить отречение от личного во имя чего-то великого. Никто не делает шаг без оглядки на свой кошелек. Наверное, это надо принять, принять рождение новых “героев” – холеных, состоятельных, благотворящих не бездумно, а очень расчетливо. Готовых спасать мир, гореть идеей, но при этом не жертвуя ни каплей своего комфорта и статуса. Их безумство продумано, их жертвы должны обернуться финансовой прибылью, иначе нет смысла».

Музыканты доиграли мелодию, и на сцену вышел Давид – поприветствовать собравшихся. Он и вправду был сегодня слишком холеным. Трудно поверить, что это и есть последняя надежда цивилизации. В нем не хватало трагичности, надлома, страдания в глазах.

Кира следила за его стандартной, без изысков речью, за фотографами и журналистами, не упуская из виду все еще плывущие меж гостей облака. Все-таки это было чертовски красиво, и плевать, сколько на это затрачено. Она самонадеянно думала, что знает о Давиде больше, чем остальные, и еще раз искренне восхитилась шефом. Даже умилилась. Ей почему-то захотелось поговорить с ним по душам, защитить, рассказать, как он выглядит в глазах других. Образ непонятого гения был еще привлекательнее для сердца, чем просто успешный бизнесмен. Но он по-прежнему, даже после того вечера, оставался для нее шефом, наставником, учителем.

* * *

«Надо откровенно сказать ему, что я хочу остаться в рамках деловых отношений. Просто отмалчиваться, избегать или делать вид, что все нормально, только дает ему лишний повод». Кира начала подбирать слова, которые могли бы четко

обозначить ее позицию, но не обидеть шефа. Она так погрузилась в это будущее объяснение, что Жаку пришлось буквально кричать, чтобы Кира его услышала.

– Простите, господин Мерме. Задумалась.

– Над тем, как нам жилось бы в перевернутом мире?

– Мы и так живем в перевернутом мире, подменяя важное второстепенным.

– Вы потрясающая девушка! Жаль, что ваша глубина растрачивается впустую.

Хотя вы еще так молоды. Возможно, у вас все впереди.

Его слова неприятно резанули, но Кира не подала виду. К тому же заметила, что Жак изрядно набрался и к тому же в дурном расположении духа. Его лицу никак не шло мрачное выражение. «Никто никогда не видел угрюмого Санта-Клауса, – подумала Кира. – И вот он стоит передо мной. Печальнее некуда». Полминуты она думала, стоит ли спросить, что случилось, и искренняя симпатия не позволила ей остаться равнодушной.

– Господин Мерме, вам не понравился сегодняшний вечер? – начала Кира издалека.

– Почему вы так решили?

– Потому что вы явно не веселитесь вместе со всеми. Вообще-то, до окончания осталось мало времени – хотите, уйдем отсюда?

– Мало времени... – Кажется, он услышал лишь эти два слова и теперь бубнил себе под нос только их: – Мало времени... Его не просто мало, Кира. Его вообще нет!

– То есть вы согласны с Эйнштейном, – улыбнулась Кира, попытавшись отшутиться.

– Я не об этом... Пятьдесят лет назад, мисс Кира! Пятьдесят!!! – Понурый Санта-Клаус вдруг резко сменил настроение, буквально расвирепел и немного напугав ее. – Полвека назад я предупреждал, что так будет! Не только я – самые авторитетные ученые мира собирались на самых престижных площадках и, как романтические трубадуры, вещали об этом на все стороны света. Мы упивались своими открытиями, знаниями. Мы возомнили себя провидцами, спасителями, современными Иисусами. Но знаете, в чем наше отличие от него? В том, что за нами никто не пошел, нас никто не услышал.

Жак привык выступать перед публикой, но сегодня он явно был не в роли сдержанного лектора. Он стоял перед Кирой, словно на сцене, и его речь была столь же несдержанна, как, вероятно, утрировали герои Шекспира на сцене театра «Глобус».

– Ох как все кричали! Бестселлер, бестселлер! Как мне аплодировали, как мы стали популярны! Словно рок-звезды! Мою книгу перевели почти на все языки мира, у меня до сих пор дома стоит отдельный шкаф под эти издания. Они покрылись пылью, как вся моя жизнь. А все почему??? Потому что есть другой бог на земле, который намного могущественнее нашей ученой кучки. Этот бог – деньги. Ни Иисус, ни Будда, ни Аллах, вместе взятые, не могут ему противостоять. Их власть над людьми – это власть горстки шарлатанов, в сравнении с тем, что творят деньги с людьми. Удивляюсь, как еще не придумали молитв и храмов...

– Придумали, господин Мерме, придумали. Только эти храмы завуалированы под мегаполисы, а молитвы – под песни поп-звезд.

– Может быть, и так... Знаете, вы первая за долгое время, с кем я говорю на эту тему, но...

Кира была растрогана его откровенностью, а еще больше – увлажнившимися глазами этого человека-скалы. До сего момента Жак был для нее бесплотным существом, даже бездушным, наполненным не душой, а вселенской мудростью. Но

сегодня перед ней предстал человек, несокрушимое, казалось, ядро которого все же расколото и подверглось коррозии. Ей стало больно за него.

– До середины восьмидесятых я еще надеялся, но именно тогда мы прошли точку невозврата. С тех пор я уже не хочу никого предупреждать, просто плыву по течению. Работаю, поскольку это единственное, что я умею. Сам удивляюсь, почему еще жив. Как я умудрился не наложить на себя руки от тошнотворного разочарования, которое выжгло во мне все нутро. И самое ужасное, от отсутствия надежды. Теперь я всего лишь злой зритель, переполненный сарказмом и горечью... – И после долгой паузы заключил: – В общем, предлагаю вам забыть о том, что мир еще можно спасти.

– И что же, купить попкорн и вместо фильмов-катастроф наблюдать за апокалипсисом наяву?

– Да, только с той разницей, Кира, что наблюдать не получится. Все мы будем действующими лицами – кто-то на первых ролях, а кто-то в безвестных массовках. И хэппи-энда тоже не будет. По законам киножанра, после бури должно выйти солнце и озарить оставшееся человечество. Но солнце не выйдет. Оставшиеся будут просто выживать, бороться за свое существование – уныло и напрасно.

Он вновь замолчал. Давно Кира не чувствовала себя настолько не в своей тарелке. Как будто случайно стала свидетелем того, что никак не должно было попасться ей на глаза.

– И еще я должен признать: наш всепланетарный бог поработил даже меня. Вам сейчас тоже станет тошно – я здесь для того, чтобы зарабатывать, зарабатывать и зарабатывать. Торговать своим именем, как ученая проститутка. Даже я стою на коленях перед нашим божеством! Инстинкт самосохранения у меня уже выключен, но мне нужно спасти моих внуков. Хоть как-то продлить им существование, потому что жизнь все же стоит того, чтобы за нее бороться. И только деньги могут подарить им несколько лишних, относительно приятных лет пребывания на этой чертовой планете. Я уже не хочу спасать человечество, планету, птичек, каких-то там... слонов... – Жак стал заговариваться и жестикулировать еще активнее, чем прежде. – Спасти только их – трех любимых мною существ. И все. Больше мне ничего не надо. Ни-че-го.

На этом, может быть, даже слишком театральном моменте Кире стало действительно тошно. Она понадеялась, что это финал речи, но Мерме набрался сил и опять затянул прерванную лебединую песню:

– Но у меня даже это не вышло! Потому что у моей внучки, четырнадцатилетней девочки... Она красивая. Как вы. У нее рак. Знаете, кого я виню в ее болезни? Всех нас. За нашу близорукость. И скажите мне, моя наивная, умная, добрая девочка, неужели вы думаете, что после прошедших пятидесяти лет я буду отмечать этот bullshit⁷, происходивший здесь?..

Кира не могла заставить себя посмотреть Жаку в глаза. Она уставилась в пол, не понимая, кого ей больше жалко: его, себя или всех на свете.

– Ладно, пойду я, – сказал Жак устало, осушив одним глотком бокал, и медленно двинулся к выходу.

«Хоть бы он не вспомнил завтра об этом разговоре». Кире не хотелось, чтобы Жаку было стыдно за себя.

... Утром она сидела в самолете рейсом Лондон – Москва. Она заранее оформила себе отпуск, который после диалога с Мерме оказался даже очень кстати. Возвращаться в Лондон обратно ей загода не хотелось.

⁷ Чушь собачья (англ.).

ГЛАВА VII

Кира повернула ключ в замке, привычным движением нащупала выключатель в коридоре – рефлекс остался, новая жизнь не наслоила на него иных привычек. Она вошла, тихо ступая, как будто не желая разбудить спящую квартиру, покрутилась на месте – все на своих местах, все по-прежнему, даже ее зеленая куртка висит в прихожей. Любимая кружка для чая стоит в положенном ей углу столешницы. Чайный налет на ней тоже на месте.

Было очень тихо и чисто. Ненатурально тихо и стерильно чисто. Не как у хорошей хозяйки, а как у хорошей горничной в гостинице. Казалось, здесь вообще нет человеческого духа, и Макс, в отсутствие Киры, в квартире не жил. Существует ли он вообще? На заре их знакомства любимой песней Макса была «Кто я без тебя». Ему нравилось быть никем без Киры. В своем несуществовании без нее он находил особое удовольствие – не мазохистское, а какое-то рыцарское. Киру и пугало это, и нравилось. Вскоре она привыкла, а потом, когда чувства, нет, не остыли, но стали более приближены к реальности, и оба (по отдельности) поняли, что Максим не просто дополнение к Кире, а вполне самостоятельная, сложная, упрямая личность, Киру это обидело. Она не смогла принять это отчуждение и сделала превентивный удар – сама отделилась от их общего, единого любовного организма. Раз и навсегда.

* * *

На пару дней Кира погрузилась в тотальную лень, от которой получила столько удовольствия, сколько не получала раньше, неделю валяясь на пляже.

– Я просто устала, – рассказывала она, прогуливаясь с Женей по парку Горького и всем своим видом демонстрируя жизнерадостность. – Но, оказывается, одних выходных и смены обстановки достаточно, чтобы полностью прийти в себя.

Женя тоже была в прекрасном расположении духа. Мало того, последние две недели она была возбуждена, как экстремал бейсджампер перед прыжком. Адреналин заставлял ее идти стремительно, так что Кира постоянно одергивала подругу, вынуждал бурно жестикулировать и говорить быстрее обычного. Женя влюбилась. Она уже успела признаться, что это тот самый разработчик авиаэлектродвигателей, о котором она давно рассказывала.

– Ты же говорила, что он тебе не нравится.

– Он мне не нравился. То есть мне было с ним очень приятно общаться. У него такой интересный взгляд на разные вещи. Но я как-то не представляла нас вместе. И тут он пригласил меня на урок танго. Просто покуражиться, ничего больше...

– А-а-а, понятно. Он прижал тебя поближе...

– Да! – захохотала Женя. – Это тоже было. Но меня покорило то, как он вел в танце. Мне было так сложно, просто невероятно трудно позволить кому-то направлять себя. Я, оказывается, и в жизни этого не умею, не то что в танце... А он так уверенно мною кружил...

– Все, пропала девчонка!

– Ага! – Женя приобняла Киру за плечи. – Ну а если серьезно, то Марк хочет, чтобы я уехала с ним в Женеву.

– И бросила работу?

– Получается, так. Я, естественно, много чего о тебе рассказывала. Он очень скептически настроен по отношению к Давиду.

– Да, ты уже говорила. Он это как-то еще обосновал?

– Он говорит, что Давид, цитирую, «двуличная тварь» и что он отмывает деньги в промышленных масштабах.

– Доказательства?

– Кирюш, больше я не спрашивала. Хочешь, поговори с ним сама. Он за мной скоро заедет.

– Боюсь.

Кира натянуто улыбнулась, хотя где-то под диафрагмой начинало вскипать возмущение. Первым порывом было отказаться и сделать вид, что это для нее неважно.

– Да ну, брось! Ты хотя бы не боишься, если мы подвезем тебя?

* * *

– Добрый день! – заговорила первой Кира, усаживаясь на заднее сидение.

Ей всегда казалось, что тот, кто первым проявляет инициативу, оказывается в более выигрышной ситуации. Это, пожалуй, единственное, что она запомнила из урока игры в шахматы, который преподавал однажды ей отец.

– Добрый день! – Марк обернулся к ней с дружелюбной, но сдержанной улыбкой.

– Добрый день! – поздоровалась Женя и, дотянувшись до губ Марка, быстро чмокнула его. – Я думаю, представлять вас друг другу уже не надо. Но на всякий случай: Марк, Кира.

– Очень приятно! – выпалили они одновременно.

Машина тронулась. Кира разглядывала отражение Марка в зеркале заднего вида, пока Женя бархатно щебетала об их прогулке. Марк был сосредоточен то ли на рассказе, то ли на дороге, впрочем, как и любой человек за рулем. Но было еще что-то в этой сосредоточенности – какая-то располагающая к себе цельность. Вполне можно было представить эти сдвинутые брови и взгляд, обращенный в одну точку, за любым другим занятием: Марк с той же сосредоточенностью готовил пасту, собирал двигатели, занимался любовью, спал, принимал душ... Он был неулыбчив, но располагал к себе. Стальной стержень в нем невозможно было сломить, и, казалось, он сиял своим тусклым металлическим блеском, добавляя образу Марка драматичности. У него была внешность героя: четко выраженная, мужественная квадратная челюсть, высокий лоб, греческий нос... Родись он веков пять назад, наверняка погиб бы в рыцарском турнире или его точно сожрали бы папуасы, потому что он стал бы их первооткрывателем. Но современные герои лишены возможности проявлять свою натуру и погибать «за дело», поэтому уныло собирают и разбирают двигатели.

Ему хотелось доверять сразу же, и это испугало Киру, потому что она уже знала заранее – все, что Марк ей расскажет, будет правдой, опровергать которую бессмысленно.

Они успели обсудить все: погоду, цветочки, пробки, детей, рестораны и самолеты – и к тому моменту, как Женин «Land Rover» остановился на Бронной напротив дома Киры, та была абсолютно измотана ожиданием неудобной ей правды. Кира изучила лицо Марка вдоль и поперек и уже знала, как забавно он строит фразы на неродном русском. Она не хотела ничего знать, но вместе с тем понимала, что если сейчас ничего не спросить, попрощаться и выйти из машины, незаданный вопрос будет мучить ее всю жизнь.

Они простояли еще минут пять на аварийке, перегородив пол-улицы, прежде чем Кира нашла секундную паузу в Женином ворковании.

– Марк, – обратилась она чуть громче, – я бы хотела спросить тебя о твоём бывшем партнере. Ты знаешь, о ком речь. И знаешь, что я сейчас работаю с ним. То есть у него.

Кира старалась тщательно подбирать слова, и от этого все звучало слишком официально.

– Женья мне сказала, что ты невысокого о нем мнения...

– Я много чего могу сказать и доказать. Кира, нужно ли тебе это?

– Что именно?

Она уже начинала жалеть, что завела разговор.

– Послушай, я знаю, что Дэйв очарователен, он заражает своими идеями и обескураживает энергией. В него влюбляются все. И ты наверняка тоже. Хотя бы чуть-чуть. Хочешь в нем разочароваться? Думаю, нет.

Кирины карие глаза на долю секунды вспыхнули красноватой жгучей ненавистью к человеку, открыто говорившему о чувствах, в которых она сама была еще не уверена.

– Ты прав, я не хочу в нем разочаровываться. – Кирина голос звучал зло и сухо. – Но ты... Вы не оставили мне выбора. Как ты себе это представляешь? После стольких намеков я легко выкину все из головы? В конце концов, я уверена, что правда всегда, без исключения, рано или поздно всплывает. Так что пусть лучше рано. Выкладывай! Я уверена.

– Ну, окей... Даже не знаю, с чего начать...

– С самого начала, – отрезала Кира, стараясь скрыть свою неизвестно откуда нарастающую враждебность.

– Что ж, с начала... В общем, мы долго работали с ним вместе, ты уже знаешь. Вернее, мы дружили еще до этого, потом вместе основали компанию, занимались производством и монтажом солнечных батарей. Собственно, оттуда возникли все мои дальнейшие идеи, и за это я Дэвиду очень благодарен. Мы шли бок о бок, но он всегда больше горел, общался, добывал информацию. Я же, как делаю и по сей день, возился с технологиями на производстве... Он был моими глазами и ушами. А закончилось все банально: спустя четыре года я стал подозревать, что с нашей бухгалтерией что-то не то. Ему ничего не говорил, стал тайком проверять и пришел в ужас. В течение трех лет он дурил меня как малолетку. Но это частное дело, я знаю, ты можешь сказать, что недостача, хоть и огромных размеров, ничего не доказывает. И будешь права... Однако я узнал больше. Через нашу фирму проходили сомнительные сделки, например, поставки крупного опта в Африку. Хотя мы физически не могли столько произвести. Я стал раскручивать эту цепочку и выяснил, что Дэвид занимается вывозом отработанной техники и гаджетов со всей Европы в Африку, Индию и Бангладеш. По документам этот мусор проходил как гуманитарная помощь. Ты, вероятно, не знаешь, что творится на этих свалках. Там гибнут люди... В общем, я несколько месяцев наблюдал за ним. Превратился в заикленного параноика, собирал доказательства, разговаривая с ним, сжимал кулаки и еле сдерживался, чтобы не врезать по морде. Кира, я каждый день приходил в ужас от масштабов сделок, но больше от масштабов лицемерия и талантливо замаскированных схем.

– Ты собрал доказательства?

– Я знаю, почему ты спрашиваешь. Отчего я это не использовал?

– Именно.

– На самом деле я и сам до сих пор не могу ответить на этот вопрос. Я не струсил, нет. Не знаю. Мне стыдно перед самим собой, ведь тогда я был полон решимости. Вызвал его на разговор и сказал, что все знаю. – Марк остановился и горько, с иронией хихикнул. – Дэйв, конечно, очарователен: он просто, как он это умеет, искренне посмотрел мне в глаза и попросил во имя нашей дружбы ничего не оглашать. Не оправдывался, просто сказал «прости». Я не простил, но

согласился не обнародовать. Возможно, сейчас я не был бы таким тюфяком, но уже поздно. Компания закрыта почти десять лет назад, следы уничтожены. К его новым делам я не имею доступа, и слава богу. Но я уверен, то, что он творит сейчас, в сотни раз масштабнее прежнего... У меня нет доказательств, но и сомнений в этом нет.

Кира легонько помотала головой из стороны в сторону и, глядя в пол, изрекла:

– Пришли мне старые документы. Я никому их не покажу. Просто для меня.

– Да можешь показывать, сейчас это уже не имеет смысла. Поэтому Дэйв с некоторых пор расслабился и стал со мной здороваться – он знает, что я не опасен для него.

– Кирюша, будь осторожна, прошу тебя!

Голос Жени, которая все это время сидела как мышка, отрезвил Киру.

– Это все, конечно, очень неприятно. Но, спасибо, я должна была это знать. Я должна была это узнать раньше. Женя знает, что я пошла к нему работать не ради карьеры, хотя и это тоже, – мне хотелось масштабного вклада в дело, которое я считаю самым важным. А получается, тружусь с обратным эффектом: не во благо, а во вред. И ведь многие в нашем офисе – боже, да большинство – уверены, что от нас зависит будущее человечества. Что мы пионеры, б...ь! Извините...

Кира уже не обращала внимания ни на Марку, ни на Женю, просто не могла сдержать поток мыслей, рвущихся наружу, и едва успевала облачать их в слова.

– Ты пришлешь документы?

– Да.

– Хорошо. Приятно было познакомиться, спасибо, что подвезли, – выпалила напоследок она и пулей выскочила из машины.

* * *

В пяти письмах, пришедших ей на почту, было все, что она так надеялась никогда не увидеть. Счета, цифры, цифры, цифры – агрессивная среда, в которой Кира ничего не понимала. Кипр, переводы шестизначных сумм... Буря противоречивых чувств поднималась в ней: ненависть и благодарность Марку, что-то смутное сродни облегчению и даже некое злорадство. Ведь где-то в глубине души у любого человека сидит парадоксальная разрушительная надежда на плохой исход, чтобы можно было пострадать вдоволь или сказать «я же говорила».

Кира вспомнила тот вечер в кафе, когда чуть не поругалась с подругами, с пеной у рта отстаивая доброе имя Гринберга. Почему они видели то, чего не видела она? Конечно, они не могли знать о его махинациях, но что-то ведь в его личности, глазах и манере общения их насторожило? Почему же она видела только нимб над его головой?

А Жак и остальные почти тысяча человек, которые работают на него? Несут ему, как неутомимые муравьи, свой труд на подносе слепого восхищения и обожания.

Кира уничтожала себя, препарируя самолюбие полдня, и к обеду почти убедила себя в том, что она полное ничтожество. Как ни парадоксально, но она почти забыла о Давиде. И даже не думала о том, что ее идеалы теперь невоплотимы, что CO₂ будет продолжать уничтожать планету, нефтяники – богатеть, а дети в Африке – болеть. О каком подвиге может идти речь, когда задето самолюбие?

* * *

До вылета в Лондон оставалось пять дней, и единственное, о чем мечтала Кира, – это побыть оставшееся время в полном одиночестве.

Кира стала охранять информацию о махинациях Гринберга, как Кащей свои сокровища: чахла и упивалась ими. Даже восхищалась – как вообще возможно такое провернуть!

Она хорошо себя знала. Ей нужно было ровно четыре дня – ни больше, ни меньше, чтобы дойти до дна болезненного разочарования и начать подниматься наверх. И хотя моральное напряжение спустя эти дни спало, она по-прежнему не знала, что делать. Взяла телефон и стала медленно прокручивать телефонные контакты, начиная с «А». Позвонила Наталье Алексеевне. Все, что ей было нужно, это беспристрастный совет хорошего человека. Чтобы можно было выложить ему все, как попутчику в поезде.

Наталья Алексеевна не имела в жизни Киры никакого веса, и это было большим плюсом их отношений, которые выросли в нечто большее, чем просто симпатия преподавателя и ученика, но и не нарушали дистанцию, не переходя в дружбу. Кира знала, что Наталья Алексеевна уважала ее, хотя бы за маниакальное поклонение итальянскому языку и за то, что она не отступила, когда столкнулась с трудностями. Уважение человека много старше ее льстило Кире и служило еще большим стимулом тянуться к Наталье.

Кира выложила Наталье все в подробностях. Чужой язык заставлял ее часто останавливаться, подбирая правильные слова и тем самым очищая происшедшее от ненужной шелухи. Она говорила почти без эмоций, как будто рассказывала не свою историю, а в конце по-простецки спросила:

– И что же мне теперь делать?

Наталья ответила не сразу, лишь глубоко вздохнула, села поудобнее, поерзав в кресле, и, вместо того чтобы жалеть и причитать, выдала жизнерадостным тоном:

– Так это же прекрасно! Почти прекрасно.

Кира выпучила глаза в недоумении.

– По-че-му-у? – протянула она каждую букву.

– Разоблачить. Не знаю, может, это и плохой совет... опасный... но ты откроешь многим глаза. Станешь тем борцом, каким всегда хотела. Не винтиком в механизме, а самостоятельной единицей, идущей против правил. Ты станешь примером. Потестишь свое эго, что тоже немаловажно.

В обратную дорогу Кира собиралась почти в приподнятом настроении – болезненно и нервно возбужденная, как борзая, которая услышала зов охотничьего горна.

ГЛАВА VIII

С момента возвращения в лондонский офис Кира начала присматриваться и прислушиваться. Невнимательной от природы, ей было тяжело и непривычно включаться в жизнь, кипящую вокруг, всеми органами чувств. Она стала провоцировать коллег на неудобные для них разговоры, перестала носить каблуки, чтобы тише подходить к шепчущимся парочкам. Зачем ей это было нужно, она и сама до конца не понимала, но остановиться уже не могла. Эта игра в детектива ей даже нравилась. Обидно было лишь то, что она не приносила результатов. Все, о чем Кира узнала, – это кто с кем спит и кто кого подсиживает. В остальном же все было даже слишком идеально.

Кабинет Давида, как и прежде, был постоянно закрыт изнутри. Он открывал дверь нажатием кнопки на столе. Захлопывалась на замок она автоматически. Киру стали преследовать сны, как она всяческими фантастическими путями проникает туда: то в костюме женщины-кошки через воздухопровод, то нагло взрывает дверь. Она побывала во сне и бестелесным духом, и змеей, но ни разу не увидела, что же там, за закрытой дверью.

Давид стал на нее странно поглядывать, потому что Кира старалась попасть к нему в кабинет по любому поводу, а потом пытливо разглядывала его. Через пару недель, когда ей послышался интимный разговор в пустом коридоре офиса, она поняла, что ситуация зашла слишком далеко. Она измучилась и позвонила Жаку. Тот не удивился, ожидая рабочего вопроса. Но Кира сказала просто и скромно:

– Мы могли бы с вами встретиться в ближайшее время за чашкой кофе? Мне хочется вас спросить кое о чем.

– Конечно, мисс Кира, завтра я буду у Давида, зайду к вам.

– Не в офисе.

– А, оу... Да, конечно. – Жак не стал задавать вопросов. – В четверг в восемь в ресторане «Sowa».

– Отлично, спасибо большое. Буду вас там ждать.

* * *

Каждая встреча с этим человеком становилась для Киры откровением. Даже каждая фраза. Она сидела за столиком и ждала и Жака, и откровение, которое было необходимо ей как никогда. Свечи на столиках и в больших канделябрах уже зажгли, свет приглушили. Старая английская богема собиралась в привычном для себя месте. Пожилые джентльмены в клубных пиджаках с обязательным шелковым платком в нагрудном кармане. Дамы около шестидесяти – «Жаклин Кеннеди стайл», нитка жемчуга... Никто громко не смеялся, не жестикулировал. Кира всегда посмеивалась над такой приверженностью классике и манерам, но сейчас это выглядело даже трогательно – вымирающий вид, цепляющийся за старое. Так же трогательно, как и остальные вымирающие виды животных.

Кира заметила Жака еще с улицы, он приближался легкой для своего возраста и комплекции пружинящей походкой. «Вот что значит добровольный отказ от автомобиля», – подумала Кира. Жак вошел, она помахала ему. Он сел, заказал себе пива, сложил руки в замок на столе и пристально посмотрел на Киру. В его взгляде светилось доброе любопытство. Он едва заметно кивнул, как бы говоря: «Ну, в чем дело?»

– Надо признаться, даже не знаю, с чего начать.

Кира потупила глаза.

– Ну же, мисс Кира, вы ведь не на свидание меня пригласили. Иначе я бы выбрал более подходящее место.

– Почему же, это место как раз очень подходящее в этом плане... Но нет, я просто хотела задать вам несколько вопросов. И хотела бы, чтобы этот разговор остался между нами. Я знаю, что могу вам доверять.

– Да, конечно. Спрашивайте.

– Господин Мерме, вот представьте, что вы работаете или дружите с выдающимся человеком. Порядочным, благодетельным. Вы очарованы им, все вокруг очарованы им. Все встают под его знамена. И тут вы узнаете, что на самом деле он беспринципный делец, который использует благое дело для того, чтобы прикрывать свои темные делишки. И знаете об этом только вы. Вернее, догадываетесь...

– Ну, во-первых, меня это совсем не удивило бы, поскольку происходит сплошь и рядом. Особенно во время выборов. А во-вторых, что вам такого стало известно о мистере Гринберге, чего мы еще не читали в желтой прессе?

– Но я не имела в виду его! – воскликнула Кира громче общего шума ресторана.

– А кого же? – лукаво покосился на нее Жак. – Кира, вы же хотели взрослого разговора?

– Да, хотела...

– Ну так не ходите вокруг да около!

В голосе Жака послышалась нетерпеливость, которая сразу сделала его моложе даже внешне. Он закурил сигару, не обращая внимания на запреты. Официант двинулся было к нему, но Жак лениво поднял руку, и этого оказалось достаточно, чтобы тот остановился. Кира удивленно вскинула брови.

– Даже в моем возрасте иногда хочется похулиганить, – заговорщически шепнул Жак уголком рта. – Не беспокойтесь, это заведение моего старинного друга. – И добавил, уже совсем развеселившись: – Он заплатит за меня штраф.

Кира улыбнулась. Ее приятно удивляло настроение Жака, его внутренний покой, который так разнился с тем отчаявшимся стариком, каким она видела его в предыдущий раз. Но все же выложить все полностью и сразу она не решалась.

– Ну?!

– Ну да, конечно, я говорю о нем. Ничего нового я не узнала, ничего конкретного. Просто... уф... в последнее время я узнаю все больше и больше людей, которые его ненавидят. И... ммм... не хотят сотрудничать только потому, что он у руля. А выслушивать все это вынуждена я... Трудно сопротивляться и каждый раз отмываться от этой грязи, оставаясь непоколебимой. Вот я и пытаюсь понять, есть ли у этих домыслов основания. Ведь бесосновательно испытывать такую сильную антипатию невозможно. Поймите, я даже не собираюсь его осуждать. Если он уходит от уплаты налогов, я даже бровью не поведу. Может, даже порадуюсь тому, как он ловко облапошил государство. Но, с другой стороны, он для меня всегда был чем-то вроде путеводной звезды – даже еще до того, как я с ним познакомилась лично. Неприятно, когда на твоём идеале появляются грязные пятна. Возможно, поэтому то, что я могу легко простить другим, ему я простить не смогу.

– Вы слишком задрали планку.

– Да, согласна. Но иначе я бы не приехала в Лондон. Вы же знаете, я здесь не ради денег.

– Знаю, знаю...

– И даже если он такой злодей... Что о нем пишут? Что он бабник, что уклоняется от налогов, что слишком выпячивает напоказ свое «я», что нескромен. Однако он компенсирует эти свои, скажем, недостатки другой продуктивной деятельностью. Иначе он был бы слишком идеален. Даже нереален. А так – обычный человек, со своими пороками, которые, тем не менее, не мешают ему созидать. Может, все именно так? – Кире искренне хотелось верить в эту версию.

– В чем же вопрос, мисс Кира?

– Теперь уже и не знаю, – тихо и смиренно выдохнула она.

– Я вам скажу, в чем...

– Нет, подождите! Вопрос в том, стоит ли продолжать делать то, что делаю я, надеясь на успех – не свой, а нашего общего дела. Какой смысл мне было менять город, сферу деятельности, если я и там, и здесь гоняюсь за ложными идеалами?

– Идеалы неложные. Методы их достижения, я бы сказал...

– Это неважно.

– Ну, что я могу вам сказать. Дэвид так же заразил меня своими идеями, как и вас. Вы знаете, что я уже не собирался ни работать, ни решать какие-то серьезные задачи. Но я все еще с ним. И пока вы либо кто-то другой не предоставили мне неопровержимые доказательства того, что он аферист, я предпочитаю верить ему. Что и вам советую. – Последняя фраза была произнесена так твердо, что последующие вопросы отпали сами собой. – Тем более, что верить больше некому.

Кира сделала последнюю неловкую попытку:

– Значит, вам тоже достоверно ничего не известно?

– Нет. Пойдемте, мисс Кира, пройдемся.

Кира и Мерме быстро шагали вдоль улицы и, пройдя несколькими уютными переулками, вышли к его подъезду. По дороге Жак рассказывал о своем детстве, о войне, о том, что самое страшное, что ему пришлось пережить, – это голод. А Кира в это время думала, что слишком благополучна для того, чтобы быть выдающейся. Она чуть ли не упрекала родителей за свое безоблачное детство.

Распроставшись с Жаком, Кира пошла еще быстрее, чеканя слова внутреннего монолога под ритм шагов. Она не услышала ответа на свой вопрос, зато нашла его в себе. По сути, у нее не было выбора. Продолжать работать в том же ритме она не могла. Уволиться, вернуться в Москву, словно на машине времени, почти на год назад, к статьям о часах и бриллиантах, к съемной квартире, кошкам и Максиму, к подъему в 11 утра и ненависти к себе с 11 до 20.00?.. Это требовало даже больше душевных сил, чем остаться. Нужно было признаться самой себе в собственной несостоятельности, взять на себя ответственность за проигрыш. Как ни парадоксально, но ее детективная игра была сейчас самым простым вариантом, требующим наименьшей концентрации сил. Значит, оставалось только одно – продолжать свою маленькую войну. Тем более, что в таких комфортных условиях она превращалась в сплошное удовольствие.

* * *

Через несколько дней Кира поняла, что ненавязчивые, как ей казалось, разговоры и невзначай брошенные вопросы бесполезны. Единственное, что мог сказать Филипп, когда Кира спросила, верит ли он боссу, – это то, что он «классный чувак, разрешил взять отпуск не в свое время». Диана и Елена вообще, похоже, были в него влюблены. На этом с расспросами было покончено. Пару раз Кира заходила в кабинет бухгалтера в разгар рабочего дня и, болтая ни о чем, наблюдала из-за спины менеджера за тем, что творится на экране. Но даже если ей удалось бы самой сесть за компьютер, она бы там ничего не поняла. Больше попыток играть в Шерлока Кира не предпринимала. Работа стала тяготить ее. Повторяющиеся фразы из одного интервью в другое, из пресс-релиза на страницы газет и сайтов о том, что они делают все возможное для безоблачного будущего, вызывали у нее лишь злобную, ироничную усмешку.

Пару вечеров Кира посвятила детальному изучению писем Марка, заставивших ее превратиться в параноика. Теперь с такой же старательностью она стала выискивать ошибки там. Однако эта старательность лишь окончательно подтвердила: Давид был одним из самых беспринципных людей, которые ей когда-либо встречались. Она ходила по комнате взад-вперед и беспомощно возмущалась: «Ну ладно, будь злодеем. Но оставайся тогда им до конца! Или прикрывайся нормальностью. А добывать и так подорванную планету, строить из себя борца за экологию... Зачем?!»

* * *

В середине августа Кира зашла в кабинет для собраний раньше остальных. Обойдя вокруг большой стол, остановилась у окна, поглазела на микрожизнь, суетившуюся на улице, и села на свое привычное место. Ей вновь захотелось уехать, взять отгул или отпуск, поэтому после собрания она намеревалась поговорить с боссом.

Вошел Давид. Обычно он всегда был первым, поэтому слегка удивился, увидев Киру. К тому моменту она уже не так остро переживала известную только ей одну правду. Спокойно жила с ней, как в любой другой неприятной ситуации, с которой ничего не поделаешь.

Поздоровавшись, Кира решительно сказала:

– У меня к вам небольшая просьба, мистер Гринберг. Можно будет с вами поговорить после собрания?

– Надо же! У меня тоже есть просьба. И тоже небольшая. Правда, я могу ее озвучить прямо сейчас, – и, не дождавшись ответа, добавил: – Поужинаем?

– Я... я... – Кира запнулась. – Наверное, я не смогу.

Произнося эти слова, она словно наблюдала за собой со стороны. Время растянулось, каждый слог звучал целую вечность, а ей хотелось остановиться и крикнуть: «Нет, не то, не то...» Но и соглашаться тоже не хотелось.

– Жаль, – Давид отвел глаза. Он явно не ожидал отказа, тем более, столь незамедлительного. – Очень жаль. Кира, я никогда не предлагаю дважды. Но, если передумаешь, буду очень рад.

В этот момент в переговорную вошли Стивен, который молчаливо присутствовал на всех собраниях и переговорах, хотя никакого отношения к компании не имел, и Подсолнух, всегда очень дружелюбно настроенный к Кире и, вероятнее всего, влюбленный в нее, но издалека. Остальные заходили практически один за другим, словно ожидая до этого за дверью.

Совещались долго и нудно. Ни один вопрос напрямую не касался Кириной компетенции, поэтому она позволила себе не слушать. Постепенно Кира впала в протрацию, звуки обтекали ее, как горная река обтекает камни, окружающее обволокло туманом, оставив в фокусе лишь босса. Давид сидел во главе стола, уставившись в документы. ореол успеха никогда не покидал его. Казалось, он наслаждается и этим кабинетом, где он – хозяин, и восхищением людей вокруг, и своим костюмом, сидящим на нем даже слишком хорошо. Его сила была в том, что он никогда не воспринимал это как должное. Давиду было чуть-чуть за сорок, он воплощал собой мечту любого мужчины о карьере и власти и любой женщины о таком мужчине рядом с собой.

Кира вдруг поняла, что, если она найдет в этом идеальном образе червоточину и обнаружит ее, она не только найдет себе новый повод для разочарования в людях, но и уничтожит глупую мечту миллионов людей о спасителе, который всю черную работу сделает за них. Да, они перестанут доверять фондам, не будут рассчитывать на благотворительные программы, но, возможно, станут хоть что-то делать самостоятельно, без оглядки на доброго дядю или мудрого правителя. Крестьянин, посадивший лес в пустыне, вновь напомнил о себе, и у Киры мгновенно вырисовался четкий план действий. Туман рассеялся, голоса стали отчетливыми, она выпрямилась, подалась вперед и стала с нетерпением ждать окончания совещания. Не дождавшись, пока все выйдут, решительно подошла к Гринбергу и сказала извиняющимся и одновременно кокетливым, вкрадчивым голосом:

– Я уже передумала.

– Однако! Удивить меня два раза за столь короткий промежуток времени еще никому не удавалось.

– Стараюсь!

– Да-а... – протянул Давид снисходительно. – Женщины... Ну, хорошо. Поговорим об этом чуть позже. Так о чем вы хотели спросить по окончании совещания?

– Уже ни о чем. Так, ерунда.

К концу рабочего дня Кира получила сообщение: «Как насчет того, чтобы я заехал за тобой в восемь?» «Отлично», – ответила она.

Босс приехал даже раньше. Кира села в машину, и «тесла» бесшумно покатила в центр. Кире тоже захотелось стать молчаливой машиной. Впрочем, в дороге они и правда не разговаривали. Вне офиса это было непривычно, даже темы не находилось.

Шум и духота ресторана явно указывали на то, что это новомодное место. С Давидом здоровался чуть ли не весь персонал, а на Киру глядели с нескрываемым любопытством. Она приняла вызов. Расправила плечи и напустила на себя равнодушно-презрительный вид.

За маленькими квадратными столиками, которые стояли слишком тесно, тут и там можно было увидеть селебрити и их свиту. Они подходили друг к другу поздороваться, кричали «хэллоу» через весь зал, сбивались в кучки, сдвигая столы, или прятались по двое в кирпичных нишах.

В ответ на очередное приветствие Давид слегка кивал головой и одаривал окликнувшего улыбкой, которая моментально исчезала, стоило ему отвернуться. Никаких фамильярностей! Кире это заведение напомнило Москву, она расслабилась и повеселела. К тому же была благодарна боссу за то, что он не привел ее в какое-нибудь романтическое местечко со столиком на двоих в полутемном помещении.

– Скольких девушек ты сюда водил? – спросила она и тут же пожалела.

– Ну, во-первых, я не привык считать женщин. А во-вторых, какое это имеет значение? Я обыкновенный мужчина, ты сногшибательная девушка – и баста.

– Скорее, наоборот.

Кира неожиданно для себя покраснела.

В этот момент подошел сомелье.

– Как насчет «Sassicaia»? – спросил Давид у Киры, у которой знакомое слово сразу отозвалось образом кипарисовой аллеи в тосканской Болгери, как будто на старой нечеткой фотографии. Она была приятно удивлена.

– Конечно, откуда ты узнал?

– Что ты любишь «Sassicaia»?

– Да.

– Почувствовал.

Разговор сразу оживился – о вине и об Италии Кира могла говорить вечно, эта тема спасала разговор даже с самым занудным собеседником. Потом они говорили о путешествиях, о машинах, снова об Италии, о том, как тяжело эмигрантам в Лондоне, и о том, что они тоже эмигранты, но необычные. «Sassicaia» способствовала тому, что разговор затих лишь ближе к полуночи.

Выйдя на улицу, они немного постояли у машины, наслаждаясь прохладой.

– Сейчас что-то покажу! – по-мальчишески хвастливо сказал Давид.

Он открыл капот машины, и Кира обнаружила, что там ничего нет. Пусто. Ни мотора, ни кучи непонятных трубок и проводков. Только место для сумок. Она слегка подалась вперед, чтобы все рассмотреть, и тут Давид обнял ее сзади. Уверено отодвинув волосы, стал целовать ее шею и плечи. Выждав несколько секунд, она развернулась к нему.

Он не спрашивал, куда ехать, просто двинулся, куда считал нужным. Кира ментально отрезвела и стала вновь оценивать Гринберга с точки зрения своей главной цели.

Единственное, что она сказала, когда они подъехали к его апартаментам:

– Можно, завтра я приеду на работу попозже?

Давид засмеялся и притянул ее к себе:

– Я тебя обожаю.

«Гнездо» было современным и консервативным одновременно, благодаря тяжелым дубовым стеллажам и витринам да светлой мебели из углепластика. На противоположной от окна стене расположилась такая же зеленая панель, как и в офисе, а между витринами висела огромная черно-белая фотография: тихая морская гладь, возвышающаяся над ней нефтяная платформа со струйкой дыма, правее – «отряд» ветряных мельниц. Давид спокойно стоял и ждал, пока Кира осмотрится.

– Лаконично и очень идейно, – сказала она, кивнув в сторону репродукции. – И даже красиво. Но, скорее всего, фотошоп.

– Ты единственная, кто сделал такое предположение.

– Слишком утопически. Разве это все может мирно сосуществовать?

– Нет, – коротко ответил он, явно не желая продолжать тему, и приблизился к Кире вплотную. – Это всего лишь фантазия художника. Но она очень хорошо вписывается в концепцию всего, что я делаю.

– Концепция баланса или концепция получения выгоды от обоих объектов?

Давид на секунду отстранился и замер.

– Ты на самом деле хочешь поговорить сейчас об этом?

– Нет, – хихикнула она, – извини.

* * *

Кире было хорошо с Давидом. По-настоящему хорошо. Иногда ей хотелось вырвать из своей головы все, что она узнала про него, и просто наслаждаться романом с мужчиной. Она чаще стала думать, что было бы, если б она ничего не знала. Она, конечно же, не смогла бы устоять перед ним, он так же привел бы ее в свой дом. Так же передвигался на цыпочках утром, чтобы не разбудить Киру. Они так же хохотали бы над дурацкими шутками и над тем, что думают их коллеги, когда и шеф, и пиар-директор не пришли с утра, а потом явились с разницей в десять минут. Все было бы точно так же, не считая того, что Кира, вероятно, была бы счастлива. Порой она начинала искренне ненавидеть Марка и Женю. Кто их вообще просил?! И часто размышляла о том, что же лучше – знание или информационная слепота. Ведь, по сути, от обладания неприятной информацией ничего не меняется, только становится нервнее жить.

Да, вероятно, она была бы счастлива, потому что начиная с того вечера Давид делал все возможное для этого. А Кира молила его не торопиться. «Я и не тороплюсь, – отвечал он, – просто стараюсь сделать своей женщине приятное». При словах «своей женщине» Киру передергивало. Неожиданно для нее Давид быстро погрузился в эти отношения и потянул ее за собой.

Через две недели Кира осталась у Давида на все выходные. Накануне они вдвоем составили целую программу. Поедем туда, посмотрим то... но из дома вышли лишь в восемь вечера, чтобы поужинать в теперь уже «их» месте. Все остальное время спали, так тесно прижавшись друг к другу, что, казалось, слились в одно существо. Это был даже не сон, а какая-то сладкая трясина, полусознательная дрема, из которой не хотелось возвращаться. Впервые в жизни Кира наслаждалася

таким, на первый взгляд, простым, общедоступным и обесцененным действием, как сон. Сон в обнимку с Давидом перестал быть «потерей времени», как она, по своему обыкновению, всегда считала, и превратился в источник удовольствия. Ей даже хотелось быстрее покончить с ужином, с сексом, залезть под одеяло, схватить его в охапку и заснуть.

– Знаешь, – сказала она ему тихо в кафе, – даже обидно немного. Я на тебя всегда смотрела снизу вверх. И даже когда задирала голову, чтобы поближе приглядеться, свет от твоего нимба слепил глаза.

Давид был явно польщен.

– А почему обидно? Нимба на самом деле не оказалось?

– Не совсем так. Ты оказался обыкновенным мужчиной. – Кира тут же поправилась: – Нет. Необыкновенным, поразительным, достойным восхищения, но ты был как будто только духом, а оказалось, что у тебя еще есть и плоть. И утром ты такой же растрепанный и сонный, как все, чистишь зубы, рассматриваешь себя в зеркало. Так же, как все мужчины, бесконечно тыкаешь по кнопкам пульта от телевизора и беспомощно спрашиваешь, что надеть.

Все это время Давид держал Кирину руку в своей, а теперь взял обе и поднес к своим губам, медленно целуя ее кулачки.

– Ты бы хотела, чтоб я оставался духом?

– Нет, теперь мне подавай все: и плоть, и дух. И душу.

– Это и так уже все твое.

Кира не нашлась, что ответить, просто пристально посмотрела ему в глаза и почувствовала благодарный отклик.

* * *

В офисе, судя по всему, никто не догадывался. В Москве тем более. Максим все еще продолжал быть ее официальной второй половинкой, хотя фактически не был уже даже десятой ее частью. В сообщениях Кира не переставала приписывать в конце «лю», но уже как-то механически.

С Давидом Кира была искренне нежна и ласкова. Даже больше, чем с кем-нибудь до него, как будто заранее стараясь искупить вину за то, что собиралась сделать.

Через месяц после начала их романа выдались четыре дня праздников, и Давид предложил куда-нибудь вместе съездить. Кира вольна была указать любую точку на карте мира, но выбор неизменно пал на Италию. На этот раз – Тоскану. Давид лишь пожал плечами.

– Мне все равно, где держать тебя за руку, – сказал он. – Представляешь, мне первый раз за много лет придется все бронировать самому.

– Ничего страшного. Мы, простые смертные, до сих пор используем для этого букинг.

– Может, я все-таки по старинке попрошу об этом секретаршу?

– Нет уж, давай без сумасбродства. По этому вопросу твоей секретаршей могу быть я.

Кира как раз домыла бокалы и тарелки от ужина, подошла к Давиду, сидящему к ней спиной, и обняла его сзади. В профиль его густые, чуть рыжие ресницы казались еще длиннее, а выгоревшие кончики образовывали тот самый ореол лучиков, который так пленил ее с самого начала. Иногда Кира вообще ничего не замечала в его облике, в лице и фигуре, кроме ресниц, и могла неотрывно смотреть, как он моргает.

– Ты знаешь, мне очень нравится, как ты делаешь одну вещь, – произнесла она, стараясь заинтересовать Давида.

– Ммм-ммм... Я могу сделать это еще много раз, пойдём!

Он тут же отложил планшет и буквально стащил Киру через диван к себе на колени. Сквозь смех и поцелуи Кира сказала:

– Какой же ты пошлый! Мне очень нравится, как ты моргаешь!

Давид приподнял и сдвинул брови, пытаясь понять, как можно моргнуть по-особенному.

– Это как?

– Ты моргаешь медленно, томно. А когда ты говоришь о чем-то, что вызывает энтузиазм, твои глаза начинают буквально светиться.

– Ты такая милая, моя Кира.

Давид был так тронут, как будто никто раньше не делал ему комплиментов. Хотя очевидно, что это не так.

– А теперь давай поиграем в босса и секретаршу. На, бронируй нам что-нибудь, – и он протянул ей планшет.

Кира замерла. Он никогда не расставался со своей «игрушкой», и она была уверена, что там находятся все ключи от потайных дверей. Много раз она косилась на планшет, когда Давид был в душе и оставлял его на виду. Брала его в руки, вертела, смотрела на свое тусклое отражение и с яростью, но аккуратно опускала обратно.

Кира взяла протянутый планшет, включила и, будто впервые наткнувшись на страницу с паролем, протянула его обратно.

– А, ну да! – машинально произнес «босс», и тут сердце Киры забило так гулко, как часы с маятником в пустом зале.

Давид спокойно, не отворачиваясь, набрал пароль. Она едва сдержала стон облегчения. Снова взяла планшет и стала выполнять привычный набор действий, стараясь как можно чаще и непринужденней консультироваться с ним по поводу выбора отеля.

* * *

Через неделю они уже катили по трассе Рим – Монте-Арджентарио. По обеим сторонам дороги тянулись поля подсолнухов или уже убранные золотые холмы с разбросанными по ним аккуратными и плотными рулончиками сена, кипарисовые стены и старые каменные домики. Кира решила отложить развязку еще ненадолго. «В конце концов, – думала она, – я тоже имею право на свой кусок счастья, пусть даже такой червивый. Причем червь – это я сама, выедающая куски сочного плода, оставляя в нем уродливые рытвины». И у нее получилось. Получилось быть счастливой каждую секунду этих четырех дней.

Через час основная магистраль сузилась до одной полосы, пересекла узкий песчаный перешеек, отделяющий полуостров от материка, и резко пошла в гору.

– Мы точно в Италии? – спросил Давид, поскольку дорога сузилась до такой степени, что на ней едва могли разъехаться две машины, а покрытие больше напоминало российскую глубинку. Благо, на дороге они больше никого не встречали.

Кира только пожала плечами:

– Если что, не убивай меня за этот отель.

Вскоре показалась развилка. Полуасфальтированная дорожка шла левее и вверх, а вниз и вправо под большим углом уходило что-то наподобие широкой тропинки. Навигатор упорствовал и показывал только вправо.

– М-да... Давно у меня не было таких приключений. Ну что, штурман, доверимся технологиям или здравому смыслу? Мне кажется, отеля там точно быть не может.

– Мне тоже, – замешкавшись, ответила Кира. – Никогда не доверяла навигаторам.

Взяли левее.

– Знаешь, а мне тут нравится.

Они ехали очень медленно, с открытыми окнами. Хотя наступила осень, было жарко. Земля и пинии были пропитаны солнцем и щедро делились своим благоуханием. Щебет птиц и треск цикад сливались в единую, приятную уху какафонию. И несмотря на этот гам и шелест колес по гравии, вокруг было очень тихо.

– Ты же хотел уединенное место. Вот, пожалуйста.

Кира начинала нервничать, поэтому смеялась и шутила особенно старательно.

– Да уж, работа выполнена на десять из десяти. Настолько уединенное, что хрен его найдешь, – сказал Давид незлобно.

Покружив по дорожкам еще полчаса, они решили все же вернуться и свернуть на тропинку, указанную навигатором. Перед спуском, немного притормозив, Давид и Кира обменялись взглядами, как старые напарники, и машина нырнула в живой туннель, образованный кустами олеандра. Оба удивленно озирались вокруг, словно попав в другое измерение. Вскоре на пути стали появляться редкие домики и виллы за железными воротами, потом они неожиданно выскочили на крохотную ухоженную площадь, которая после почти дикой природы казалась здесь инородным телом. Вход в отель был как раз с этой площади.

– Ура! – закричали они одновременно и кинулись обниматься, точно путешественники-экстремалы, вернувшиеся из далекой экспедиции.

– Я как будто вернулась на мгновение в детство! – восторженно затараторила Кира. – Такое же ощущение безопасности и в то же время приключений. Ты когда-нибудь играл в казаки-разбойники?

Кира обернулась к Давиду и резко замолчала, поймав его безотрывный взгляд. Он был полон такой нескрываемой нежности, что Кира растерялась.

– Играл, – ответил он.

– В смысле?

– Что в смысле?

– Играл во что?

– Ты же сама спросила. Я ответил. В казаки-разбойники...

– А, ну да. Извини. Задумалась.

– О чем?

– О том, как же здесь хорошо! – откликнулась Кира и выпорхнула из машины.

К ужину они вышли тогда, когда все остальные его почти закончили. Несмотря на то что отель был маленьким, в ресторане, судя по всему, не было отбоя от посетителей – просто гостям больше некуда было идти, так что взмыленные официанты проявили откровенное равнодушие к прибытию новых посетителей.

– Наверное, отсюда открывается потрясающий вид, – сказала Кира, когда они сели.

И правда, всю остальную Италию вместе с ее сверкающей лазурью, с аллеями под зонтиками пиний, с монументальной роскошью и миниатюрной обшарпанностью – всю ее как будто выключили. Накинули черное бархатное покрывало, как на клетку с канарейкой – чтоб не отвлекала жизнерадостным щебетом от главного. Да что уж Италию! Казалось, отключили весь мир, обесточили космос, оставив в крошечной тьме лишь маленький пятачок веранды. Свет от фонарей по ее периметру словно упирался в невидимые стены и поэтому не распространялся вокруг.

освещающая только столы с белоснежными скатертями и посетителей, склонившихся друг к другу в разговоре полупшепотом.

Кира поделилась с Давидом своими наблюдениями.

– Ты красиво мыслишь, Кирюша. Но если ты и дальше продолжишь размышлять, а не есть, мы точно останемся одни во Вселенной. Смотри, все уже разошлись, остались лишь мы вдвоем и официанты, которые нас за это ненавидят.

Кира огляделась. И правда, в ресторане почти никого не осталось.

– Давай их еще немного помучаем. Мне не хочется отсюда уходить.

Она снова взяла свой бокал, и мысли опять потекли плавным потоком. Давид ее не торопил, тоже погрузившись в созерцание темноты.

– Знаешь, я подумала... Ты для меня, как эта веранда, – сконцентрированный свет, а вокруг то, что даже не хочется видеть.

Давид откинулся в кресле, приготовившись слушать продолжение.

– И не надо так удивленно на меня смотреть. Ты сегодня спал после долгой дороги, а я сидела и смотрела на тебя. Ты лежал на белой постели, в комнате с белыми стенами и мебелью. Прямо как нарисованный на белом листе бумаги. Тут все черное. А ты, наоборот, был весь в белом, но это не суть важно... Я в детстве рисовала таких принцев, ну почти таких, а потом вырезала ножницами по контуру. Аккуратно-аккуратно, каждый миллиметровый пальчик, чуть ли не каждый волосок... И я вдруг подумала, а что если взять тебя и вырвать из твоего окружения, образа жизни, очистить от прошлого, оставить только такого, как ты есть сейчас, – твой облик, характер, манеру вести себя и рассуждать... Оставить все без изменений, но только тебя одного, тогда я могла бы любить так, как никто никого никогда не любил.

Кира замолчала, ожидая, что глаза Давида засверкают, как обычно, когда он польщен. Но тот сдвинул брови и, искоса посмотрев на нее, возмущенно промямлил:

– А чем тебе не нравится мое окружение, и какое такое прошлое, от которого меня нужно «очищать»?

Кира забегала глазами по столу, по ограде веранды, подняла их к звездам, словно ища подсказки.

– Нет, мне все нравится. Это я так... Образно. Забудь.

– Хм. Но ведь что-то мешает тебе меня любить? Что?

– Ничего. Дэйв, мы знаем друг друга всего-то месяц. Я имею в виду, близко знаем. О какой такой любви может идти речь?

– Не знаю. Ты затеяла этот разговор.

– Да, извини. Меня в какие-то дебри занесло.

– Нет уж, подожди. Если у тебя такие мысли, давай объясню кое-что. Возможно, мне и в самом деле есть от чего отмываться. Если уж на то пошло, я уверен, и тебе тоже. Каждому из нас. Но я не просто хожу, пряча и маскируя ошибки прошлого, я-то как раз отмываюсь. Каждый день отскребаю их. Не знаю, сколько еще слоев грязи мне предстоит снять, но я, по крайней мере, осознаю это и хоть что-то предпринимаю. Ты лучше, чем кто-либо другой, знаешь, чем я занимаюсь. Разве этого недостаточно?

Кира молчала. Нравоучительный, жесткий тон Гринберга заставил ее опустить глаза.

– И вообще, не пойму, откуда в тебе это? Наслушалась сплетен про меня?

В этот момент Кире так захотелось все ему рассказать, сбросить с себя тяжкий груз. Ей вдруг подумалось, что он обязательно поймет. И что тут не понять?! Это же так просто: ей рассказали то, во что она сначала поверила, а потом верить отказалась. Но все же что-то удержало ее.

- Да, ты знаешь, много чего говорят. Но ты прав – зачем вообще слушать этот вздор, если можно получить информацию из первых уст.
- Вот именно. Спрашивай у меня.
- Хорошо. Пойдем, устроим длинное интервью.

* * *

Кира цеплялась за каждое ощущение, раскладывала его по составляющим: запах нагретого асфальта, смешанного с морским бризом, слепящее солнце, проби вающееся через шторку на лобовом стекле, и стройные полосы теней на дороге; вкус бальзамического уксуса, мурашки по коже от вечерней прохлады, горячее дыхание по ночам. Потом она вновь собирала ингредиенты в целую картинку. И эта картинка казалась непереносимо слащавой, приторно красивой, поэтому ей больше нравилось проживать ее по частям.

Но больше всего Кира впитывала Давида. Она научилась различать малейшие перепады его настроения. Он мог не говорить, но она уже знала, что он голоден, или устал, или просто хочет помолчать. Она дивилась его дурашливости, когда он стучал в двери соседних номеров и убегал, как мальчишка. Но больше всего она любила тихо сидеть и смотреть на него, пока он был занят разговорами по телефону. Где-то в глубине души Кира уже призналась себе, что план не удался и она по уши влюблена. Но отступить от намеченной цели уже не могла.

Валяясь в шезлонге возле бассейна, Кира сквозь стрекот цикад сказала:

- Я, похоже, превзошла всех долбанных психологов мира.
- И?
- Я нашла формулу счастья. Знаешь, какая? Ты не насладишься им, не зная точную дату его окончания. То есть по-настоящему приблизиться к абсолюту счастья можно лишь в том случае, когда точно знаешь, что оно скоро закончится. Тогда ты, по крайней мере, будешь стараться прожить его на все сто процентов.

– Не согласен. Наоборот, это мешает – будет держать в напряжении, не давать расслабиться. Ты заранее начнешь сожалеть о том, что не можешь его продлить.

- Да, но иначе люди не ценят момента.
- Может, и так. Но тогда нужна недюжинная выдержка. И вообще, с чего ты об этом задумалась? Ты счастлива?
- Однозначно, да! – Кира притянула Давида к себе и поцеловала в плечо.
- Значит, согласно твоей концепции, ты точно знаешь, что твое счастье скоро закончится?

- Ну вот что ты цепляешься к словам. Я же сказала, это просто теория.
- Мне кажется, или тебя что-то гнетет?
- Почему ты так решил?

Кира старалась напустить на себя непринужденный вид.

– Потому что в твоих разговорах о счастье кроется несчастье, а в разговорах о любви – неудовлетворенность. Ты как будто что-то хочешь сказать, но потом останавливаешься. И мне это не нравится!

Кира прикусила губу. Она на самом деле как будто провоцировала его. Своими вкрадчивыми разговорами как будто молила: «Ну догадайся уже». Ведь сказать прямо не хватало смелости, а держать в себе не хватало сил. «Надо заканчивать эту историю», – подумала она и перевела разговор в иное русло.

– Давай по-другому. Если бы люди знали дату своей смерти, не проживали бы они свою жизнь более насыщенно? Уж на всякую ерунду типа «Фейсбука» точно бы ее не тратили.

– Это иллюзия, Кира. Мы и так знаем, что умрем. Конечно, не настолько точно – без указания года и числа, но ведь знаем же. И это не мешает нам тратить время впустую.

– Люди неисправимы...

– Да. Для тебя это новость?

– Нет, но я тоже неисправима. Я неисправимо верю в хорошее, в добро.

– Добро?

– Да.

– Мало того, я думаю, добро – это как раз единственная вещь, которая может повлиять на то, что мы считаем безнадежным. Добро, помощь, работа на благо других или, если даже других не брать в расчет, просто ежедневное осознанное «не навреди» – это как мощнейший наркотик. Сделав лишь раз, подсядешь на всю жизнь, не сможешь без этого, понимаешь?

Давид кивнул и пересел на ее шезлонг.

– И выбора никакого не останется: либо ты продолжаешь делать – и это единственный способ почувствовать удовлетворение, либо будешь жить как ни в чем не бывало, но нереализованная жажда делать добро... Она будет сочиться из тебя по капле, будет ныть, как застарелая рана. А ты не будешь понимать, откуда эта боль, откуда потеря интереса к жизни, почему работа не приносит удовольствия. Понимаешь?

Давид опять кивнул.

– По-моему, не понимаешь.

– Почему же, Кира. Очень даже понимаю. Просто это слишком... поэтически, что ли. Жизнь сложнее.

– Ну вот у тебя разве не так?

– Подожди обо мне. Тогда, соответственно, людям нужно как-то попробовать эту первую «дозу» добра, чтобы «подсесть».

– Фу, звучит ужасно, – скривилась Кира.

– Это твои термины – не мои. Но возможно ли насильно привить добро? Насилие противоречит самой его сути.

– А почему бы и нет? Например, вместо каких-нибудь исправительных работ направлять женщин, которые сидят за правонарушения, работать в детские дома, играть с детьми. Мужчин – в хосписы, тушить пожары, чистить берега озер. Пусть делают то, что делают волонтеры в приютах для животных.

Кира приподнялась с откинутой спинки, вытянулась в струнку.

– Давид, я была в этих приютах. Даже видеть больно. И, как ни стыдно в этом признаться, приходится сначала преодолевать брезгливость и отвращение. И к себе тоже. Но, походив туда с месяц, ты уже не сможешь не прийти. По крайней мере, не сумеешь сделать нарочно больно ни одному живому существу. Вот как нужно лечить души, а не сажать в клетки. Хотя при чем здесь преступники. Прежде всего, это касается обычных людей. И кстати...

Кирина речь становилась все оживленней, зрачки расширились от возбуждения

– ...вот что нужно делать в идеале. С первого класса во всех школах мира нужно ввести новый предмет. Назовем его «доброведение». Да! А еще – практическую экологию, чтобы на ней занимались не той тоскливой зубрежкой, какой приходилось заниматься нам, а живую показывали детям, до чего мы довели планету, пусть даже это их пугает и расстраивает. Пускай выезжают на берега рек, берут пробы воды, пусть смотрят фильмы о том, как такие же детишки в Африке не могут себе позволить истратить две лишние капли. Пусть знают, что любая выброшенная техника на свалке убивает людей...

Тут она особенно пристально посмотрела на Давида, но никакой особой реакции на его лице не заметила.

– Я уверена, дети с открытыми душами по-настоящему впечатлятся, все это запишется им в подсознание, и потом вырастет целое поколение других людей. Лучше нас. А на «доброведении» пусть тоже ездят в приюты и хосписы, в дома престарелых. Через «не хочу». Пусть собирают пожертвования, организуют благотворительные акции. Пусть все это будет строго, с оценками. Как обязательная вакцинация против равнодушия. Между прочим, я уверена, что тюрьмы опустеют, когда вырастет это поколение.

Кира торжественно завершила свою речь с ощущением прорыва и триумфа.

– Звучит великолепно. Так же, как легендарное выступление Бендера про Новые Васюки...

Давид снисходительно и покровительственно хихикнул.

– Разве это звучит нелепо? Утопически? Ведь ты, по сути, занимаешься тем же. Только пытаешься повлиять на поколение, отравленное эгоизмом и потреблядством. Направь часть своей энергии на детей. Это окупится быстрее.

– Это не окупится никак.

– Все ясно – бизнес, бизнес, бизнес!

– А как ты хотела. Да, бизнес. Но специфический. Если угодно, то в первую очередь я бизнесмен, а во вторую – романтик, но не наоборот. Если б было наоборот, ты бы сейчас не сидела со мной на шезлонге с мягким матрасиком, не заказывала по вечерам «Минт» и не летала бы по первой прихоти бизнес-классом. А я бы просиживал штаны каким-нибудь менеджером по продажам в магазине сотовых телефонов. Зато, мать его, был бы романтиком с ног до головы.

Кира молчала.

– Поэтому я и говорю, Кирочка, что жизнь намного сложнее.

Подождав несколько секунд ее ответной реплики и заметив, что Кира накалена до предела, Давид продолжил:

– Не расстраивайся. Я не хотел сказать, что твои идеи плохие. Нет. Мне очень понравилось твое «доброведение». Но это, скорее, не ко мне. Это для политиков, для тех, кто жаждет попасть во власть и может использовать это в кампании на выборах. Или в качестве программы партии, к примеру.

– Но я не хочу, чтобы это использовали как инструмент пиар-кампании. Я эту сферу знаю лучше, чем кто-либо, не забывай. Нет, мне нужны истинная вера и желание воплотить эту идею в жизнь.

– При большом желании можно найти таких людей. Кирочка, милая, конечно, я тебе помогу, но только не жди, что это будет основным родом моей деятельности.

– Да я и не жду. Это был просто поток мыслей вслух. Не факт, что я непременно хочу все это осуществить. Я вообще лишь теории умею хорошо выдвигать. Помнишь, как с кино?

– Да, помню.

– Я тогда тоже чувствовала себя окрыленной. Наверное, так же себя чувствуют ученые или писатели, когда вплотную приближаются к открытию той тайны, над которой бились годами. Это поистине великое чувство. – Кира вздохнула. – Но я никогда не умела осуществлять задуманное. Или бросала на полпути.

– Я помогу тебе.

– Как?

– Как минимум, буду каждый день напоминать.

– Я тебя заранее за это ненавижу!

Кира шутливо сморщила гримасу, но отчетливо поняла, что он на самом деле поможет, откликнется на любую просьбу. Кира чувствовала, что Гринберг – ее счастливый билет, который поможет реализовать все ее мечты, но ради него ей придется совершить грязную сделку с совестью. Каждый раз, когда она об этом думала, перед ней предстали образы Жени и Марка, которые, обнявшись, с укоризной и отворачиванием неподвижно смотрели на нее. Как с семейного портрета. Кира злилась, ненавидела их в такие моменты. Забывала, зачем она настаивала на том разговоре мысленно обвиняла их в том, что они заставляют ее делать выбор, любой из вариантов которого для нее равносителен трагедии. Она пугалась невольных мыслей, но они вновь нашептывали: «Я хочу, чтоб они исчезли, чтобы их не было»... Женя, которая всегда для Киры была отдельным миром, теперь навсегда слилась с образом Марка. Кира понимала, как только они узнают о ее связи с Гринбергом, укоризна и отращивание, поселившиеся в ее воображении, станут реальностью, и Женю она потеряет. Когда ее внутреннее напряжение достигло критической точки, противоположные мысли начали брать вверх. Кира убеждала себя, что может быть счастлива с Давидом, даже если он и подонок. Даже если у него в прошлом были грехи и даже если грехи настоящего еще тяжелей. Что ею должны двигать только поиски своего личного счастья. И вообще, какого черта осуждение друзей важнее ее собственной совести! Хотя на этот раз друзья и совесть были заодно.

Последний разговор с Давидом еще больше пошатнул веру в правильности ее действий. Она часто вспоминала совет Натальи Алексеевны, но сейчас ощущала в нем только желание проучить, отомстить за всех – теперь Кира не хотела видеть в этом мудрости, смелости, только безоглядную, глупую упертость. Не правильнее ли было бы наслаждаться отношениями с Давидом и на основе его империи построить свою – ту, которую сама Кира смогла бы назвать идеальной. Будет ли большая польза от того, что она разоблачит мошенника, или от того, что она воспользуется его авторитетом, а заодно и его любовью? И в каком случае она будет больше уважать себя?

* * *

Тем вечером Кира поехала к себе домой, хотя уже почти отвыкла там бывать. Включила компьютер и налила себе большую кружку чая, предвкушая длинный разговор. «Скайп» забулькал, и на экране вскоре появилась мама, уже сонная, в привычной домашней одежде, которую носила последние лет пять, если не больше. Кира знала наперед все ее движения и их последовательность. Сначала она поправляла камеру и начинала говорить, потом, опомнившись, надевала наушники. Фраза «привет, заяц!» тоже всегда оставалась неизменной. Кира находила во всем этом особое удовольствие. В глубине души она ненавидела любые перемены в своей турбулентной жизни. Оксанина стабильность была тем редким моментом, за который хотелось уцепиться и который придавал Кире сил.

Кира не сразу ответила на мамино приветствие. Слова застряли в горле, ей жгуче захотелось разреветься. Несколько секунд она сидела с закрытыми глазами, сплывая нарастающий комок в горле.

– Ну что опять стряслось?

– Сейчас, – выдохнула она. – Подожди секунду.

Ей удалось совладать с собой, и она выдала Оксане все, что должна была сказать намного раньше. Мама сосредоточенно слушала.

– Скажи мне вот что. Как Давид относится конкретно к тебе? – спросила она в конце Кириных признаний.

– Знаешь, может, это звучит самонадеянно, но мне кажется, он меня любит.

– М-м... – Оксана многозначительно промычала, собираясь с мыслями и смотря мимо Киры куда-то в пространство. – В психологии есть так называемый «эффект Сократа», то есть каким бы умным ни был человек – а ты, безусловно, умная, – он не может объективно проанализировать ситуацию, находясь в ней. Если короче, то со стороны виднее.

– И?

– И... ты сильно драматизируешь. В твоей ситуации драмы нет вообще. Есть только выбор, но, мне кажется, ты его уже сделала в пользу своего ненаглядного шефа. По мне, это единственно верный выбор.

– Что-то мне, мам, страшновато.

– Ну и зря. Если тебе страшно, нужно делать наоборот, потому что страх – самый плохой советчик. Люди повинуются страху, чтобы избежать опасности. Но быть трусом – это и есть самая большая опасность. У трусов никогда не сбываются мечты, они никогда не бывают счастливы. Они могут только выживать. Чего ты больше всего боишься – осуждения?

– Нет... Наверное, нет. А что, если это все же правда?

– Может быть, и правда. Но тебя же ничего не смущало, когда ты работала в Думе. Помнишь, ты мне рассказывала, как один депутат не попал в очередной созыв и ушел в частный бизнес, а потом жаловался тебе, что хочет вернуться на государственную должность, поскольку там хоть воровать можно. Тебя не смущает, что сам Марк не пошел в открытую против Давида, тихо отсиживается в сытой Женеве, а твоими руками хочет вершить правосудие? Попросту подставляет тебя. И Женю, видимо, не сильно заботит, чем для тебя обернется эта история.

– Да, мам, я злюсь на обоих. Только понять не могла, откуда во мне эти чувства.

– Вот видишь! Доченька, делай так, чтобы тебе было комфортно. Делай все, чтобы быть счастливой. Какие-то там разоблачения счастья тебе точно не принесут. И ты правильно говоришь, что Гринберг откроет перед тобой возможности, которые раньше были недоступны.

– Это звучит меркантильно.

– Поиск лучшего исхода ситуации – это не меркантильность. Иначе можно назвать меркантильным каждого спортсмена, бьющегося за победу.

– А Макс?

– Ну что Макс... Я с самого начала знала...

– Да-да, – перебила ее Кира, – что мы не будем вместе. Ты это уже говорила Много раз.

– Именно.

– Боже, мам, какое облегчение. Я будто проснулась после какого-то кошмарного сна или выздоровела после тяжелой болезни.

После того как они попрощались, Кира еще долго пребывала в таком благодушном состоянии, в каком давно не была. «Сейчас бы Давид не усомнился в искренности моей улыбки», – подумала Кира, проходя мимо зеркала, и тут же отправила ему «спокойной ночи» с кучей влюбленных смайликов.

ГЛАВА IX

«Вот это меня бросает из стороны в сторону! То презираю, то подозреваю, то люблю до умопомрачения», – думала Кира с каким-то задором, пакуя последнюю коробку. Когда все вещи были уже в машине – всего-то два чемодана и две небольшие картонные коробки, Кира поднялась наверх, чтобы проверить, не забыто

ли что-нибудь. Окинув взглядом безжизненное пространство, она буркнула под нос «ну и слава богу» и навсегда выкинула из головы это не полюбившееся ей жилище. Так, быстро, без раздумий, она переехала к Давиду на следующий же день после того, как он ей это предложил.

Кира стала осторожнее с ним. Тщательнее подбирала слова, чтобы не обидеть и не дать повода для двусмысленных толкований. Вернее, она сама называла это осторожностью, хотя все влюбленные на свете зовут это заботой.

Давид не давал ей глубоко погрузиться в мысли о чем бы то ни было, кроме него самого. После переезда они практически перестали выходить по вечерам из дома – заказывали ужины с доставкой, а все свободное время проводили или лежа в обнимку на кровати, или сидя за ноутбуками, тоже как можно ближе друг к другу.

Уютное, сытое, безопасное настоящее вытеснило все тревожные мысли о прошлом Давида. Прижав свои вечно холодные ступни к его ногам, чтобы забрать себе немного тепла, Кира чувствовала, что ей плевать, кем он был раньше, чем занимался тогда и что делает сейчас. Разомлевшая, она все больше напоминала упитанную тигрицу в клетке, которая равнодушно и с презрением смотрит на мир, оставшийся снаружи.

Женя писала Кире каждый день. Она тоже уже больше месяца осваивала новую женевскую клетку. Если прежде она с гордостью и энтузиазмом делилась тем, как выступала на юридической конференции, или тем, какую крупную сделку помогла повернуть клиенту, то теперь с таким же лихорадочным возбуждением и неизменным юмором рассказывала, как можно пожарить омлет десятью различными способами. Для нее это было сложнее, чем свести киприотов с парижанами и провести сделку через офшор.

– Пока я это делаю с удовольствием. Но черт знает, на сколько меня хватит.

– Я думаю, хватит надолго. Во-первых, помимо омлетов, на свете существуют миллионы других блюд.

– Да! И каждое из них можно приготовить десятью разными способами!

– Да! Итого – десять миллионов. К тому же от домашних обязанностей начинаешь тошнить тех женщин, которых готовили к этому с детства. В итоге к двадцати пяти им уже все по горло, а настоящую профессию осваивать поздно, да и лень. А у тебя наоборот. Считаешь, ты в свой тридцатник начала осваивать новую профессию, и до момента, когда она тебе осточертеет, еще очень далеко. Вот рецепт счастья: никакой готовки до тридцати!

Женя зашлась своим характерным бархатным смехом.

– Мне тоже есть чем похвастаться. Мы уже почти одолели всю программу «доброведения», подробно, по каждому уроку.

– Вау! Это шикарно, Кириш! Ты молодец.

– Спасибо! Все оказалось легче, чем я думала. Я настраивалась на работу длиною в год. Думала, что придется стучаться в десятки закрытых дверей, но все так быстро и легко закрутилось... Еще четыре месяца назад я и не подозревала, что буду этим заниматься, а сейчас чувствую – это проект всей моей жизни... И класс для отработки нам уже выделили.

Кира готова была перейти к подробностям о том, как Гринберг договорился с министром образования через общих друзей, как оплатил работу трех психологов, методиста и ассистента и как заботливо ограждал ее от перегрузок на основной работе. Но, закусив губу, она остановилась. Женя вглядывалась в монитор, наблюдая за смятением на Кирином лице.

– Как у тебя все так легко получается?

– Мне помогает босс, – сказала Кира правду, не открывая правды.

– М-м... понятно. Хорошо. Плюсик ему за это.

– О-о-о, вот это да! Раз он заслужил плюсик даже от тебя, значит, не такой уж он злодей! – воскликнула Кира.

– Да нет, дело не в том, злодей он или нет... Ты знаешь, я тщательно отбираю свое окружение, потому что считаю, что оно влияет на нас. Гадкие люди и нас делают хуже.

– А ты посмотри на ситуацию с другой стороны, – Кира попыталась скрыть раздражение, говоря мягким, вкрадчивым тоном. – Может быть, это гадкие люди выбирают в свое окружение хороших, чтобы те повлияли на них в лучшую сторону. Не сами, конечно, выбирают. Провидение сводит их вместе. А уж что победит – гадкость или порядочность – зависит от конкретной частной силы каждого. Так что не надо отталкивать, прятаться от порочных людей. Может, ты – это их единственный шанс стать другим, шанс поменять свои минусы на плюс.

Видно было, что Женя не ожидала такой формулировки. Неожиданность мысли смягчила ее позицию.

Кира продолжала:

– Поэтому в последнее время эта аксиома «позитивной психологии» мне не нравится: окружай себя правильными людьми... бла-бла-бла... Фигня все это! Вращивай свою силу, чтобы в любом окружении быть лучшей копией себя.

– Не у всех есть такая сила.

– Да, но мы говорим конкретно о нас. А мы знаем, что мы суперсилачки!

– Да! Еще какие! – Женя напрягла тоненькую ручонку без намека на бицепс.

– Жень, я должна тебе кое-что рассказать. Пообещай не делать скоропалительных выводов.

– Ладно.

– Так, я быстро, без предисловий... Я встречаюсь с Давидом, – бросила Кира будто словесной гранатой.

Женя смотрела куда-то вбок, то ли избегая взгляда прямо в глаза, то ли раздумывая, как реагировать на новость. Не переводя взора, она спросила:

– Давно?

– Несколько месяцев.

– Ты боялась мне сказать?

– Да. Я же знаю, насколько тебе это все не понравится. Я думала, между мной и им все быстро закончится... Соответственно, сначала не стала говорить, так как это просто не стоило разговоров. Но потом все затянулось, перешло в нечто большее, и дальше скрывать смысла нет.

Кира хитрила, подбирая слова, которые оправдывали ее. Да и не могла сказать она всей правды хотя бы потому, что сама не понимала, где она. Поэтому сочинила самую подходящую под момент версию и сама в нее поверила.

Она также знала, что Женя, в силу своей воспитанности, не будет говорить прямо, что она идиотка, как сделала бы, например, Марина. Женя могла вежливо, с улыбкой попрощаться, а потом незаметно исчезнуть, гордясь тем, что осталась верна своим принципам. А принцип диктовал ей исключить из своей жизни любого человека, не соответствующего высшему стандарту благочестия. Так и произошло. На Кирины приветствия Женя отвечала все суше, от разговоров по «скайпу» отказывалась под всевозможными предлогами. И сама не проявляла никакой инициативы к общению. Обе подруги понимали, что является причиной, но больше никто об этом не заговорил. В конце концов Кире надоело стучаться в закрытые двери, и Женя исчезла так же тихо, как и Макс.

Кира частенько думала о том, что меньше чем за полгода из ее жизни ушли два самых близких ей человека. Именно те, кто должен был шагать с ней до конца рука об руку. Но на освободившееся место пришел другой, заполнивший его с лихвой.

* * *

Через пять месяцев после поездки в Италию Гринбергу предстояло лететь в Дубай на конференцию по изменению климата. Кира должна была и так следовать за ним в меру рабочих обязанностей. Но летела больше для того, чтобы поваляться вместе с ним на пляже.

В самолете она держала его за руку, а сама смотрела в иллюминатор почти все время полета. Облака внизу были такими, какие она любила больше всего – на редкость пушистыми, округлыми, вздымающимися тут и там белоснежными громадами. В детстве Кире часто снились сны, в которых она перепрыгивала с одного такого облака на другое, словно на батуте. Видно было, что внизу, на земле, от таких облаков благодать. Они позволяли и освежиться в тени, и выйти под согревающие лучи солнца.

– Знаешь, когда я особенно ярко осознала, что дороже нашей планеты и ее так сказать «здоровья» у нас ничего нет?

– Когда? – голос Давида звучал расслабленно и задумчиво. Он тоже был глубоко погружен в свои мысли.

– В планетарии. Там есть макет, который позволяет наглядно представить размеры планет, Солнца. Только там понятно, какая Земля крошечная и как мы одиноки. Мы совсем-совсем одни! Вокруг нас громадная, непостижимая пустота, и нам некуда бежать. Зачем нам унылый, враждебный Марс? Там нет таких облаков. Нет шума волн, набегающих на прибрежную гальку, нет снежных шапок гор. Одна безжизненная пустыня. Людям действительно хочется жить там безвылазно под искусственным стеклянным куполом? Добровольно загнать себя в клетку? Нет, лучше навести порядок у себя дома, здесь.

Давид ничего не отвечал, дрейфуя в прострации. Казалось, он даже не моргал.

– Мы все идиоты, Дэйв. Безмозглые, бессердечные и, главное, безвольные тупицы.

– Это точно, – выдохнул Давид. – Знаешь, Кира, – как будто нехотя продолжил он, – ты первая из тех, кого я встречал, кто так хочет что-то изменить, но так мало для этого делает.

– Мало??! – Кира удивленно вскинула брови, мгновенно оторвавшись от иллюминатора.

– Или, может, ты слишком много об этом говоришь.

– Что за наезд, Дэйв?

– Почему сразу наезд?

Он засмеялся искренне и громко, как смеются над несмысленным ребенком-проказником, поерзал в кресле, собравшись и выпрямив спину.

– С твоим отношением ко всему этому тебе нужно идти в политику. Партию создать, вещать с трибун, а не редактировать интервью старого мудака.

– Ты меня удивляешь. Хочешь сказать, что я делаю бесполезную работу?

– Ты не на том заостряешь внимание. Я просто имел в виду, что твоих переживаний хватило бы на десятерых, но они не находят выхода.

– Ты не прав. С тобой я стала намного спокойнее. Впервые в жизни чувствую, что на правильном пути, что наконец-то полезна. И смогу сделать еще больше, если ты будешь так же меня поддерживать.

Кира всегда знала, когда нужно польстить мужчине, а сейчас это было особенно легко, потому что она искренне в свои слова верила.

– Ты молодец, Кирюша.

Давид вновь начал погружаться в оцепенение, но Кира остановила его на полпути.

– Я вчера прочитала про переход Дубая к зеленой энергетике. Очередная профанация. И главное, заявляют о ней с такой гордостью, будто в действительности спасают мир.

– Что конкретно?

– Что к 2020 году около семи процентов электроэнергии в Дубае будет вырабатываться из альтернативных источников. Семь процентов – ого-го! А еще через черти сколько лет – целых двадцать пять процентов. К тому времени всем на это будет уже наплевать.

– В Дубае ничего не делается без бизнес-плана. Предполагаю, у этой программы хорошая деловая составляющая, вот и все.

– А ты зачем в это ввязываешься?

– Стоимость реализации проекта – 27 миллиардов долларов. Почему бы и не ввязаться, я ведь прежде всего бизнесмен.

– Ясно.

– Что ясно? Твое «ясно» звучит как приговор.

– Просто мне не нравится беспринципность.

– Господи, Кира! Ты так говоришь, будто я собираюсь торговать оружием или наркотиками. Пойми, не может быть в этом мире чистого альтруизма, без примеси финансовой выгоды. Особенно в мире больших денег. Когда компания вырастает до крупного международного бизнеса, ты в каком-то роде оказываешься у нее в услужении. Компания – это живой организм, который нужно кормить. Но ест она только деньги. Знаешь, каким будет самый эффективный бизнес будущего? Тот, который способен помогать людям готовиться к климатическим изменениям и выживать. Рынок люкса уйдет, потому что все затраты будут приходиться на продукты питания, воду, жилье. На этом можно будет заработать миллиарды, но это не умаляет заслуг того бизнесмена, который станет этим заниматься. Это не значит, что он беспринципный делец. Может, я тоже этим займусь, если не выгорит то, чем мы занимаемся сейчас... А вообще арабы молодцы! – заключил Давид.

– Это почему же?

– Ну посмотри, какие здесь мегаполисы, какой комфорт, красота, средоточие ближневосточного бизнеса, инфраструктура. И все это за двадцать лет в агрессивной, безжизненной пустыне!

– В том-то и дело, что в пустыне. Стоит два раза не полить их драгоценные пальмы или не расчистить трассы от песка, все моментально исчезнет. Вся эта цивилизация – искусственно поддерживаемый мираж.

– Я не про это. Я про нацию. Если уж им удалось построить такое в пустыне, то что было бы, если б они обитали на плодородных землях, в комфортном климате.

– А я тебе скажу, что было бы... – съязвила Кира, сморщив нос. – Ничего не было бы. Родись они где-нибудь в Средиземноморье, до сих пор бы ловили рыбу старыми сетями и доили верблюдов. Только нефть позволила им выйти на другой уровень, а не жажда развиваться.

– Хм... ты права, маленькая злыдня.

– Еще какая! Не знаю... Дубай мне, с одной стороны, очень нравится. Там чувствуется пульс жизни. Он похож на Вавилон, там работают и живут люди множе-

ства наций, все общаются, и атмосфера приятная. И роскошь радует глаз, что уж отрицать: красивые машины, наряды, украшения... Эх, я просто конформистка, – с неподдельной горечью выдавила она из себя. – Сидя в дорогом ресторане в красивых кожаных туфлях, очень удобно переживать за животных и избочить систему, которой сама принадлежишь.

* * *

Круглые столы и интервью заняли у них весь первый день, зато последующие четыре Кира с Давидом были предоставлены сами себе и с головой окунулись в суетную, избыточную жизнь Дубая.

После обеда они пошли на пляж. Вместо того чтобы присесть на шезлонг, Кира легла на песок, на живот, раскинула кругом руки. «Это я не просто лежу, – тихо с улыбкой сказала она Давиду, поймав его удивленный взгляд, – это я обнимаю планету. Просто мои объятия очень маленькие».

Вечером Кира почти так же лежала на Давиде, обнимая его так крепко, как могла. Уткнувшись ему в шею, она дрейфовала в полусне. Давид смотрел документальный фильм на планшете. Он всегда смотрел одно и то же – фильм ВВС «Опасное знание», как он говорил, «идеальное снотворное». Кира подшучивала над ним, потому что Давид всегда начинал смотреть его с самого начала, пытался сосредоточиться, но непременно засыпал примерно на середине фильма. Вот и сейчас она почувствовала, как его дыхание стало глубже, а тело под ней за секунду расслабилось, стало мягче и горячее. Кира любила этот момент и иногда специально ждала его, получая особое удовольствие от того, что ему с ней спокойно и комфортно.

Голос за кадром продолжал монотонно бубнить, Кире пришлось встать и дотянуться до планшета, чтобы выключить его. Нажав на «стоп», она замешкалась: ее, казалось бы, навсегда заснувшие подозрения снова дали о себе знать. Посидев минуту неподвижно, едва дыша, она еще раз взглянула на Давида. Он перевернулся на другой бок, с головой залез под одеяло и громко сопел. Успокоив себя тем, что никто на ее месте не устоял бы перед соблазном, она вышла из «Ютуба» и стала просматривать почту. Ничего особенного – обычная рабочая скукота. В папках документов только уставные бумаги, которые она читать не стала, зато перефотографировала на свой телефон. Разочаровавшись и успокоившись, Кира уже готова была отложить планшет, как в последний момент увидела иконку интернет-банкинга, а внутри – несколько выставленных счетов и перечислений в холдинг Давида от «MaxOil», крупнейшей английской нефтяной компании, владельцем которой Оскар Джером был известен своей агрессивной манерой работы.

Как в замедленной съемке, Кира листала страницы, одновременно наблюдая за своими руками: они тряслись так, что планшет буквально ходил ходуном. «А ведь раньше я думала, что только плохие актрисы играют так чрезвычайное волнение», – с каким-то отстраненным удивлением подумала она, глядя на свой нешуточный тремор как бы со стороны.

Пересняв на телефон обнаруженные платежи, Кира осторожно положила планшет на тумбочку рядом с Давидом и выключила свет. Обняв его, почти сразу же отстранилась, потому что подумала, насколько, должно быть, неприятны ее холодные и мокрые ладони. «На самом деле это еще ничего не значит», – пыталась убедить себя Кира только для того, чтобы провалиться в забытье. Ей удалось это только под утро.

* * *

Хрупкий, как первый осенний лед, сон раскололся, как только Давид стал ворочаться, готовясь к пробуждению. Кира лежала с закрытыми глазами, сильно сожмурившись, будто сопротивляясь наступившему дню. Она боялась открыть глаза, словно ресницы могли легко смахнуть безмятежное прошлое и оставить тревожное, непонятное настоящее. Так и лежала, прислушиваясь к аккуратному топанию босых ног – Давид явно старался ее не разбудить, к плеску воды в душе и тихому энергичному посвистыванию. Каждое утро ее любовника было похоже на разогрев гоночной машины перед стартом – он наливался азартом, с каждой минутой повышая свой запал. Только пожив с ним, Кира поняла, откуда при встрече с Давидом появлялось ощущение детскости. Ошибочным было думать, что дело в его внешности. Нет, просто лишь неугомонные пацанята-оторвы могли сравниться с ним по уровню бурлящей в них энергии.

Кира все же заставила себя открыть глаза и сесть на кровати. Все было смутно, туманно. Она как будто очнулась от комы, с трудом вспоминая, что было до этого. Да и вспоминать не хотелось. Просто болела голова. Просто плохое настроение. Просто не выспалась.

Давид не сразу заметил, что Кира не в духе, – только после того, как обратился к ней пару раз, а она неохотно пробубнила в ответ что-то невнятное.

– Мисс Куприна плохо спала? – поинтересовался он, по-отцовски нежно обняв ее.

– Да, что-то не то съела, наверное. Или последний кофе был лишним.

Единственное, чего ей сейчас хотелось, – это остаться одной. Но Давид, наоборот, в этот день был непомерно ласков. Ему казалось, что поцелуй и объятия могут стереть с Кириного лица гримасу недовольства и не по-утреннему серьезный взгляд.

Кира поняла, что, если продолжит в том же духе, объяснение неизбежно. Она собрала все свои силы, чтобы изменить выражение лица и сделать голос помягче. Внутри же все продолжало разрастаться в гулкую черную мглу.

Спустились к завтраку. Терраса была застеклена и декорирована искусственно состаренными медными прутьями, которые сходились кверху изящно изогнутым куполом. Все это было похоже на гигантскую птичью клетку.

– Красиво! – сказала Кира.

– Да, только я чувствую себя здесь павлином.

– Ха! Я тоже об этом подумала. Что мы словно птицы здесь. Вот и утренний корм подали.

– Надеюсь, по-канареечьи петь не заставят?

– Представляешь, если б закрыли тебя здесь на всю жизнь. Поставили для красоты пластмассовые растения в горшках. Корм давали бы два раза в день. Один и тот же на протяжении всей жизни.

– И червячков на день рождения...

– Да... И червячков... И ноги подрезали, чтоб далеко не упрыгал.

– Я на все готов, если меня закроют в клетке с такой самочкой, как ты.

Давид медленно прошелся по ней взглядом с ног до головы и одобрительно, самодовольно кивнул. Кира улыбнулась и тоже посмотрела на него протяжно, но уже без раздражения. Посмотрела отстраненно, как будто впервые. Очевидно, что он ей врал. Но врал не только ей. Он сделал свой выбор задолго до их встречи, и у него наверняка были веские причины для этого. «Но ведь он хороший. Хороший!» – твердила про себя Кира, глядя прямо в его глаза, а он, казалось, очень заинтересовался тем, что происходит в голове у его подруги. «Он же явно не по-

лучает удовольствия от того, что вынужден врать любимой женщине. Будь это его выбор, он сказал бы мне все... Или я опять пытаюсь оправдать его перед собой?»

– Такое ощущение, что ты сейчас готовишься к выступлению перед народом, – прервал Гринберг ее размышления.

– Не перед народом. Перед тобой. Что, согласишься, важнее.

Оправдательный монолог удался, и Кира еще больше смягчилась и отошла от мрачных мыслей.

– Соглашусь.

Все остальное время они завтракали молча, а потом сразу отправились «жонглировать миллионами» – так Гринберг называл переговоры или подписание контрактов. Киру он попросил подождать в холле. Нервно поерзав в кресле минуты три, она вышла на открытую площадку, где раньше, по всей видимости, было кафе, но столы и стулья теперь собраны в углу и закрыты пленкой. Растения в кадках без полива за пару дней засохли, а парапет покрылся толстым слоем пыли и песка. «Вот что будет с Дубаем, если отключить его от электричества хоть на чуть-чуть», – подумала Кира, пока набирала знакомый номер телефона.

– Привет, Филипп! Как дела? Хорошо? – второпях заговорила она. – Послушай, у меня к тебе просьба.

– Какая?

– Какая-какая... Возмездная, конечно. С тобой же по-другому нельзя.

– Не-е-е, нельзя, – довольно протянул Филипп. – Ну так что?

– После работы, как придешь домой, сядь и собери мне всю информацию на Оскара Джерома. Сделай такое же досье, какое мы обычно готовим для журналистов, только расширенное. Мне не нужны украшения. Это для меня лично, так что с текстом не старайся. Пофиг, как изложено и в какой последовательности, главное – достоверно. Понял?

– Понял.

– Еще подготовь список всех дочерних компаний под его личным подчинением или на подставных лиц. Фонды... всё-всё-всё. Ближайший круг друзей... Посмотри, в каких банках обслуживаются его фирмы, есть ли у них налоговые льготы и почему.

– Ох... Может, сразу в Скотланд-Ярд с такими вопросами?

– Филипп, я знаю – ты можешь. Твоих друзей-хакеров я тоже отблагодарю, если понадобится их помощь.

– Окей, окей.

– Ну, вроде бы все. Только, пожалуйста, не на работе. Отправишь все из дома на мой личный мэйл. С меня три дня отгула, когда захочешь.

– Четыре.

– Засранец! Я сказала, три.

– Окей, три так три.

– Все, давай! Вернись послезавтра. Все должно быть готово. Пока.

* * *

К удивлению самой Киры, находка в планшете Давида никак не повлияла на ее отношение к нему. Она все так же щедро отдавала ему свою ласку и ненасытно принимала его. Вероятно, попросту привыкла ежедневно проживать с ним приятные моменты, деля их со смутными подозрениями, а их количество и интенсивность уже не играли большого значения. К тому же для нее, как и для большинства женщин, отношение мужчины лично к ней играло куда большую роль, чем его отношения с остальным, внешним миром. Кира даже не переставала восхи-

щаться Гринбергом. Его смелыми, здравыми суждениями о политике, экономике. Он смотрел вглубь, в то время как остальные скользили по поверхности, и Кира тоже страстно хотелось проникнуть в эту глубину. Не политическую, конечно, а личную.

Приземлившись в Хитроу и выключив режим полета, Кира тут же обнаружила несколько пропущенных звонков от Филиппа. В висках сразу же застучало от волнения. Новый звонок последовал через секунду.

Филипп без приветствия проорал:

– Кира, мы принадлежим Оскару! Как это? Как это возможно?! А наш шеф – это так, менеджер среднего пошиба.

– Ага, хорошо. Понятно.

– Не можешь говорить?

– Да.

– Ясно. Ну, смотри файл. Я в шоке! Пока.

– Пока.

Кира вдогонку отправила: «Никому не говори!!!»

– Кто это был? – спросил Давид.

Обычно он никогда не спрашивал, и это напугало Киру.

– Филипп. Хотел отпроситься.

– Ты разрешила?

– Пока не решила.

– М-м...

За день до возвращения Кира начала разыгрывать насморк и больное горло. А по прилете вообще «затемпературила». Мужчину в такой ситуации легко обвести вокруг пальца – достаточно свернуться клубочком под пледом у него на коленях и напустить на себя страдальческий вид.

– Нет-нет, дорогой, зачем доктор. Все в порядке. Пару дней – и я на ногах. Чертовы кондиционеры!

– Хорошо. Постараюсь пораньше освободиться. А ты лежи. Пусть Эмма будет здесь и ухаживает за тобой.

– Окей. Не торопись. Делай свои дела и не беспокойся.

Как только дверь за Давидом захлопнулась, горничная Эмма была отправлена домой, а Кира уже с нетерпением ждала, когда загрузится компьютер.

Филипп явно торопился, сбрасывая в вордовский файл все подряд без разбора: пятнадцать страниц мелким шрифтом без пробелов и отступлений, вперемешку со ссылками и цифрами. Родился, школа... с отличием окончил университет. И потом красным шрифтом: «учился вместе с Давидом Гринбергом».

Кира сидела перед компьютером не шевелясь и чувствовала, как у нее и в самом деле поднимается температура.

Больше Давид нигде не упоминался. Далее шел длинный список полностью и частично контролируемых Оскаром компаний. На девятом месте красным жирным шрифтом значился какой-то фонд инноваций, благотворительная деятельность которого, как уже Кира догадалась, позволяла уводить из-под налогов миллионы фунтов. Она сравнила банковские счета, которые сфотографировала с планшета, с теми, что прислал Филипп. Все сходилось. Оскар переводил из нефтяного траста огромные суммы, а фонд их «осваивал».

Кира медленно кивала головой, словно поддакивая компьютеру. Из глубины души поднималось бессильное, холодное отчаяние, переходящее в злорадство. «Ведь ты сама этого хотела!» – Кира опять кивнула самой себе. Злорадство сменилось смирением, смирение – яростью. Неконтролируемые чувства бушевали в ней с

такой силой, что она не решалась встать из-за стола. Физическое тело было просто не в состоянии взять контроль над эмоциональной стихией, пока Кира не перевела взгляд на часы. Был уже шестой час, Давид должен был скоро вернуться. Кира вскочила и заметалась по комнате, пытаясь пробиться к разуму сквозь смерч гадких чувств, который закручивался в тугий вихрь где-то в районе груди. Единственной осознанной мыслью было то, что она не должна видеть Давида и ей нужно уйти прямо сейчас. Но куда? Требовалось придумать оправдание. Но какое? Внезапно выздороветь? У нее здесь нет ни друзей, ни семьи, только пустая квартира...

Казалось, стрелки часов назло прибавили ход – было уже почти шесть вечера. Пока Кира продолжала размышлять, ноги инстинктивно несли в гардеробную, где стоял ее маленький чемодан, еще даже не разобранный с прошлой поездки. Кое-как побросав туда вещи, Кира вызвала такси и забронировала билет до Москвы. Прямого рейса на ближайшее время не было. «Через Ригу так через Ригу»... На клочке бумаги она начиркала: «Потом все объясню. Не ищи меня, со мной все в порядке».

«Несуразно как-то, – подумала она. – Надо переписать». Но не стала. «И я еще переживаю, чтобы ему не было слишком больно. Урод!» – Кира выругалась со всей экспрессией, на какую была способна, взглянула еще раз на черно-белое фото нефтяных вышек, смысл которого лишь теперь стал ей понятен, и с силой захлопнула за собой дверь.

Выйдя из такси в аэропорту, Кира выдохнула, будто только что была на миллиметр от смертельной опасности, но чудом уцелела. Она предполагала, что Давид, скорее всего, послушается и начнет писать и звонить, но пока телефон молчал. Пройдя паспортный контроль, она набрала Филиппа.

– Привет! – послышался глухой голос в трубке.

Кира сразу поняла, что Фил так же, как и она, вовсе не счастлив от того, что ему пришлось узнать.

– Прости, что втянула тебя в это. Но я даже предположить не могла, что дело обстоит именно так.

– Да уж... Веришь, я всю ночь не спал из-за этого. Хотя, казалось бы, какое мне дело. Ты сама как?

– Не знаю... Паршиво, если честно.

– Понимаю.

– Послушай, Фил, я пропаду на несколько дней. Надо собраться с мыслями. Знаю, ты меня не подведешь: не говори никому ничего. Если будут спрашивать обо мне, ты тоже ничего не знаешь. Вроде как я на больничном, но ты не уверен... Придумаешь, в общем, что-нибудь.

– Окей.

– Хорошо.

Оба замолчали.

– На самом деле ничего ужасного ведь не случилось... – Филипп попытался утешить Киру, но тут же осекся.

– Ладно, давай, Фил. На связи...

– Пока.

Кира отключила телефон.

* * *

У мамы было хорошо и уютно. Пахло родным: свежим бельем, маминым кремом для лица и жареной картошкой. Кира сидела с телефоном в руках и думала: «Вот что контролирует мою жизнь, заставляет жить на нереальной скорости».

Раньше, чтобы принять решение, люди размышляли целыми днями, им приходилось ждать письма или весточки с другого конца света неделями. Может, поэтому необдуманных решений было меньше, а взвешенных больше. Сейчас же два часа не на связи – и тебя чуть ли не объявляют пропавшим без вести. Не ответил сразу – тормоз. Если долго размышляешь над чем-то, значит, не шагаешь в ногу со временем...»

Тем не менее, решение Кира приняла и была уверена в том, что оно единственно верное. Результат этого решения светился перед ней на экране компьютера.

По пути в Москву она вспоминала слова Натальи Алексеевны и противоположные им слова Оксаны. Вспомнила вдохновенную речь Марка. В конце концов в этом гомоне голосов стал пробиваться один – тот, который превращал обычную пиарщицу в амазонку, в Жанну д'Арк, в мать Терезу – всех вместе взятых. Этот был ее собственный голос – голос обиженной воительницы, жаждущей справедливости и мести. Все ее нежные чувства побледнели, ссохлись, пошли трещинами. В тот момент ей захотелось доказать всему миру, что она способна на смелый, отчаянно смелый поступок. «Борьба, – говорила она себе, – это все же не сажать в одиночку деревья в пустыне. Борьба должна быть шумной, громогласной, чтобы от нее расходились волны гнева, чтобы люди ее слышали».

Кира ощущала себя мышкой, способной довести до инфаркта огромного слона. С таким чувством она села писать статью, разоблачающую Гринберга и его нефтяного друга.

Вдохновение не понадобилось. Писалось так легко, как редко бывает в жизни. Даже цифры, которые обычно трудно давались ее филологическому мозгу, на этот раз послушно строились и занимали свои изобличающие места в тексте. Кира даже не стала перечитывать. Как только была поставлена последняя точка, тут же набрала Константина Чуракова. Тот был удивлен, услышав ее голос: все в Москве знали, что Кира надолго увязла в Лондоне. Услышав ее просьбу, он удивился еще больше, но тут же закалка матерого редактора подсказала ему, что значит такой материал для его издания, и от возбуждения он чуть не запрыгал на стуле.

– Ты отдаешь себе отчет, что это означает для тебя? – спросил он с заботой в голосе.

– Да, вполне.

– Тогда хочу тебя предупредить еще раз: если Гринберг решит оспаривать информацию, то подавать в суд он будет на тебя лично – не на газету. Редакция снимает с себя ответственность... и бла-бла-бла. Помнишь?

Кира заколебалась:

– Хм. Я как-то об этом не подумала.

– А стоило бы подумать в первую очередь. Источники у тебя надежные?

– Надежнее некуда.

– Хорошо. Ну? Публикуем в пятничном номере?

– Публикуем!

– Отлично. Жду материал! Счастливо!

– Угу, сейчас отправлю.

До выхода номера оставалось два с половиной дня. Хорошо бы заснуть на все это время и проснуться через неделю.

Давид звонил ей несколько раз, отправлял сообщения с просьбой объясниться, но Кире хватило силы воли не ответить. Она перечитывала светящиеся окошки на экране, однако даже не открывала сообщения. Чем дольше она молчала, тем невозможнее становился разговор. Это молчание было полно самобичевания за то, что уехала так неожиданно, за нехватку выдержки. При всей своей обиде, Кира

понимала, что предала его. А еще она боялась, ибо бесцеремонно и как-то по-детски неуклюже вторглась в мир, где ошибок не прощают. Чем чаще вспыхивал экран телефона новым сообщением, тем страшнее ей становилось.

Она практически не спала уже третьи сутки. Посмотрев на себя в зеркало в четверг утром, Кира увидела похудевшее, осунувшееся лицо. Контрастно серое по сравнению с пробивающимися через окно желтыми солнечными зайчиками. Глаза были потухшими, хотя внутри ее всю лихорадило. «Что-то зеркало души барахлит», – недовольно прошептала Кира. Натянув все те же джинсы и кеды в которых впопыхах убежала из Лондона, она вышла в зоомагазин за кошачьим кормом, иначе мамыны питомцы не оставили бы ее в покое.

Утро было чудесное, прозрачное, свежее. Редкое утро для мегаполиса. Такая разреженность воздуха, обостряющая краски и очертания, свойственна, скорее, высоким снежным горам в безоблачный полдень. Кира почувствовала себя лучше, пятиминутная прогулка стерла серость с ее лица. По дороге назад поболтала с Мариной. После ее язвительных историй, которые всегда были полны чересчур откровенного юмора, Киру еще больше отпустило. «Спасибо. Иногда шутки ниже пояса работают лучше часа психоанализа», – сказала она Марине вместо прощания и, подойдя к подъезду, вздрогнула. На детских качелях, покачиваясь, сидел Давид.

– Привет, Кира, – спокойно, без всякого выражения поздоровался он.

Даже издали было видно, что он подавлен. Голубые глаза не светились энергией, как обычно, а сливались с серым пальто. Если б он не раскачивался, можно было подумать, что это серое каменное изваяние. Ресницы больше не казались лучиками, расхोdivшимися во все стороны. Даже отдававшие рыжиной волосы поблекли. В нем не осталось ничего мальчишеского – одна усталость.

Кира почувствовала, как ее глаза мгновенно наполнились слезами. И тут же поняла, что не сможет их спрятать. Не сможет убежать, не сможет больше соврать ему. Медленными шагами она приблизилась, хотела тут же броситься в объяснения, но Давид взглядом пригласил ее сесть на соседние качели, дал время успокоиться, а сам усталился в вытоптанную землю перед собой.

Некоторое время они сидели молча, поскрипывая качелями и не решаясь взглянуть друг на друга. Кира вспоминала все их поездки, шутки, нежности, его руку у себя на бедре, когда она сидела с ним в машине, его плотные, густые волосы, которые ей так нравилось перебирать пальцами. Вспоминала свое блестящее несостоявшееся будущее, образовательную программу, о которой даже не вспоминала последние дни. Ей стало так жалко себя, что она снова заплакала.

– Ты мне сразу понравилась, Кира, – заговорил Гринберг.

Кира повернулась к нему. Но не на его слова, а на какой-то совершенно чужой глухой голос.

– С самого первого момента. Вся эта история с приглашением тебя на работу... Тогда я не знал, насколько ты профессиональна, мне просто нужна была ты. Нужна где-то рядом. Я сразу понял, что ты особенная, глубокая, мечущаяся, ищущая, но в то же время полна внутреннего спокойствия...

Он вновь замолчал на несколько секунд, жадно рассматривая Киру, словно в поисках какого-то ответа.

– Я никогда не говорил тебе этого, не знаю, почему, но я любил тебя.

Кира зарыдала уже во весь голос.

– Да подожди ты, успокойся... – Голос его смягчился. – Кира, а ведь я обо всем знал. Знал, что ты рылась в моих документах, компьютере, айпаде. Знал, что ты не доверяла мне. Если помнишь, я сам тебе как бы случайно показал свои пароли. А еще у меня дома везде камеры. Да, Кира.

Она закрыла лицо руками, отчаянно подыскивая слова, чтобы ответить, но продолжала молчать. В такой растерянности Кира не пребывала еще никогда. Хотелось сказать, что она его тоже любит, хотелось извиниться, броситься ему на шею. Но было уже поздно, она это знала и потому продолжала молчать.

– Ты наблюдала за мной – я наблюдал за тобой. Это все было гадко, это выматывало, Кира. Я знаю о твоём разговоре с Мерме. Иногда я был почти уверен, что ты какая-то бездушная сука, непонятно кем засланная. Но ты каждый раз разубеждала меня в этом своей безудержной нежностью. В конце концов я перестал париться на этот счет, и, когда я окончательно расслабился, ты исчезла. Но я приехал не для того, чтобы излить душу или оправдываться. Послушай...

Он попытался отнять ее руки от лица, потянул их вниз, но Кира подалась за ними и чуть не упала.

– Слушай внимательно, – повторил он. – Кира, ты даже не подозреваешь, во что можешь вляпаться. Я не в силах буду тебе помочь. Я переживаю за тебя.

Кира наконец подняла свое заплаканное красное лицо. По отрывистой интонации, долгим гласным было понятно, как трудно давалось Давиду каждое слово. Кира почувствовала жалость к нему – настолько несвойственна была неуверенность этому вечно улыбающемуся, дерзкому мужчине.

– На твоём месте я бы сейчас обеспокоился своей безопасностью. И если ты не хочешь, чтобы пострадали... твои кошки, – он взглянул на пакет корма, – не хочешь найти их покромсанными на шубки, чтобы с твоей мамой или с тобой что-нибудь не случилось, то просто забудь обо всем и больше ни во что не ввязывайся.

Тут Давид заметил, как резко Кира опустила глаза и заерзала на качелях.

– Что?

– Ни... чего... – выдавила она из себя, задыхаясь от слез и навалившейся паники.

– Что?! – повторил он тверже.

– Я... я... ничего, Давид. Ничего.

На детскую площадку ворвалась стайка детишек лет пяти. Не останавливаясь ни на секунду, они носились кругами, сияя широкими улыбками и выкрикивая что-то неразборчивое. Они бегали, как будто им изначально, словно столкнувшимся протонам, придали ускорение, и двигались в пространстве легко, не затрачивая никаких усилий, едва касаясь земли. То и дело проносясь мимо качелей, они закручивали в свой беззаботный вихрь Киру и Давида, иногда с любопытством поглядывая на них.

– Судя по всему, мы на чужой территории. Давай не будем отравлять им радость момента своими кислыми физиономиями.

Давид хотел пошутить, но выглядел при этом жалко. Подождав несколько секунд ответа и не услышав ничего, кроме всхлипываний, он добавил:

– Не знаю, что еще сказать. Я, наверное, пойду...

Кира кивнула. Не ему лично, а в никуда. Единственное, чего ей хотелось, – быстрее зайти домой и захлопнуть за собой дверь поплотнее.

Давид встал и через несколько секунд скрылся за углом дома. Он ушел быстрыми, неслышными шагами, словно растворился в воздухе.

На опустевшие качели с лету запрыгнул мальчишка. Еще один настырно закрылся вокруг Киры, всем своим видом показывая, что пора бы ей тоже освободить место. Она послушно встала, взяла свои пакеты и поплелась к подъезду, чувствуя себя невероятно старой, дряхлой, словно прожившей длинную-преддлинную жизнь, но прожившей ее bestолково, невдумчиво. У входа еще раз обернулась

туда, где исчез ее Давид, – на детскую площадку. Пацаны раскачивались изо всех сил, стараясь обогнать друг друга. Качели подпрыгивали под ними, чуть ли не целиком отрываясь от земли. Кира вдруг ясно представила, о чем думают двое пацанят. О том, что это не качели, а космический корабль, о том, что если еще чуть-чуть оттолкнуться, то достанешь до звезд. Эта фантазия ничем не отличается по интенсивности переживания от реальности. Она добровольно только что убила в себе ребенка и, что более ужасно, убила его в Давиде.

Вернувшись домой, Кира опустила на диван у окна и какое-то время сидела неподвижно, будто прислушиваясь к себе, будто проверяя, жива ли она, дышит ли, может ли мыслить как обычно. Так, наверное, люди после автомобильной аварии открывают глаза, не понимая, что произошло.

Мама должна была прийти нескоро, и Киру это радовало. Ей не хотелось делиться всем, что произошло. Было стыдно за себя. В силу характера она всегда брала всю ответственность на себя, даже тогда, когда этого не следовало делать. Сейчас же Кира понимала, что еще не ошибалась так никогда прежде – случившегося с лихвой хватило бы на несколько жизней. С самого начала, с момента переезда в Лондон каждый ее шаг казался теперь неверным. Отматывая воспоминания назад, она видела в своих действиях только необдуманность, глупость, подверженность сиюминутным импульсам, инстинктам, нездоровому любопытству. Воспринимая себя защитником природы и поборником справедливости, на самом деле она удовлетворяла лишь свои амбиции и похоть. Борясь с конформизмом в душе, на практике была его символом, ища теплое местечко под крылом более сильной личности. Она была противна самой себе. Всегда обращаясь за материнской поддержкой, сейчас она не хотела, чтобы мама видела, кем Кира является на самом деле.

На этой волне жалости и отвращения к себе Кира набрала номер Константина. Слезы окончательно высохли, в голосе появилась отстраненная хрипотца. Стараясь казаться максимально деловой, Кира попросила снять материал с номера, объясняя это тем, что нашла дополнительные факты, противоречащие друг другу. Константин, прошедший за свою карьеру через несколько судов против газеты и против него лично, воспринял это спокойно и, казалось, совсем не удивился.

– Но ты будешь его дорабатывать?

– Буду, Константин Владимирович. Надо переговорить еще с одним человеком, – соврала Кира, зная, что больше никогда не захочет даже открывать злополучный файл.

– Окей. Гуд лак! – отбарабанил Чураков и положил трубку.

Он, как всегда, куда-то спешил.

ГЛАВА X

Дни тянулись, как капли густого темного меда, в котором так легко увязнуть, забыв, что есть другая реальность – без приторного вкуса, чистая, прозрачная, полная воздуха и движения.

Летом Кира первый раз подсчитала, что с момента разговора на детской площадке прошло полгода. Не прошло, а промчалось в каком-то оцепенении.

Уже на следующий день после того объяснения Кира появилась в офисе маминого журнала и вновь принялась живописать часы, яхты, украшения – создавать несуществующую, недостижимую картину, где все красивы и вечно молоды. Постепенно в ее жизнь вернулись посиделки в «Uilliam's» и «Угольке», танцы в

«Квартире», окончательно стерев с ее образа деловой лоск. Брючные костюмы пылились в шкафу, а геройские мысли все больше отступали под натиском сиюминутного.

Казалось, в Лондоне никому не было дела до ее неожиданного исчезновения. По крайней мере, ни Филипп, ни Диана, ни Жак ни разу не написали, не позволили. Сама Кира нет-нет да и набирала в «Гугле» знакомое имя. Давид все так же лучезарно улыбался у пресс-воллов, иногда с какой-нибудь красоткой. Киру красотки не трогали, каждый раз она сравнивала открытое, лучезарное лицо Да вида на фотографиях с тем ссутуленным человеком с землистым цветом лица и глубокой складкой между бровей, который сидел на детских качелях и от растерянности бесконечно тянул слова. Светские снимки моментально становились ненастоящими, красотки – пластиковыми муляжами, улыбки – карнавальными масками, и в этом Кира находила некое успокоение.

Про «доброведение» она тоже вспоминала нечасто. Лишь вскользь иногда появлялась мысль «как было бы хорошо, если бы...». Это было даже не сожаление – так люди обычно думают о своей детской неосуществленной мечте, о зарытом таланте, который уже не откопать. «Вот если бы родители заставили меня тогда окончить музыкальную школу...» – мечтательно думает какой-нибудь дальнобойщик, слушая ночью во время рейса старый добрый рок. Он представляет себя на сцене с гитарой. Представляет ярко, живо, так, что софиты слепят глаза, а многотысячная толпа гудит внизу и вторит его имя. И эти несколько секунд дальнобойщик счастлив, но поворот на перекрестке отвлекает его – мечта бесследно исчезает, и он вновь думает о шинах, растаможках, бензине и своих детях. Вот и «школа добра» осталась такой далекой мечтой, которая иногда на пару секунд делала Киру счастливой, а потом, испуганная повседневностью, испарялась.

* * *

Как-то Кира проснулась позже обычного. Городская жизнь переместилась из квартир в офисы уже несколько часов назад, поэтому во дворе было тихо, машины не гудели, двери не хлопали. В открытое окно доносилось пение – в их доме на втором этаже частенько распевалась оперная дива. Живой классический голос казался здесь каким-то инородным, слишком настоящим. Или как будто из далекого прошлого. Кира маялась от того, что никак не могла понять, что же ей напоминает это тягучее «а-а-а-а-а», и вдруг нужный образ четко вырисовался в голове. Года три назад она стояла у окна своего номера в Венеции, чемоданы уже были собраны, и Кира жадно старалась впитать в себя атмосферу этого чудного города. Не могла надышаться, наглядеться. Вдруг с канала у Ponte del Diavolo доносилось пение гондольера. Говорят, в последнее время венецианские лодочники разленились, обнаглели или все как один потеряли голос – неважно. Но пели они очень редко и, как обычные городские таксисты, понуро выполняли свою работу. Тем ценнее было веселое, задорное пение того гондольера, который чуть не заставил ее плакать от радости. Сзади подошел Лео, обнял ее и тоже стал молча слушать...

Кира рванулась к телефону. Вот кого ей не хватало! Вот куда нужно было бежать, с кем можно было забыться. Правда, в последнее время он редко давал о себе знать, но это только ее вина, подумала Кира и набрала номер. Лео не ответил. Тогда она настрочила эсэмэску: «Лео, чао, дорогой! Ты ждешь меня? Я скоро буду, хочу приехать на подольше. Соскучилась! Целую, целую, целую!» Лео не отвечал. Только через пару часов пришло сообщение – видно было, что много раз перечитанное и обдуманное: «Привет, дорогая Кира! Кое-что изме-

нилось. У меня появилась девушка, мы живем вместе. Вроде все хорошо. Но я всегда буду рад тебя видеть. Если будешь в моих краях, можем выпить кофе вместе. Твой Лео».

«Ну вот и четвертый, – подумала Кира. – Четвертый за год, кого я потеряла», – и ей стало так больно, как никогда раньше. Боль потерь и собственных ошибок, боль вины и угрызений совести, боль недолюбленной, не прожитой сполна любви одновременно вырвалась из какого-то потайного кармана души, высыпалась ключичими осколками, сжала грудь. Кире захотелось показушно, по-киношному рыдаться, броситься ничком на кровать, выплакать жалость к себе. Ведь, говорят, после этого становится легче... Однако скудные слезы никак не хотели изливаться. Кира моргала, жмурилась, но, кроме едва заметной влажной пелены на глазах, ничего не получалось. В конце концов ей надоело разыгрывать спектакль перед самой собой, она оделась, накрутила волосы – сегодня так захотелось, расчесала кудри на одну сторону и отправилась навестить старую знакомую, которая уже много лет выпускала слабенький, но единственный серьезный журнал в стране, посвященный экологии.

Елена ежедневно доказывала себе и всему миру, что можно быть счастливой, каждый день наблюдая чужое несчастье и горе. Она подбирала изувеченных животных, периодически выезжала на Байкал спасать тюленей и, тем не менее, каким-то чудом продолжала быть источником искрометного, доброго юмора для окружающих, а самое главное, насмотревшись зверств, продолжала любить людей. Киру подкупала ее бесконечная любовь ко всему живому, но сама она продолжала наблюдать за маленькими, незаметными подвигами Елены со стороны.

Некоторое время назад та уговорила Киру съездить в приют «Эко-Баню» во лонтером. Через пятнадцать минут в этом аду Киру стошнило на обочину – она еле успела выбежать за ворота. Еще долго ей снились отчаянные обмороженные собаки и кошки, разрывающие друг друга от голода, все в грязи, крови, фекалиях. С запуганными глазами, в которых отражалось все безумие мира и, тем не менее, теплилась надежда. А когда Кира увидела в этих глазах еще и любовь к человеку, к человеку, который бьет, унижает, от которого эти никому не нужные псы не видели ничего хорошего, она впервые сильно, до ярости возненавидела человечество. К ненависти примешивался страх. Кира стала бояться того, во что может превратиться душа человека. Боялась той дьявольской бездонной черноты, из которой поднимаются жестокость, равнодушие и удовольствие от чужой боли.

Поначалу, когда она еще не отошла от шока увиденного, она ощущала эту смердящую, гнилую бездну в каждом человеке, подозревая ее даже у себя. Но спустя какое-то время Кира буквально уговорила себя, что есть все же люди, у которых глубины наполнены прозрачной, как будто сверкающей после дождя водой. Чистой, прохладной, добродетельной. Она смирилась, что их всегда было и будет мало, но они есть. И только это убеждение помогало ей не сойти с ума – настолько сильным и тягостным было то впечатление.

С тех пор Кира, естественно, никуда с Еленой не ездила, иногда переводила немного денег в помощь, этим и успокаиваясь. Елену она стала называть «хирургом», имея в виду, что та хладнокровно делает тяжелую работу, от которой большинство падает в обморок.

В этот раз они встретились в скромной «Шоколаднице» на Октябрьской – на более шикарные места у Елены не было денег. Кира оглядела ее с любопытством. Понятно, почему обычно таких людей принято считать неудачниками – никакого маникюра, давно отросшие после окрашивания корни волос, полноватая, оплыв-

шая фигура, не знающая, что такое массаж и фитнес. «Сильная одинокая женщина в окружении кошек» – над этим образом в Интернете шутить легче всего, не озадачиваясь вопросом, а может, эту женщину следует называть святой, а не сильной. Может, ей даже некогда мечтать о своем принце, потому что она в очередной раз без раздумий несется спасти чью-то маленькую жизнь.

Елена сразу принялась болтать о типографиях, журналистах, сплетнях. Кира только и успевала вставлять «да, конечно» и «да ты что!», удивляясь тому, зачем этой умной, проницательной женщине нужно торопиться заполнить тишину бессмысленными разговорами.

– Послушай, – наконец решила перебить ее Кира. – Можно я задам тебе неприятный вопрос? – И, не дожидаясь ответа, спросила: – Ты мне все это сейчас говоришь, потому что тебе это действительно интересно?

Елена растерянно заморгала. Кира продолжила:

– Или ты привыкла думать, что то единственно важное, чем ты занимаешься, никого не интересует? Но со мной-то не надо мимикрировать под тупую блондинку, я знаю, что ты из себя представляешь. На земле был бы рай, если б все остальные подражали тебе.

– Ты чего такая раздражительная... возбужденная? Кто тебя взбесил?

– Ты! – Кира специально произнесла это легким, шутливым тоном, чтобы разрядить обстановку, затушить начинавший пылать в душе пожар. – Просто ты настолько выдающаяся, неординарная, а тараторишь какие-то банальности. Не надо опускаться до тупого среднестатистического уровня – пусть они до тебя карабкаются.

– Ох, Кирюш, да кому оно надо – карабкаться. Журнал вот-вот сдохнет. И так было тяжело, еще и кризис... Но я не жалуясь.

– Я знаю, ты никогда не жалуешься.

– Ты мне лучше скажи, что с тобой, в самом деле?

– В смысле?

– Грустная ты какая-то.

Кира внимательно посмотрела на Елену. В ее глазах светилась искренняя заинтересованность, располагающая к откровенности.

– Знаешь, никто, кроме тебя, этого не замечает.

– Если ты не опубликовала свою грустную мордочку в «Инстаграме», то вряд ли кто-то сейчас способен это заметить.

– Да уж...

Кире совсем не хотелось опять погружаться в воспоминания, хотя она и осознавала, что ее собеседница все поймет правильно.

– Просто мне как-то некомфортно на душе. Не знаю даже, почему.

– Некомфортно, – повторила Елена, собираясь с мыслями. – Комфорт – это наше проклятие. Посмотри, как стало популярно это слово. Оно только одно сейчас движет людьми. Даже вездесущее выражение «выйти из зоны комфорта» означает смену одного бестолкового занятия на другое, просто более модное. Но по сути – это сплошной эгоизм. А поиски счастья?! Все талдычат: будь счастливым! будь успешным! будь продуктивным! Двадцать пять советов, как стать счастливым... тридцать пять советов, как привлечь в свою жизнь какую-нибудь хрень с красивым названием... И еще вот это мне нравится: «Счастье – это естественное состояние человека». Тоже хрень собачья! Быть постоянно счастливыми могут только душевнобольные, блаженные люди. А мы вообще должны забыть это слово, не стремиться к иллюзорному.

– Но к чему-то ведь надо стремиться!

– Согласна. Карьера, семья – все это хорошо, все стоит усилий. Но я не об этом. Я о том, что ставить собственный комфорт и счастье как самоцель – это неправильно. Наоборот, нужно отрывать от своей души куски, трепещущие радостью, раздавать их тем, кому они нужны больше, чем тебе, а такие люди обязательно есть вокруг каждого из нас. Возможно, тогда счастье незаметно подкрадется к тебе. Пригреется на твоём горячем плече и не захочет больше уходить.

Кира зачарованно смотрела на Елену, будто загипнотизированная ее речью.

– Мне кажется, от тебя оно точно никогда не уйдет, – сказала она.

Елена лишь задумчиво и по-особенному тепло улыбнулась.

Еще долго после этого разговора Кира ощущала в себе его отзвуки. Слова, интонации, выражение глаз то и дело всплывали в памяти, вибрировали, вдохновляя на мечты о подвигах, о прекрасных порывах. Ей вновь стало беспокойно, хотелось свершений, поступков, геройства. Это возвращало мысленно в Лондон, к интимным разговорам с Давидом. В конце концов этот душевный зуд лишил ее сна, окончательно измотав, и, вместо того чтобы раздуть этот тлеющий костер, она окончательно его затушила, отлавливая беспокоящие мысли, переключаясь на что-нибудь противоположное, концентрируясь на работе, музыке, друзьях.

Через пару месяцев Елена позвонила Кире, радостно чирикающая про очередную длительную экспедицию на Север, про тюленей, про нефтяные вышки, против которых она и еще несколько человек будут воевать, – и все это с таким восторгом, будто речь шла о круизе мечты, а не о жизни в палатках и опасностях.

Кира отказалась ехать, ссылаясь на большую занятость. «Понимаю», – действительно понимающе сказала Елена и, пожелав Кире успехов, продолжила сражаться со своими мельницами.

Вместо Севера Кира отправилась с мамой на озеро Гарда, в маленький эко-отель в очаровательном городе Лимоне. Приставки «эко» хватило, чтобы усыпить ее эго.

